Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 5 копеек.

№ 1279

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (большев.)

ПРАВДА

Орг. Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Мал. Черкасский пер., д. 3/4. Телеграфный адрес—ИЗДАТПРАВДА.

ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат . . . 5-84-14. Телефонограммы 1-93-00, доб. «Правды». Иностр. отд. . . . 2-71-84. По Союзн. Респ. . . 3-91-01. Отд. хроники . . . 5-80-31. Парт. жизнь . . . 5-87-34. Рабочая жизнь . . . 5-87-38. Ночн. ред. . . . 3-63-09. «Прожектор» . . . 1-61-12. «Предприятие» . . . 3-71-88. Рукописи не возвращаются.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: в Москве и в провинции: На 12 месяцев 10 р. — к. На 3 месяца . 2 р. 85 к. На 10 „ 9 р. — к. На 1 „ . 1 р. — к. На 6 „ 5 р. 50 к. За границу: 1 год—18 дол., 6 мес.—9 дол., 3 мес.—4,5 дол., 1 мес.—1,5 дол.

ЦЕНА на ОБ'ЯВЛЕНИЯ: строка нонпарели позади текста—2 р. 00 к., строка нонпарели в середине текста—4 р. 50 к. Сверх тарифа, согласно постан. СНК от 11 апреля и 8 июня п. г., взим. 15% налога. При многократном печатании—скидка по соглашению. ОБ'ЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ Гл. Конторой Изд. «Правда»—М. Черкасский, 3/4. Телеф. Главн. конторы . . 5-28-07. » бухгалтерии . . 2-83-28. » отд. об'явлений . . 2-63-77. » городского отдела 2-60-23, 2-69-24 и 2-54-52.

№ 255 (3186). Суббота, 7 ноября 1925 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
№ 255 (3186).

На перевале к девятому году рабочей диктатуры весь мир, друзья и враги, видит: пролетарии и крестьяне могут не только разрушать,—они могут и строить; они смогли не только победить врага,—они подняли на ноги великую страну.

На перевале к девятому году рабочей диктатуры наша партия призывает трудящихся к новым битвам на фронте хозяйства. Без комчванства, но и без уныния; без розовых очков, но и без испуга перед карканьем врагов, с мужественной и твердой уверенностью в победе, пусть идут вперед рабочие батальоны!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

НОВЫЕ РАБОЧИЕ ДЕЛЕГАЦИИ.

В СССР направляются делегации рабочей молодежи Германии, Франции и Голландии.

ИТАЛИЯ.

В связи с раскрытием заговора против Муссолини, в Риме и других городах произошли крупные фашистские демонстрации. Фашисты пользуются заговором, как поводом для перехода в новое наступление против оппозиции.

КИТАЙ.

В виду того, что японские предприниматели отказываются исполнять данные ими обещания, в Шанхае вспыхнула новая забастовка.

Шанхайская полиция опубликовала ряд приказов, направленных против профсоюзов.

ПО СССР.

Народным комиссаром по военным и морским делам постановлением ЦИК СССР назначен тов. Ворошилов.

В Донбассе открыты новые залежи железной руды.

Совнарком РСФСР поручил Малому Совнаркому разработать проект мероприятий по увековечению памяти тов. Фрунзе.

В Москву прибыла первая группа членов датской делегации профсоюзов.

Восьмая годовщина

Вереницей бегут годы, и их причудливая череда исчезает во мраке прошлого. Вот уже восемь лет протекло с тех пор, как пролетариат России, поддержанный середняцким крестьянством и миллионной армией солдат, превратил в черепки когда-то мощную государственную организацию старого строя и начал складывать, под обстрелом врага, здание своей диктатуры. Год проходил за годом: и годы великого свержения остатков прошлого, и годы упорной, нестерпимо тяжелой, мучительно-напряженной кровавой гражданской войны; годы голода и мора, тифа и смерти, ужасные, холодные, грязные, вшивые годы, когда народ отстаивал себе право на независимое существование, дрался за землю, мир, фабрику, диктатуру; годы заговоров и интервенции, эсеровских пуль и генеральских наскоков; годы блестящих побед и в то же время неслыханного разорения и к небу кричащей нищеты, лохмотьев, наготы, разрухи. За ними череда первых хозяйственных успехов, первых európai «признаний», первых дипломатических визитов. А потом—время бурного роста нашего хозяйства, начало громадной—по всему фронту—строительной работы, новых задач, новых работ, новых опасностей.

Великое, поистине героическое время! И вот теперь, расправивши крылья, летим мы через восьмую годовщину в будущее. Что оно сулит нам? Чего мы сами хотим, с чем мы идем в это грядущее?

Мы идем вперед с возрастающей уверенностью в правоту и непобедимость нашего дела. Пусть что угодно говорят буржуазные идеологи и их социал-демократические услужающие. Мы-то ясно видим, как снова катится капиталистический мир к неизбежным катастрофам. Мы видим, как готовят новые войны империалисты. Мы видим, как подымается к новой жизни большинство человечества, затоптанное до сего дня тяжелым сапогом колониальной политики. Мы видим, как тихо тонет великая Британская Империя, и как ее рабочий класс меняет свою ориентацию, чтобы спасти себя и помочь братьям по борьбе. Мы слышим, как грохочут пушки в *Африке*, как сметают в Сирии ураганным огнем целые непокорные города, как трещат английские пулеметы на берегах Тихого океана. Мы слышим, как по всей земле проносится боевой клич подымающихся миллионных рабов. Железной поступью идет наше время.

И вот, среди моря врагов стоит наша крепость, наша страна трудящихся, наша пролетарская диктатура. Она плотным врезалась в мировое хозяйство. И она стоит под ударом противника. Политическим, военным, экономическим. Опасно? Да, опасно. Но мы будем строить и строить, укреплять, удесятерить нашу силу, нашу мощь, нашу *обороноспособность*. По всему фронту—в хозяйстве, в политике, в армии, в культуре.

Из голодной страны мы понемногу превращаемся в сытую. Но и здесь стерегут нас новые засады. Развертывается наша социалистическая промышленность. Шагает вперед кооперация. Транспорт, банки, кредит—смыкаются пролетарской цепью вместе с промышленностью и понемногу всасывают мелкое хозяйство, форсируя всё ощутительнее строительство кооперации. А в то же время подымает голову кулак. А в то же время частный капитал залезает в каждую нашу прореху, и у него сразу отрастает несколько голов. А в то же время он тянет зубами и ногтями крестьянина к себе, в *свою лавочку*, в свой приход, в свое—еще маленькое—царство. Опасно? Да, опасно. Но разве мы не сумеем преодолеть и этих опасностей? Разве мы не вытесним противника из его окопов? Вытесним, выкурим, обезвредим.

Но мы справимся со всеми затруднениями, если сами будем активны, если во все возрастающей степени в дело социалистического строительства будут вовлекаться **массы**. Это величайшее завоевание нашей революции мы обязаны беречь, как зеницу ока. Больше самодеятельности, больше простора рабочим и крестьянам! Больше творчества и активности пролетарского авангарда!

За годы революции смерть уложила в могилу десятки тысяч лучших борцов. Она отняла у нас гениального Ильича. Совсем недавно она вырвала из наших рядов тов. Фрунзе. Она выбивает старых большевиков одного за другим—и отсюда к нам подкрадывается еще одна опасность. Но и здесь мы преодолеем всё, если будем ясно видеть задачу и со всей энергией ее решать. Неисчерпаем запас революционных сил пролетариата. И с каждым шагом вперед нашей экономики растет количественно и качественно рабочий класс, вождь и руководитель нашего общества. Он сплачивает свои силы, растет духовно: все зорче становятся его очи, все тверже его рука, все увереннее его оценки. На перевале к девятому году своей власти он может бодро смотреть вперед. Мы идем к социализм—

Два письма В. И. Ленина перед Октябрем.

Печатаемые ниже два письма Владимира Ильича (письмо товарищу Смилге и письмо к товарищам-большевикам, участвующим на областном с'езде советов Северной области) входят в серию тех писем, с которыми Владимир Ильич накануне Октября обращался к партии из подполья, агитируя за вооруженное восстание. Первое письмо написано в Выборге 27 сентября (стар. стиля), второе—8 октября (стар. стиля).

Тов. Смилга состоял в то время председателем областного комитета армии, флота и рабочих в Финляндии (в Гельсингфорсе). Естественно, что областной комитет, в котором руководящая роль принадлежала большевикам, мог сыграть (и сыграл) громадную роль в деле подготовки вооруженного восстания. Этим обстоятельством и об'ясняется посылка Владимиром Ильичем письма на имя тов. Смилги. По конспиративным соображениям Владимир Ильич советовал Смилге сжечь письмо, но тов. Смилга, к счастью, не выполнил этого предложения.

С'езд советов Северной области, к большевистской фракции которого обращено второе письмо Ленина, происходил в Петрограде 11—26 октября 1917 года. В своих резолюциях с'езд, на котором большинство шло за нашей партией, принял все боевые лозунги большевиков.

Товарищу Смилге.

Пользуюсь хорошей оказией, чтобы побеседовать поподробнее.

1.

Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики об'явили войну правительству. Но правительство имеет войско и **систематически** готовится (Керенский в ставке, явное дело, столковывается с корниловцами о войске для подавления большевиков и столковывается деловым образом).

А мы что делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем «сроки» (20. X С'езд Советов—не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики **не ведут**, чтобы подготовить **свои** военные силы для свержения Керенского.

События вполне подтвердили правильность моего предложения, сделанного во время Демократического Совещания, именно, что партия **должна** поставить на очередь вооруженное восстание. События **заставляют** это сделать. История сделала коренным **политическим** вопросом сейчас вопрос **военный**. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные «злобой дня», мелкими текущими вопросами и «**надеясь**», что «волна сметет Керенского». Такая надежда наивна, это все равно, что положиться «на авось». Со стороны партии революционного пролетариата это может оказаться преступлением.

По-моему, надо агитировать **среди** партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию—для этого переписать на машине и сие письмо и доставить его питерцам и москвичам.

2.

Дальше о вашей роли. Кажется, единственное, что мы можем **вполне** иметь в своих руках и что играет **серьезную** военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот. Я думаю, *вам* надо воспользоваться своим высоким положением, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую, рутинную работу, не терять времени на «резолюции», *а все внимание отдать* **военной** подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать тайный комитет из **надежнейших** военных, обсудить с ним **всесторонне**, собрать (и проверить **самому**) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.

Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого: с прекрасными резолюциями и с Советами, но **без власти!!** Я думаю, у вас есть возможность подобрать действительно надежных и знающих военных, с'ездить в Ино и другие важнейшие пункты, изнести и изучить дело **серьезно**, не полагаясь на **слишком обычные** у нас хвастливые общие фразы.

Что мы **ни в коем случае** не можем позволить увода войск из Финляндии, это ясно. Лучше итти **на все**, на восстание, на взятие власти,—для передачи ее с'езду Советов. Я читаю сегодня в газетах, что уже через 2 недели опасность десанта равна нулю. Значит, времени на подготовку у вас совсем немного.

3.

Далее. «Власть» в Финляндии надо использовать для систематической пропаганды среди казаков, находящихся в Финляндии здесь. Часть их Керенский и К° нарочно вывели из Выборга, напр., боясь «большевизации», и поставили в Усикирко и Перкъярви, между Выборгом и Териоки, в безопасной (от большевиков) изоляции. Надо изучить все сведения о расположении казаков и организовать посылку к ним **агитаторских отрядов из лучших сил матросов и солдат Финляндии**. Это необходимо. Тоже **и для литературы**.

4.

Далее. Конечно, отпуски даются и матросам и солдатам. Надо **из** отпускаемых в деревню на побывку составить отряды агитаторов **для систематического об'езда всех губерний и агитации в деревнях, как вообще, так и для** Учредительного Собрания. Ваше положение исключительно хорошее, **ибо** Вы можете **начать** сразу осуществлять тот **блок с левыми эсерами, который один** может нам дать прочную **власть в** России и большинство в Учредительном Собрании. Пока там суд да дело, заключите немедленно **такой блок** у себя, организуйте **издание листовочек** (выясните, что вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию) и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе **для деревни** было не менее **2-х** чел.: 1 от **бол.**, 1 от левых с.-р. В деревне «**фирма**» с.-р. пока царит и надо пользоваться вашим счастьем (у вас левые с.-р.), чтобы **во имя этой фирмы провести в деревне** блок бол. с **лев. с.-р., крестьян** с рабочими, а не с капиталистами.

5.

По-моему, для правильной подготовки умов надо сейчас **же пустить** в обращение такой лозунг: **власть должна немедленно перейти в руки** Петроградского Совета, **который передаст ее** С'езду Советов. **Ибо зачем терпеть** еще 3 недели войны и «корниловских подготовлений» Керенского.

От **пропаганды** этого лозунга большевиками и **левыми** с.-р. в Финляндии не может **быть ничего, кроме пользы**.

6.

Раз **вы во главе «власти»** в Финляндии, на вас ложится еще одно важнейшее, хотя и скромное по задаче, дело: наладить транспорт литературы **из** Швеции нелегально. Без этого все разговоры об «Интернационале»—**фраза**. Наладить это **вполне** можно: во-1-х, создав свою организацию **из солдат на** границе; во-2-х, если этого нельзя, то организовав **правильные поездки** хотя бы 1 надежного человека в одну местность, где я начал налаживать транспорт при помощи **того лица, у коего я жил 1 день** до в'езда в Гельсингфорс (Ровио его знает). М. б. надо немного помочь деньгами. Обязательно наладьте это!

7.

Я думаю, **нам** бы надо повидаться, чтобы поговорить на эти темы. Вы могли бы приехать, потеряв меньше суток, но если поедете **только** для свидания со мной, заставьте Ровио спросить по телефону Хуттунена, можно ли видеть «сестре жены» Ровио («сестра жены»—Вы) «сестру» Хуттунена (сестра—я). Ибо иначе я могу уехать внезапно.

Ответьте **мне** обязательно о получении этого письма **(его сожгите)** через того же товарища, который передаст это письмо Ровио и **который едет скоро назад**.

На случай, что я долго останусь здесь, надо наладить нам почту: **вы бы могли помочь** этому, передавая ж.-д. служащим конверты в **Совет** Выборгский (а внутри: Хуттунену).

8.

Пришлите мне через того же товарища удостоверение (по возможности *неформальнее: на бланке* областного комитета, за подписью председателя, с печатью, либо на машинке, либо **очень ясно**): на имя Константина Петровича Иванова, что-де председатель областного комитета *ручается* за сего товарища, просит **все Советы**, как **Выборгский** Совет Солд. Деп., так и другие, оказать ему **полное доверие**, содействие и поддержку.

Мне это необходимо на **всякий** случай, ибо возможен и «конфликт» и «встреча».

9.

Нет **ли** у вас московского **сборничка «К пересмотру программы»**? Поищите у кого-либо в Гельсингфорсе и пришлите мне с тем же товарищем.

10.

Имейте в виду, что Ровио прекрасный человек, но **лентяй**. За ним надо смотреть и **напоминать** 2 раза в день. Иначе не сделает.

Привет. К. Иванов.

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ-БОЛЬШЕВИКАМ, УЧАСТВУЮЩИМ НА ОБЛАСТНОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

Товарищи! Наша революция переживает в **высшей степени** критическое время. Этот **кризис** совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции и борьбы против нее всемирного империализма. На ответственных руководителей нашей партии **ложится гигантская** задача, невыполнение которой грозит полным крахом интернационалистического пролетарского движения. Момент такой, что промедление поистине смерти подобно.

Взгляните на международное положение. Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запуганность правительства. В Италии дело тоже дошло до массового взрыва в Турине. Но важнее всего восстание в немецком флоте. Надо представить себе неимоверные трудности революции в такой стране, как Германия, да еще при теперешних условиях. Невозможно сомневаться, что восстание в германском *флоте означает* великий кризис нарастания мировой революции. Если наши шовинисты, проповедующие поражение Германии, требуют от ее рабочих восстания сразу, то мы, русские революционеры-интернационалисты, знаем по опыту 1905—17 г.г., что более внушительного признака нарастания революции, чем восстание в войсках, **нельзя** себе и представить.

Подумайте, в каком положении оказывается мы теперь перед немецкими революционерами. Они могут сказать нам: мы имеем одного Либкнехта, который открыто призвал к революции. Его голос задавлен каторжной тюрьмой. У нас нет ни одной газеты, открыто выясняющей необходимость революции, у нас нет свободы собраний. У нас нет ни одного Совета Рабочих или Солдатских Депутатов, Наш голос едва-едва доходит до настоящих широких масс. И мы сделали попытку восстания, имея какой-нибудь один шанс из сотни. А **вы**, русские революционные **интернационалисты**, имеете за собой **полгода свободной агитации**, вы имеете **десяток** (?) газет, вы имеете целый **ряд** Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, **вы победили в Совете** обеих столиц, на вашей стороне весь **Балтийский флот и все русские войска в Финляндии** и вы не отвечаете на наш призыв к восстанию, вы не свергаете **вашего империалиста Керенского**, имея 99 шансов из ста за победу вашего восстания.

Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях на такой призыв немецких революционеров ответим **только...** резолюциями.

Добавьте к этому, что мы все *прекрасно знаем быстрое нарастание* сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за *счет* России—вот к чему подходит международный империализм все ближе. Вот что особенно обостряет кризис мировой социалистической революции, вот что делает особенно опасным, я почти готов сказать: преступным с нашей стороны—промедление с восстанием.

Взгляните далее внутреннее положение России. Крах **мелкобуржуазно-соглашательских партий, выразивших бес**сознательное доверие масс к Керенскому с империалистами вообще, назрел вполне. Крах полный. Голосование советской курии на Демократическом Совещании против коалиции, голосование **большинства** местных Советов Крестьянских Депутатов (вопреки их Центральному Совету, где сидят Авксентьевы и другие друзья Керенского) против коалиции; выборы в Москве, где рабочее население наиболее близко к крестьянству и где более 49 проц. голосовало за большевиков (а среди солдат 14 тыс. из 17 тыс.),—разве это не полный крах доверия народных масс к Керенскому и к соглашателям с Керенским и К°? Разве можно себе представить, чтобы народные массы как-нибудь яснее еще, чем этим голосованием, могли сказать большевикам: ведите нас, мы пойдем за вами.

А мы, получив таким образом большинство народных масс на свою сторону, завоевав оба столичных Совета, будем ждать. Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам, войдя таким образом прямо или косвенно, открыто или прикрыто, в заговор и с Бьюкененом и с Вильгельмом для полного удушения русской революции.

Мало того, что народ московским голосованием и перевыбором Советов выразил доверие к нам. Есть признаки роста апатии и равнодушия. Это понятно. Это означает не упадок революции, как кричат кадеты и их подголоски, а упадок веры в резолюции и в выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе, а не разговоров. Близится момент, когда в народе может появиться мнение, что и большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели действовать после выражения нами доверия к ним...

По всей стране разгорается крестьянское восстание. Яснее ясного видно, что кадеты и кадетские прихвостни всячески умаляют его, сводят к «погромам» и «анархии». Эта ложь разрушается тем, что землю начали в центрах восстания передавать крестьянам: никогда еще «погромы» и «анархия» к таким превосходным политическим результатам не приводили! Громадную силу крестьянского восстания доказывает то, что и соглашатели, и эсеры в «Деле Народа», и даже Брешко-Брешковская заговорили о передаче земли крестьянам, чтобы притушить движение, пока оно окончательно не переросло их через голову.

А мы будем ждать, не удастся ли казачьим частям корниловца Керенского (как раз в последнее время самими эс-эрами разоблаченного в корниловщине) подавить **по частям** это крестьянское восстание.

Повидимому, многие руководители нашей партии не заметили **особого** значения **того** лозунга, который мы все признали и повторяли без конца. Это лозунг: вся власть Советам. Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда этот лозунг не означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты *ослепили* часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг **равносилен призыву к восстанию**.

На этот счет не может быть и тени сомнения. «Дело Народа» недавно «популярно» об'яснило это, сказав: «ни в коем случае Керенский не подчинится!» Еще бы!

Лозунг «Вся власть Советам» есть не что иное, как призыв к восстанию. И вина ляжет на нас всецело и безусловно, если мы, месяцами звавшие массы к восстанию, к отказу от соглашательства, не поведем эти массы на восстание накануне краха революции после того, как массы выразили нам доверие.

Кадеты и соглашатели запугивают примером 3—5 июля, ростом черносотенной агитации и т. п. Но 3—5 июля, если и была ошибка, то только та, что мы не взяли власти. Я думаю, этой ошибки не было тогда, ибо тогда мы **еще** не были в большинстве, а теперь это было бы роковой ошибкой и хуже чем ошибкой. Рост черносотенной агитации *понятен*, как обострение крайностей в атмосфере нарастающей пролетарско-крестьянской революции. Но делать из этого довод **против** восстания смешно, ибо бессилие черносотенцев, *подкупленных капиталистами*, **бессилие черной сотни в борьбе** не требует даже и доказательств. В борьбе это прямо ноль. В *борьбе* Корнилов и Керенский могут опираться только на *дикую дивизию да казаков*. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри их казачьих областей грозит гражданской войной крестьяне.

Я пишу эти строки в воскресенье, 8 октября, вы прочтете их не раньше 10 октября. Я слышал от одного проезжего товарища, что проезжающие по Варшавской дороге говорят: Керенский везет казаков в Питер! Вполне вероятно, и будет прямой нашей виной, если мы всесторонне не проверим этого и не изучим силы и распределения **корниловских войск второго призыва**.

Керенский снова подвел корниловские

войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам, чтобы помешать немедленному предложению мира этой властью, чтобы помешать передаче всей земли тотчас крестьянству, чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву! Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение как можно шире и который будет иметь громадный успех.

Нельзя ждать Всероссийского С'езда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска. На с'езде Советов представлена Финляндия, флот и Ревель, которые вместе взятые могут дать немедленное движение к Питеру против корниловских полков, движение флота и артиллерии и пулеметов и 2—3 корпусов солдат, доказавших, напр., в Выборге всю силу их ненависти к корниловским генералам, с коими опять снюхался Керенский.

Было бы величайшей ошибкой отказываться от возможности немедленно разбить корниловские полки второго призыва из-за того соображения, что балтийский флот, уходя в Питер, откроет будто бы этим фронт немцам. Клеветники-корниловцы скажут это, как скажут всякую ложь вообще, но давать запугать себя ложью и клеветой недостойно революционеров. Керенский сдаст Питер немцам, вот что яснее ясного теперь, никакие заверения в обратном не устранят нашей полной уверенности в этом, вытекающей из всего хода событий и из всей политики Керенского.

Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть Советам обеих столиц, эти Советы тотчас предложат мир всем народам и выполнят этим свой долг перед немецкими революционерами, сделают этим решительный шаг к разрыву преступных заговоров против русской революции, заговоров международного империализма.

Только немедленное движение балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию. И такое движение имеет 99 шансов из ста привести в несколько дней к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского, ибо рабочие и солдаты обеих столиц поддержат такое движение.

Промедление смерти подобно.

Лозунг: вся власть Советам, есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя. А к восстанию надо уметь отнестись как к **искусству**,—я настаивал на этом во время Демократического Совещания и настаиваю теперь, ибо этому учит марксизм, этому учит все теперешнее положение в России и во всем мире.

Дело не в голосованиях, не в привлечении «левых эсеров», не в добавлении провинциальных Советов, не в с'езде их. Дело в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Под Питером и в Питере,—вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее.

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.

Промедление смерти подобно.

Н. ЛЕНИН.

8 октября 1917 г.

Автограф В. И. Ленина. Конец письма тов. Смилге. (См. 1 стр.).

И. Сталин.

Октябрь, Ленин и перспективы нашего развития.

Я думаю, что между периодом подготовки Октября, имевшим место 8 лет тому назад, и между нынешним периодом, спустя 8 лет после Октября, несмотря на всю громадную разницу между ними, имеется все же одна общая черта. Эта общая черта состоит в том, что оба эти периода отражали переломный момент в развитии нашей революции. Тогда, в 1917 году, речь шла о том, чтобы сделать переход от власти буржуазии к власти пролетариата. Теперь, в 1925 году, речь идет о том, чтобы сделать переход от нынешней экономики, которую нельзя назвать в целом социалистической, к экономике социалистической, к той экономике, которая должна послужить материальной основой социалистического общества.

Какова была обстановка в период Октября, когда Центральный Комитет нашей партии 10 октября 1917 года принял под руководством Ленина решение об организации вооруженного восстания?

Во-первых, война между двумя европейскими коалициями, нарастание во всей Европе элементов социалистической революции и угроза сепаратного мира с Россией со стороны империалистов в целях удушения революции в России. Это в области внешней. Во-вторых, завоевание нашей партией большинства в советах, крестьянские восстания по всей стране, под'ем революционного движения на фронтах, изоляция буржуазного правительства Керенского и угроза второй корниловщины. Это в области внутренней.

Это был, по преимуществу, фронт политической борьбы.

Переломный момент разрешился тогда победоносным восстанием рабочих и крестьян и созданием диктатуры пролетариата.

Как обстоит дело теперь, спустя 8 лет после разгрома буржуазной власти?

Во-первых, наличие двух лагерей в мире: лагеря капитализма, временно стабилизующегося, при явном нарастании революционного движения колониальных и зависимых стран (Китай, Марокко, Сирия и т. д.), и лагеря социализма, Советского Союза, растущего в своем экономическом развитии и сплачивающего вокруг себя как рабочих передовых стран, так и угнетенные народы колониальных и зависимых стран,—обстоятельства, дающие возможность превратить короткую «передышку» в целый период «передышки». Это в области внешней. Во-вторых, рост промышленного и кооперативного развития нашей страны, под'ем материального положения рабочих и крестьян, несомненное улучшение взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством и укрепление авторитета партии среди рабочих и крестьян,—обстоятельства, дающие возможность двинуть вперед социалистическое строительство вместе с крестьянством, под руководством пролетариата и его партии. Это в области внутренней.

Это есть, по преимуществу, фронт хозяйственного строительства.

Кончится ли нынешний переломный период победой пролетариата, это зависит, прежде всего, от успехов нашего строительства, от успехов революционного движения на Западе и Востоке, от развития тех противоречий, которые раз'едают капиталистический мир.

Восемь лет тому назад задача состояла в том, чтобы сомкнуть пролетариат с беднейшим крестьянством, нейтрализовать середняцкие слои крестьянства, использовать смертельную борьбу двух империалистических коалиций и свергнуть буржуазное правительство в России с тем, чтобы организовать диктатуру пролетариата, выйти из империалистической войны, укрепить связи с пролетариями всех стран и двинуть вперед дело пролетарской революции во всех странах.

Теперь задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, сомкнуть пролетариат и беднейшее крестьянство со средним крестьянством на основе прочного союза между ними, обеспечить руководство пролетариата внутри этого союза, усилить развитие и переоборудование нашей промышленности, вовлечь миллионные массы крестьянства в кооперацию и тем самым обеспечить победу социалистического ядра нашего хозяйства над элементами капитализма, и, с другой стороны,—наладить союз как с пролетариями всех стран, так и с колониальными народами угнетенных стран с тем, чтобы помочь революционному пролетариату в его борьбе за победу над капитализмом.

Нейтрализация среднего крестьянства теперь уже недостаточна. Теперь задача состоит в том, чтобы установить прочный союз со средним крестьянством для того, чтобы наладить правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством. Ибо, если верно положение Ленина о том, что **«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством,—и обеспечена победа во всемирном масштабе»**, то столь же верны слова Ленина о том, чтобы **«... двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством»**.

Простое развитие государственной промышленности теперь уже недостаточно. Тем более недостаточен ее довоенный уровень. Теперь задача состоит в том, чтобы двинуть вперед переоборудование нашей государственной промышленности и ее дальнейшее развертывание на новой технической базе. Ибо наша государственная промышленность есть по своему типу промышленность социалистическая. Ибо она является основной базой диктатуры пролетариата в нашей стране. Ибо без такой базы нечего и говорить о превращении нашей страны в страну индустриальную, а России нэповской—в Россию социалистическую.

Простое развитие кооперации в деревне теперь уже недостаточно. Теперь задача состоит в том, чтобы вовлечь миллионные массы крестьянства в кооперацию и насадить кооперативную общественность в деревне. Ибо кооперация при диктатуре пролетариата и наличии социалистической по своему типу промышленности есть основная зацепка для включения крестьянства в систему социалистического строительства.

Таковы в общем условия, необходимые для победы социалистического строительства в нашей стране.

Восемь лет тому назад партия добилась победы над буржуазной властью потому, что она сумела проявить ленинскую твердость в деле проведения задач пролетариата, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на колебания в ее отдельных отрядах.

Теперь, восемь лет спустя, партия имеет все возможности обеспечить победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства, если она сумеет проявить старую ленинскую твердость в деле проведения своих задач, несмотря на уйму трудностей, стоящих перед нею, несмотря на возможные колебания в отдельных ее отрядах.

Ленинская твердость в деле проведения очередных задач пролетариата,—это тоже одно из необходимейших условий победы социалистического строительства.

«ТОЛЬКО В УПРОЧЕНИИ СОЮЗА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ЛЕЖИТ ОБЩЕЕ ИЗБАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ОТ ТАКИХ ВЕЩЕЙ, КАК НЕДАВНЯЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ БОЙНЯ, ОТ ТЕХ ДИКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ, КОТОРЫЕ МЫ ВИДИМ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ МИРЕ СЕЙЧАС»

ЛЕНИН.

Рис. ДЕНИ.

А. Рыков.

Мои пожелания к 8-й годовщине Октября.

Я боюсь, что будет слишком много повторений, если мы станем из года в год заставлять одних и тех же людей писать статьи на одну и ту же тему.

Я позволю себе ограничиться в этом году только следующими пожеланиями:

1. Чтобы новый год был продолжением этого года, года восстановления хозяйства и начавшегося улучшения положения рабочих и крестьян.

2. Чтобы союз рабочих и крестьян, особенно в его деловых формах хозяйственной связи города и деревни, в этом году окреп еще больше. Чтобы наиболее забитые, отсталые и бедные слои деревни получили больше помощи от советского государства и проявили больше организованности и сплоченности.

3. Чтобы партия пополнилась новыми кадрами рабочих, чтобы в нее вошли и лучшие, наиболее активные представители деревенской бедноты и батраков. Чтобы на партийных собраниях было больше деловой критики и делового обсуждения с участием всех членов партии той чрезвычайно трудной и сложной работы, которая проводится сейчас во всех областях жизни.

4. Чтобы в намеченном впервые строительстве новых фабрик и заводов мы не делали больших ошибок, а строили такие фабрики, которые более всего необходимы, и в таких районах, где это всего более нужно и выгодно.

5. Чтобы кризис жилищ, начав, наконец, разрешаться, и мы научились строить дешевые и удобные жилища.

6. Чтобы культурное строительство не отставало от хозяйственного.

7. Чтобы меньше было прений, разговоров и бесконечных докладов в советских учреждениях и аппаратах и больше оживления и обсуждения вопросов государственного, партийного и хозяйственного строительства на народных собраниях.

8. Чтобы уменьшилась бюрократическая волокита и толчея.

9. Чтобы выдвиженчество, которое в большом числе случаев показало себя, как великолепное средство для борьбы с бюрократизмом, привлечение к повседневной работе государственных учреждений рабочих от станка и крестьян от сохи, приняло еще более широкий и систематический характер. Чтобы через выдвиженчество и подобные ему меры можно было подойти к серьезному упрощению и орабочиванию госаппарата.

10. Чтобы меньше было прогульных дней из-за юбилеев. Самые же юбилеи требовали меньше расходов, чем теперь.

11. Чтобы товарищи больше берегли себя и друг друга, и не умирали так бесцельно и случайно, как это было в истекшем году.

Рис. Д. МООР.

М. Калинин.

Наши больные места.

Восемь лет нашей революционной работы настолько укрепили хозяйственный организм нашей страны, настолько подняли политический авторитет Советского Союза, что мы смело можем говорить и о наших больных местах, о наших недостатках, которых у нас тоже немало и которые надо тем или иным путем изживать, принимая во внимание, что советская власть вступает в девятый год своего существования.

Я хотел бы указать здесь на главнейшие, на мой взгляд, недостатки в нашей работе по 1) борьбе с неграмотностью 2) обеспечению инвалидов и 3) борьбе с детской беспризорностью.

Последние две задачи являются прямым последствием гражданской войны и голода, из которых мы не так еще давно вышли. Мы были слишком бедны,—у нас было слишком много прорех, требовавших в первую очередь средств из советской казны,—чтобы выполнить полностью свои обязательства перед инвалидами гражданской войны.

А ведь нам досталась в наследство еще целая армия инвалидов и мировой империалистической бойни.

Мы сделали немало для того, чтобы облегчить жизнь всех этих искалеченных войной рабочих и крестьян. Но остается сделать еще очень и очень много.

И ко дню восьмилетней годовщины, когда наша хозяйственная жизнь уже приближается к довоенному уровню, инвалиды в праве ожидать к себе большего внимания как правительства, так и советской общественности.

Второй больной вопрос—о беспризорных детях. Многих из них война лишила родителей, семьи, еще больше выбросил их на улицу голод.

Кто не видал их, ночующих в котлах, в мусорных ящиках, раз'езжающих под вагонами, распевающих песни, просящих милостыню на всех станциях? Многих из них уже затянула улица, они привыкли бродяжничать, попрошайничать, многие из них погибают, заболевают, среди них уже большой процент венерических детей. Чтобы вернуть их к здоровой жизни, потребуется длительная воспитательная работа. Время еще не упущено, и здесь можно сделать многое.

На всех нас лежит тяжелым камнем ответственность за этих маленьких граждан. И на девятый год революции и правительство и наша общественность должны со всей энергией взяться за дело спасения беспризорных. Положение здесь грозит большими опасностями в будущем, если мы не сумеем своевременно взяться за искоренение в детях тех дурных навыков, которые прививает им бродяжническая жизнь. Комиссия по фонду имени Ленина помощи беспризорным детям в РСФСР имеет возможность сделать первый взнос на борьбу с беспризорностью, который она предполагает произвести ко дню восьмой годовщины. Мне бы очень хотелось, чтобы это не осталось незамеченным рабочими и крестьянами, чтобы этот взнос послужил стимулом к поддержке фонда широкими массами.

Наконец, первый, важнейший вопрос—о ликвидации безграмотности. Следуя заветам Владимира Ильича, мы ведем борьбу на этом участке с неослабевающим напором. Каждый новый день приносит нам здесь маленькие успехи, мы продвигаемся вперед, хотя и не так быстро, как этого хотелось бы.

Но это—проклятое наследство, накопленное веками бесправия и угнетения. И борьба с этим наследством потребует от нас еще многих усилий и больших средств.

К великому сожалению, уже выясняется, что к десятилетней годовщине нашей революции мы не сможем праздновать полной победы над этим злом. Однако, в ряде губерний задача ликвидации безграмотности уже близится к сроку. И наша задача в оставшиеся два года максимально напрячь силы, чтобы достичь наибольших результатов по искоренению этого вопиющего «царского» наследства.

На все вопросы я хотел бы обратить внимание каждого советского гражданина в восьмую годовщину. Указанные недостатки в ближайшие годы должны быть ликвидированы, как недопустимые в советском государстве.

Л. Троцкий.

За качество—за культуру!

Восемь лет диктатуры, т.-е. исключительного режима. И в то же время—хозяйственный под'ем! Как это возможно? Это возможно потому, что диктатура попрала и уничтожила лишь то, что созрело для гибели, и нашла, в общем и целом, способ сотрудничества с теми силами и формами, которых не могла еще заменить. В этом непобедимая жизненность пролетарской диктатуры: она беспощадна не по произволу, не по слепой страсти, а на основании научной оценки исторического процесса в целом, и не забегает вперед там, где не готовы еще условия.

Классический образец допролетарской революционной диктатуры дала Великая Французская революция—в виде террористического режима якобинцев. Бабеф и Бланки стремились затем в идею революционной диктатуры влить социалистическое содержание. Маркс принял это большое наследство. Но он навсегда сочетал социализм с классовой борьбой внутри буржуазного общества и традицию революционной диктатуры превратил в программу диктатуры пролетариата.

Маркс впервые научил по-настоящему подходить к обществу, как к органическому продукту хозяйственного развития. Историческое общество, каким мы его знаем, есть основанная на эксплоатации организация производства. Восхождение буржуазии обусловливалось тем, что она организовала более высокие производственные отношения. Маркс учил, что ни один общественный строй не сходит со сцены, не исчерпав заложенные в нем возможности. Из этого вытекает, что замена одного господствующего класса другим по самому существу своему связана с новой организацией общества. Всякая подлинная социальная революция—идет ли речь о революции буржуазии или пролетариата—мыслима только при том условии, если восходящий класс об'единяет вокруг себя нацию против того класса, который увенчивал изжившую себя систему хозяйства. Пролетарская революция в каждой отдельной стране есть в то же время и национальная революция, ибо пролетариат не может ни завоевать власть, ни удержать ее, ни, тем более, применить ее для перестройки общества, если сам он не становится стержнем, вокруг которого кристаллизуются все жизнеспособные элементы нации, т.-е. ее подавляющее большинство. Таковы первые буквы в азбуке марксизма.

Завоевав власть, пролетариат вступает во владение историческим наследством нации, и ему вовсе не предоставлена возможность отказаться в любой момент от любой части этого наследства. Правда, росчерком пера советская власть отказалась от уплаты долгов по старой собственности и по старым займам. Но эти долги представляли собой, в конце концов, лишь незначительную часть исторического пассива страны. Гораздо большее место в этом пассиве занимали: нищета, невежество, суеверия, алкоголизм, проституция и, прежде всего, противоречия города и деревни. Всего этого нельзя скинуть со счетов посредством декрета. Годы, последовавшие непосредственно за завоеванием власти, показали нам на суровой практике то, о чем мы теоретически знали и ранее: пролетариат не начинает по произволу новый счет со свежей страницы. Нет, он перенимает общественную механику на ходу, со всеми ее историческими напластованиями и противоречиями. Авангард пролетариата, непосредственно осуществляющий диктатуру, не может приказать массам населения, опутанным сетями прошлого: откажитесь от старых хозяйственных приемов и связей, пока я не переделаю все заново! Задача ставится иначе: строительство нового общества необходимо сочетать с поддержанием тех функций старого общества, приостановка которых неминуемо оставила бы огромные массы народа без огня, без воды, без хлеба. Отсюда проблема смычки. Это не какой-либо хитро надуманный тактический прием, а коренной вопрос революции. Он вытекает из того, что самый факт диктатуры возлагает на пролетариат ответственность—не формальную, т.-е. юридическую или «нравственную», а практическую, материальную, непосредственную—за живое человеческое общество, с его нетерпящими отлагательства жизненными потребностями. Задача переходного периода в том, чтобы привычные и пока еще незаменимые рыночные способы удовлетворения нужд и потребностей увязать с построением нового общества. Таким образом, проблема смычки—в ее наиболее обобщенной [illegible]—[illegible] национальная особенность, ни, тем более, нарушение принципов марксизма. Это коренной и неотвратимый вывод из диктатуры пролетариата, как переходной государственной формы перестраивающегося человеческого общества, которое заключает в себе могущественные и притом разнородные пласты прошлого. В противовес бланкистскому, т.-е. идеалистическому и механическому пониманию диктатуры, которое просто противопоставляло социализм старому обществу в целом и потому оставалось утопическим, марксово понимание диктатуры неизбежно предполагает ленинскую формулу «смычки».

Однако, слово смычка имеет все же не только национальный звук, но и национальное содержание. Центральную задачу переходного периода Ленин формулировал в применении к такому исторически запоздалому обществу, где противоречия города и деревни особенно чудовищны, где пролетариат составляет небольшое меньшинство нации, а главную толщу ее образует раздробленный, едва захваченный культурой мелкий товаропроизводитель—крестьянин или кустарь. Ленинская формула, как и вся ленинская политика, глубоко национальна. Но это значит лишь, что она дают законченное применение интернациональных методов к конкретным условиям народа и эпохи. Без этого политики нет. Но если смычка есть национальная конкретизация основного в марксовом понимании диктатуры, то она же является развитием этого понятия в интернациональном масштабе. Ибо только из освещенного ленинской формулой опыта Советской Республики международный пролетариат может понять и усвоить, как следует быть, те новые задачи, которые лягут на него с первого часа взятия власти.

И в тех странах, где пролетариат составляет несомненное большинство,—а это вовсе не необходимое условие его диктатуры, как мы теперь твердо знаем,—ему придется с первых же шагов, после захвата власти, налаживать необходимые связи между обобществленными и необобществленными частями народного хозяйства. Проблема хозяйственной смычки с ремесленником, крестьянином, мелким торговцем будет иметь разный удельный вес и крайне разнообразные формы, в зависимости от социальной структуры каждой нации. Но большее или меньшее значение она сохранит повсюду. В такой стране, как Англия, где рабочие составляют подавляющее большинство нации, проблема смычки примет сразу же интернациональный характер: английскому пролетариату придется договариваться с крестьянами Индии, Египта и пр., чтобы перевести на рельсы добровольного соглашения те необходимые для обеих сторон экономические связи, которые ныне имеют принудительно-колониальный характер.

* * *

Как оппозиционный класс старого общества, пролетариат выдерживает великий экзамен тем, что ниспровергает старых владык и хозяев. Но только после этого для него начинается новый экзамен, уже как для правящего класса.

Свои права на власть рабочий класс должен обнаружить и вместе обосновать созданием новой государственной организации и обороной возглавляемого им общества от внутренних и внешних классовых врагов. Построение государственного аппарата и революционной армии является первым величайшим испытанием пролетариата, как правящего класса. Новое государство и новая армия отражают перестроившуюся нацию. Советская конституция обеспечивает за пролетариатом руководящую роль в рабоче-крестьянском государстве. Коммунистический пролетариат образует стержень в Красной армии, которая пополняется, главным образом, из крестьянской толщи. В аппарате государства, как и в организации обороны, мы имеем смычку двух классов—руководящего и руководимого. Пролетариат доказывает делом, что он способен управлять и способен защищать. Этим самым он обеспечивает простейшие предпосылки для разрешения социалистических задач.

Дальше идут вопросы хозяйства и в связи с ними и на их основе вопросы культуры.

Возрождение промышленности упиралось с первых шагов в продовольствие и сырье, т.-е. в сельское хозяйство. Проблема смычки предстала тут в своей экономической сущности. Именно с этого времени входит в наш оборот крылатое ленинское слово. На первых порах смычка имеет примитивнейшее содержание: что-нибудь, как-нибудь обменять на что-нибудь, чтобы спастись от голодной смерти, чтобы не дать потухнуть последним заводам. Но отсюда вырастает более упорядоченный обмен промышленных продуктов потребления на сельскохозяйственные. Развитие этих связей составляло важнейшее содержание последних лет. Ныне проблема смычки все больше передвигается в область обмена сельскохозяйственных орудий и машин на производимое сельским хозяйством промышленное сырье. Это тот путь, на котором тяжелая промышленность непосредственно входит в цепь смычки через звено сельскохозяйственного машиностроения. Только в меру разрешения этой задачи будет создаваться широкая база для производственного кооперирования деревни, т.-е. для социалистического земледелия. Эта работа еще впереди.

Если взятием Перекопа и очищением советской территории пролетариат окончательно доказал, что дело обороны в твердых руках, то приближением к довоенному уровню промышленности он неопровержимо доказывает свою способность руководить хозяйством. Исключительное значение контрольных цифр Госплана не в том просто, что они намечают основные элементы нашего быстро растущего народно-хозяйственного баланса,—это вопрос бухгалтерии,—а в том, прежде всего, что внутри этого баланса они с несомненностью устанавливают растущий перевес социалистических элементов над капиталистическими в области промышленности, торговли и финансов. Именно этим и только этим оправдывается—под социалистическим углом зрения—известное расширение рамок капиталистических и полукапиталистических отношений в деревне. Что в этих последних заложены новые опасности, незачем напоминать после свежей резолюции пленума ЦК. Но эти опасности могут быть преодолены—при наличии всех необходимых политических, административно-хозяйственных, фискальных и иных мероприятий—только при условии дальнейшего могущественного развития государственной промышленности и ее растущей способности не только одеть и обуть крестьянина, но и перестроить его хозяйство.

Эта великая работа еще вся впереди. Государство, армию, хозяйство мы до сих пор строили, в сущности, начерно. Впереди предстоит работа набело.

* * *

Будет вполне уместным, если мы к восьмой годовщине Октябрьской революции еще раз крепко напомним себе, что историческая ценность и вместе устойчивость каждого общественного строя определяется, в последнем счете, той производительностью труда, какую он обеспечивает. Это самый высокий критерий, и при том об'ективный. Мы, разумеется, начисто отвергаем телеологию, т.-е. идеалистическое представление, будто человечество движется к заранее намеченной цели. Но факт таков, что человеческое общество—отчасти стихийно, отчасти сознательно—идет по пути повышения производительности труда: эта «цель» поставлена не извне, а вырастает из материальных условий существования общества. Именно в этом главное отличие, выделяющее человека из животного мира. В этом же основной и, в последнем счете, безошибочный критерий всего исторического развития.

«Прогресс», как постоянное будто бы восхождение человечества, есть идеалистическая химера, по крайней мере, по отношению к прошлым тысячелетиям. Развитие шло зигзагообразно. Снижения и долгие провалы следовали за под'емами. Капитализм придал прогрессу большую устойчивость именно потому, что в центре внимания поставил развитие производительных сил. Но и капиталистическое общество знает не только быстротечные смены промышленных под'емов и кризисов, но и длительные эпохи упадка. Об этом вопиет достаточно ярко [illegible] мировая война. Капитализм подготовил технические предпосылки планомерного и всестороннего прогресса, но сам он неспособен его осуществить. Прежде всего, он оказался неспособен поднять сельское хозяйство хотя бы на тот уровень, на который поднял промышленность. Капитализм сбрасывал главную тяжесть земледелия и скотоводства на более отсталые народы, предпочитая эксплоатировать их преимуществами своего индустриального первородства. Преодолеть мировое противоречие между городом и деревней то же, что преодолеть противоречие между Западом и Востоком, между эксплоататорскими нациями и угнетенными колониями. На это способен только социализм. Не случайно первая пролетарская революция разразилась в России, на великом стыке капиталистического Запада и колониального Востока.

Связь наша с Востоком есть один из важнейших залогов нашей победы. Но технически и культурно равняться нам, как и всему Востоку, необходимо по Западу. Наши хозяйственные успехи настолько велики, что ввели нас—при яростном сопротивлении врагов—в систему мирового хозяйства. Но именно растущая связь с капиталистической системой обнаруживает перед нами самими нашу чрезвычайную техническую и культурную отсталость. Социализм есть более высокий общественный строй, чем капиталистический, на смену которому он идет,—но потому только, что устраняет эксплоатацию и подготовляет социальное равенство. Этот критерий, изолированно взятый, не решает. Равенства в нищете и невежестве мы не хотим, да оно и неосуществимо. Различия вырастают из нужды. На жизненном опыте наших крестьян, хотя бы только за последние годы, мы видим, что рабство у природы не менее тяжко, чем классовое рабство. Мы устремляемся к социализму потому, что он подготовляет равенство на основе технического могущества, материального довольства, общей высокой культурности.

С законным удовлетворением оглядываясь на достижения восьми лет, мы обязаны, однако, дать точную оценку этих достижений в масштабах мирового хозяйства. Мы еще не достигли довоенного уровня по количеству производимых товаров; еще менее—по качеству. У нас есть все основания рассчитывать на то, что в течение ближайшего года мы вплотную подойдем к довоенному уровню по количеству и отчасти по качеству. Но ведь довоенный уровень потому и именуется «довоенным», что нашел свою проверку в войне. Результаты мы знаем слишком хорошо. В то время, как Германия, окруженная неисчислимыми врагами, продержалась в течение четырех лет благодаря мощи своей индустрии, российская промышленность с каждым днем войны обнаруживала все более свою несостоятельность, несмотря на поддержку могущественных союзников. Война дала убийственную оценку экономической отсталости старой России. Не забудем же, что в новых общественных формах мы пока еще лишь восстанавливаем старый хозяйственный уровень.

Правда, соотношение сил чрезвычайно изменилось к нашей выгоде. Нынешняя Европа несравненно слабее, чем была до войны. С другой стороны, советская организация дает возможность неизмеримо более целесообразного использования наличных материальных ресурсов. А сверх того, у нас, как у международной партии, имеются огромные политические ресурсы. Только благодаря этому Россия не стала за истекшее восьмилетие колонией, к чему она фатально шла в течение 1914—17 г.г. Но факты остаются фактами. Технически мы—самая отсталая страна Европы. Производительность труда у нас ниже, чем в любой из передовых капиталистических стран. Наши товары дороже. Их качество хуже. Все это может и должно быть измерено точными сравнительными коэффициентами, которые станут [illegible] [illegible] «индексами» (указателями) нашей дальнейшей работы, не только хозяйственной, но и культурной.

* * *

Наше строительство, особенно хозяйственное, опиралось до сих пор, главным образом, на старые технические навыки. Мы пользовались во всех областях тем уровнем культуры, который достигнут был старым режимом. В политике, в общественном строе мы сделали скачек огромного исторического значения. В других областях продвижка несравненно меньше. В хозяйстве в смысле производства материальных ценностей мы не достигли и старого. Развитие общества — это тоже одно из его противоречий—не идет равномерно по всем колеям. Но теперь мы достигаем того этапа, когда надо выравнивать производственный и культурный фронт с общественно-политическим. Те производственные и культурные знания, приемы и навыки, какие достались нам в наследство от прошлого, мы исчерпали. Дальше накатанных капитализмом не только дорог, но и тропинок почти нет. Чтобы продвигаться, нужно пролагать новые пути, закладывать новые технические основы, вырабатывать новые навыки, искоренять безграмотность, повышать квалификацию, учиться и учиться у врагов, поднимать культуру. Нам нужно одновременное повышение культурного «качества» во всех областях. Дело идет о переводе руководимой пролетариатом нации—точнее, семьи наций—в более высокий исторический класс. Это осуществимо лишь путем напряженной подготовки по всем предметам человеческой культуры.

Закон Гегеля о переходе количества в качество правилен и с другого конца: качество превращается в количество. Охватывая нашу хозяйственную жизнь в целом, мы можем проверить силу этого закона всем нашим опытом. Последний год гражданской войны и первый год нэпа был тем временем, когда все запасы вышли, и страна перебивалась поскребышами. Никто не смел справляться о качестве. Побольше продуктов, хоть каких-нибудь! Но по мере того, как в каналах обращения появлялось дополнительное количество продуктов, само производство автоматически становилось лучше. Лишняя кипа плохого хлопка улучшала работу на полуголодной текстильной фабрике. Лишний пуд [illegible]

Г. Зиновьев.

Два четырехлетия.

«Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть».

(Ленин, XVIII том, ч. I, стр. 331).

8 лет, протекших со времени великого Октября, распадаются на два четырехлетия: 1917—1921—до начала нэпа; 1921—1925—четыре года нэпа.

Внутри первого четырехлетия Ленин различал четыре этапа: этап первый—чисто политический, от 25 октября до 1 января, до разгона учредилки. Этап второй—брестский мир. Этап третий—гражданская война, от чехо-словаков и учредиловцев до врангелевцев—1918—1920 гг. Этап четвертый—«неслыханно разоренная страна едва-едва начинает поправляться». «Враг—не полчища белогвардейцев... враг—обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью» (Ленин, том XVIII, ч. 1, стр. 354).

С этим выходим мы во второе четырехлетие—в период нэпа. Это второе четырехлетие в свою очередь распадается на четыре этапа. Первый этап—1921—1922 гг. Голод. Второй этап—кризис 1923 года («ножницы» и проч.). Третий этап—1923—1924 гг.—первые крупные успехи в области экономики, денежная реформа и т. д. Четвертый этап—1924—1925 гг.—серьезнейший хозяйственный рост, приближение конца восстановительного периода, более уверенное и успешное социалистическое строительство, оздоровление экономики почти во всех областях, и рядом с этим—трудности роста.

«Теперь всецело за экономику!»—так писал в 1922 году в конспекте непроизнесенной речи к 5-му юбилею Октябрьской революции В. И. Ленин (см. «Правду» от 27 сентября 1925 г.).

Да, теперь всецело за экономику! Осторожно, внимательно, ощупывая каждую пядь трудной дороги, но все более и более уверенно строить социалистическую экономику. Первые крупные успехи налицо. С большей уверенностью, с большим охватом народной массы двигаться вперед многомиллионным фронтом. С этим мы входим в девятый год пролетарской диктатуры.

* * *

«Как подойти к социализму в нашей крестьянской стране?»—так спрашивал В. И. Ленин в том же конспекте непроизнесенной речи. И отвечал:

«Не иначе, как через нэп».

Эти слова необходимо запомнить.

«Еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три года тому назад! Первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда. И с тех пор никто не мог опровергнуть правильность нашего трезвого учета сил, имеющихся в наличности» (Н. Ленин, том XVIII, ч. I, стр. 356).

Это писалось летом 1921 года, вскоре после провозглашения нэпа.

И действительно, достаточно вспомнить все экономические мероприятия, которые обсуждались нами уже весною 1918 года (Мещерский, смешанное общество мукомолов и т. п.), чтобы признать: уже тогда идеи нэпа, правда, очень неоформленные, носились в воздухе. Трезвость у большевиков (в особенности у их вождя В. И. Ленина) была уже тогда. Надвинувшаяся гражданская война в самых ее острых формах не дала возможности пойти по этому пути и толкнула к военному коммунизму. Впервые мы поверили в возможности мирного труда уже весною 1918 года. А оказалось—гражданская война только еще начинается.

Не иначе, как через нэп. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает, ибо вопрос о нэпе есть вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства.

«Значение периода, который начинается сейчас в России, по существу состоит в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношении пролетариата к последнему капиталистическому классу в России (курсив наш. Г. З.)... Мы стремимся определить отношения пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма—мелкой собственности, мелкому производителю». Так говорил Ленин в докладе «Тактика Российской Коммунистической Партии» на III конгрессе Коминтерна в 1921 году, обосновывая нэп (Н. Ленин, том XVIII, ч. 1. стр. 325—326).

«Впервые в истории существует государство, где имеются только эти два класса, только пролетариат и крестьянство. Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству? Первая форма—союз, тесный союз.

«Как мы практически подошли к этому вопросу? Мы заключили союз с крестьянством. Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплоатации со стороны буржуазии, освобождает его от руководства и влияния буржуазии. Он привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплоататоров.

«Меньшевики говорят так: крестьянство составляет большинство, мы—чистые демократы, большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата» (там же, стр. 326).

В этих словах вся философия большевизма в вопросе о крестьянстве. В этих словах вся политическая алгебра нэпа.

«Мы помогаем крестьянам по той причине, что без союза с крестьянством невозможна политическая власть пролетариата, невозможно удержание ее... Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (там же, стр. 331).

Под крестьянством здесь понимается вся деревня, кроме кулаков. Отсюда и большевистская оценка середняка как центральной фигуры русской деревни,—оценка, которую партия усвоила уже с первых шагов Октябрьской революции *).

И отсюда же все большевистское учение о руководящей роли пролетариата. Пролетариат ведет крестьянство. Нам нужен не просто союз рабочего класса и крестьянства «вообще» (см. выше: «меньшевики говорят так» и т. д.), а такой союз, в котором руководящая роль принадлежит рабочему классу.

Не иначе, как через нэп, ибо без этого невозможно осуществить «высший принцип диктатуры»: союз пролетариата с крестьянством. Не иначе, как в тесном и прочном союзе с середняком,—это есть только другими словами выраженная мысль: «не иначе, как через нэп». Но это, разумеется, не значит, что большевизм хотя бы на минуту забывает, что нэп есть частичное допущение капитализма, что «эта свобода обмена означает свободу капитализма» (Н. Ленин, том XVIII, ч. 1, стр. 332). «Мы говорим это открыто и подчеркиваем. Мы этого отнюдь не скрываем. Дело обстояло бы с нами очень печально, если бы мы вздумали скрывать это» (Ленин, там же). Дело обстояло бы с нами не менее печально, если бы мы хоть на минуту забыли, что, кроме деревенского бедняка, нашей естественной опоры, и кроме середняка, нашего естественного союзника, в деревне есть кулак, есть деревенский буржуа, который в силу своей относительной многочисленности может стать не менее и даже более опасным, нежели нэпман в городе.

* * *

20 лет со времени «генеральной репетиции» 1905 года. 8 лет пролетарской диктатуры.

Международная революция развивается. Мы живем в эпоху международной революции; кто сомневался в этом, тому события нынешнего года (Китай, Марокко, все более обозначающееся революционизирование рабочего движения в Англии и т. д.) должны были дать достаточное доказательство того, что сомнения тут неуместны. Но международная революция развивается гораздо медленнее, чем мы этого ожидали 8 лет тому назад. Скрывать это от себя было бы и вредно, и смешно. Мы одни, мы везем, а надо бы, чтобы нас везли». Эти слова из того же конспекта Ленина (конец 1922 года) именно и хотят выразить, что международная революция развивается медленнее, чем мы того ожидали. Замедление международной революции есть факт. Тот, кто не хотел бы посчитаться с этим фактом, был бы иллюзионистом или просто глупцом. Но эпоха, в которую мы живем, все же есть эпоха международной революции. Кто забыл бы это, тот превратился бы в мещанина.

Международная революция развивается медленнее, чем мы того ожидали. Вытекают ли из этого какие-либо практические выводы для нас, для СССР, для первой победоносной пролетарской революции?

Еще бы! Конечно, вытекают!

Первая победоносная пролетарская революция должна во что бы то ни стало выиграть время, пока подойдут новые решающие отряды пролетарев других стран. Союз пролетариата с крестьянством в такой стране, как наша, является «высшим принципом диктатуры»; это трижды верно в период замедления международной пролетарской революции.

А что значит выигрывать время в такой обстановке? Это значит, разумеется, выигрывать время не сложа руки, а строя социализм, используя каждую минуту для работы над медленным хозяйственным под'емом, и это в то же время значит сугубое, трижды сугубое внимание делу упрочения подлинного союза рабочего класса и крестьянской бедноты с середняком против кулака.

Выиграть время нужно, памятуя, что и враг не дремлет, что нэпман и кулак не подрядились помогать нам выиграть время, что они, напротив, и сами «выигрывают время» для себя. Отсюда, между прочим, и необходимость пристального внимания к процессу дифференциации современной деревни.

* * *

Наши бесспорные достижения за истекшие 8 лет?

1. Мы завоевали подлинную независимость СССР на международной арене. Мы подошли вплотную к восстановлению хозяйства не по «плану Дауэса», а по плану Ленина. Мы обеспечили себе возможность трудиться для себя, для рабочих и крестьян. Мы стали международно-политическим фактором, великое значение которого растет с каждым днем.

2. Идею союза рабочего класса и крестьянства мы пронесли через все препятствия. Этот союз стал фактором, определяющим все. Мы закрепляем его теперь на незыблемой хозяйственной основе.

3. Мы нашли конкретные пути к строительству социализма в нашей крестьянской стране. Мы построили уже первые «прочные мостки» (Ленин) к социализму—«не иначе, как через нэп».

4. Мы подходим к окончанию восстановительного процесса как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

5. Мы видим развивающееся на наших глазах количественное и качественное восстановление пролетариата, конец деклассирования его, начало ядрового роста.

6. Мы явственно наблюдаем уже начало периода культурного под'ема, великой «культурной революции», поднимающей глубочайшие пласты чернозема. Мы вступаем в эпоху кооперирования, коллективизации. Исходные позиции в этой области нами заняты.

7. Поднимается и растет новое, выдвинутое революцией молодое поколение, которое воспитывается партией так, чтобы оно действительно могло выполнить предстоящую ему великую историческую миссию построения полного социализма.

8. Пробуждение колониальных и полуколониальных народов, наша смычка с Востоком, влияние нашей революции на него—вне всякого сомнения. «В грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы все ожидаем» (Ленин, там же, стр. 323).

9. Дело установления связи с широкими слоями западно-европейского пролетариата, еще не освободившегося от влияния реформизма, подвинулось вперед. Смычка с профсоюзами Англии, связь через многочисленные рабочие делегации, которая, несомненно, будет расти,—все это увеличивает влияние нашей революции в небывалой степени.

10. Наша революция помогла упрочиться Коминтерну, т.-е. мировой партии коммунизма. Мы помогли ему выполнить его историческую миссию, ставшую особенно трудной в годы замедления международной пролетарской революции.

Это—завоевания, которых при правильной нашей политике никто не сможет уже отнять у нас.

* * *

«Либо гибель всех политических завоеваний советской власти, либо подведение под них экономического фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться». Слова эти сказаны были Лениным в конце 1921 года. (Там же, стр. 381).

«Без этой переработки всей промышленности с точки зрения условий крупного машинного производства социалистическое строительство останется только суммой декретов... Этим (советской властью) обеспечена политическая сторона. Но экономическая может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники». (Н. Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 197—198).

«Мы говорим: крупная промышленность—единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода». (Том XVIII, ч. 2, стр. 334).

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». (Там же, стр. 316).

«Единственной возможной экономической основой является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист». (Там же, стр. 333).

Эти указания Ленина вместе с указаниями его относительно роли кооперации для строительства социализма в деревне (ст. 1923 года) остаются путеводной звездой во всем нашем дальнейшем строительстве.

К подлинному выполнению этих заветов Ленина мы подошли теперь вплотную. Мы знаем дорогу. Мы знаем, что эта дорога пролегает «не иначе, как через нэп». Но мы в то же самое время знаем, что нэп не является для нас идеалом, что Россию нэповскую надо еще превратить в Россию социалистическую. Мы знаем прогрессивные стороны нэпа, но мы знаем и ни на минуту не забываем и отрицательных его сторон. Мы знаем, что одно крайнее звено нашей «цепи» должно связать нас с «мелким и мельчайшим крестьянством», а другое звено—с международным пролетариатом.

Революционный держите шаг! Держите его так, чтобы неизменно считаться с хозяйственными потребностями мелкого и мельчайшего крестьянства в Советском Союзе и в то же время оставаться авангардом в авангарде международного пролетариата; держите его так, чтобы остаться международными пролетарскими революционерами-ленинцами и в то же время (и именно поэтому) уметь в процессе хозяйственного строительства все больше и больше завоевывать на свою сторону крестьянство.

1905—1917—1921—1925—эти исторические даты показали человечеству наглядно процесс «перерастания» буржуазно-демократической революции в социалистическую. Два четырехлетия—1917—1921 и 1921—1925—показали человечеству пролетарскую революцию на фронтах гражданской войны и пролетарскую революцию на фронтах восстановления хозяйства, «перерастание» одного фронта в другой. К первому десятилетию пролетарской диктатуры в СССР мы, несомненно, увидим социалистическое строительство в самом разгаре его, увидим «перерастание» аграрно-промышленной страны в промышленно-аграрную. Увидим могучий рост социалистического хозяйства и небывалый размах международной пролетарской борьбы за коммунизм.

*) Пишущему эти строки довелось по поручению ЦК выступить на VI С'езде Советов (ноябрь 1918 года) с докладом об упразднении комитетов деревенской бедноты. В этом докладе автор говорил против тех, кто «хотели организовать только деревенскую бедноту, деревенский пролетариат и не хотели видеть, что у нас есть средний крестьянин, который является многочисленной прослойкой деревни и который нам крайне нужен, и, следовательно, отбрасывать его в сторону наших врагов мы не должны... С одной стороны—маленькие кучки бывш. кулаков... С другой стороны—вся деревня. Вот центр нашей работы» (стеногр. отч., стр. 90, изд. ВЦИК).

Борцам за революцию, узникам международного капитала.

Сегодняшний день—день величайшего торжества трудящихся Союза Советских Социалистических Республик. Но в этот светлый, радостный праздничный день пролетариат СССР ни на минуту не забывает о тех, кто вынужден нести проклятое ярмо капитала, кто задыхается в тисках эксплоататорского режима, о тех «непокорных», которые мучаются, страдают в буржуазных тюрьмах, о тех, которых косит беспощадная гильотина белого террора.

Восемь лет существует Великая Республика Советов. Вершин неувядаемой славы сумел достичь за эти восемь лет наш пролетариат. Он поразил на смерть буржуазно-помещичью камарилью, он прорвал кольцо мировой империалистической блокады. Он сумел поднять наше хозяйство, твердой рукой взялся он за строительство социализма. Сотни тысяч героев-тружеников отдали свои жизни за то, чтобы отстоять, поставить на ноги, укрепить первое в мире пролетарское государство.

Мы уже прошли самую трудную часть пути. Мы уже стали хозяевами своей исторической судьбы. Мы выбрались на широкую, светлую дорогу. Но мы помним о наших дорогих товарищах и друзьях, о наших классовых единомышленниках в других странах, о смелых бойцах мировой пролетарской армии, которые придавлены пятой враждебного класса. Мы помним о тех мужественных товарищах, которые бросили смертный вызов «цивилизованному» фашистскому варварству. Мы помним о мучениках, на которых опускаются скорпионы Цанкова, венгерских и эстонских белых палачей. Мы думаем о тех наших друзьях, которые подвергаются постыдной травле английской и французской полицейщины. Наши взоры несутся в далекие углы земного шара: на марокканские плоскогорья, где под палящим зноем проливается кровь подымающихся колониальных рабов, отважных риффов; на Дальний Восток, где китайский народ вступил в поединок с мировым империализмом, где запылало зарево великой колониальной революции.

Жертвам фашизма и цанковщины, полицейского кулака и колониальных карательных экспедиций, всем борцам, заброшенным в сырые тюремные подвалы, их семьям, братьям, сестрам, матерям, всем мученикам и страдальцам капиталистического строя шлем мы в сегодняшний день наш пламенный привет!

«ТОЛЬКО СЛАДЕНЬКИЕ МЕЩАНЕ И ФИЛИСТЕРЫ МОГУТ МЕЧТАТЬ, ОБМАНЫВАЯ ЭТИМИ МЕЧТАМИ И СЕБЯ И РАБОЧИХ, О СВЕРЖЕНИИ ИГА КАПИТАЛА БЕЗ ДОЛГОГО И ТРУДНОГО ПОДАВЛЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЭКСПЛОАТАТОРОВ».

ЛЕНИН.

Рис. Д. МООР.

Ив. Филипченко.

Песнь о Москве.

Ни зычных песен о тебе не спето,
Ни голубых сказаний не слыхать,
Как лес пошел, стеля стволами гать,
Москву спасать. И лег постелью свету,
И степь, роскошной росписью светясь,
Ковром просилась к твоему порогу
Под утреннюю трудовую ногу,
Где раньше не стоял ни царь, ни князь,
А горы снеговерхие обстали
И движутся в подошвах на восход,
Как грандиозный караула взвод
В сугробных башлыках к тебе из далей
И двери хат перед тобою настежь,
Как перед маем—полы нарастёг.
Москва! Собой все на планете застишь,
Весь шар земной—чужих пиров порог,—
Мир перемерять—массы приучастишь.
Ты помнишь: как легла передо всей Европой
Россия спинами рабочих средь пурги,
С худыми ребрами под роги за долги.
Ты высечь не дала, засев, как в гроб, в окопы,—
С рукою поднятой, кружившие холопы
Удрали, растеряв, кто зубы, кто мозги.
Иль помнишь скорби дни: гудки вопили высотой,
Вздыхали камни вслух и поседевший полк
Вождей рыдал во мгле о гениальном друге,
Плач партии о нем из края в край не молк.
Его, на каплях слез, качая в красном струге,
На Красной опустив, народ как воск поблек.
Ты видела: смущенные были без шляп капуты.
Или: — развернутый тысячецветный веер
Из лиц всех рас в кремлевском зале золотом,
Где ночь с двузвездьем глаз, мрак с выбритым лицом,
Негр наступил на трон,—за рабство на царей яр.
Не веер—образ грозного Полярного Сиянья,
Цветная туча светозаренья на земле,
Вся затканная молньями в гремящем трепетаньи:
То—Коминтерн, литейщик мира нового в Кремле.
Москва, Москва, молотосерпный город
В железных башмаках, безмерной мощи знак,
В железном шлеме со звездой, сверлящей бивуак,
В стальных перчатках, коя горе мира обезгорят,—
Не твой ли голос грохотал на грудах баррикад,
Не ты ли, задыхаясь в дыме, в ад войска водила.
Ах, как страдала, как шутила Белым, выйдя с тыла
Ах, как по-детски хохотала, крася Белым зад.
Москва, Москва, родимая, краснознаменная,
Башка, эх большевицкая, да премудренная,
Эх, дорогая наша мать в платочке красненьком,
Эх, не советую пугать прохвостам рваненьким,
Эх, радость—мировая мать всем синеблузеньким,
Ох, не советую пихать вам, толстопузеньким,
Вам, королечкам, президентикам несчастненьким.
Не твой ли голос грохотал насмешкой,
Кто грудь щадит иль бережет плечо,
Не ты ли говорила им: не мешкай,
Железо куй, покуда горячо.
Все, все: и коренаст и долговяз,
Вздуй мускулы до воспаленья глаз.
Цветут цветы, все выше, выше стебу
Лучи шьют землю шелковой травой,
И—солнцем поднимается на небо
Страна—шестая суши мировой,
В чьем ореоле орлики ослепли.
Как камыши качает буйный бриз,
Как в бурю лес сосновый длинноствольный
Сгибается послушный и веселый,
Вновь распрямляясь, вновь склоняясь вниз,—
Так ты трудишься день и вечер,
В дуге ли, став ли на дыбы:
Россия за тобой в огне и
Венчает потные чубы.
Восемь вёсен,
Восемь лет:—
Лоб начесан,
Лак щиблет.
Вон новенький
Пиджак,
Скаты брючные—
Вот так.
Там, с иголочки
Доха
И вот столечки
«Духа»:—
То ли нефти,
То ли эфти
Нафталинные
Меха...
Москва, не светлый
Цветок в огне,
Ах, сколько света
В твоем окне.
Кабы украдкой
К тебе—и петь,
Пить мед несладкий,
В обед говеть...
Москва, о, где ты,
Букет огня,—
Нет ярче света
Твоего дня.
Меняй планету,
Отрогай планету,
Под песню света
И огня.

улучшали постановку преподавания в совсем было замиравшей школе. И так по всей линии. Качество работы само собою повышалось вследствие возрастания количества. Но только до известного уровня.

После того, как нестерпимый голод во всех областях хозяйственной и культурной жизни был хоть несколько ослаблен, создалась возможность более критической самооценки. Устами передовых своих элементов страна сказала, что мы работаем неумело, нерадиво, плохо, дорого. Вопросы научной организации труда начинают интересовать все более широкие круги. Создаются производственные совещания. Вопрос о качестве продукции, материальной и духовной, в том числе и канцелярской, все более выдвигается на передний план. Задача увеличения количества материальных благ ни на минуту не отступает на задний план. Наоборот, никогда еще она не ощущалась с такой остротой, как сейчас. У нас всего мало. Всего нехватает. Но сама борьба за количество на каждом шагу упирается в вопросы качества. Для повышения производительности труда необходимы лучшая техника, более научная организация производства, лучшее сырье, более высокая выучка. Чем полнее мы пускаем в оборот последние унаследованные ресурсы, тем больше обнаруживается, что путь к количеству лежит через качество.

Программа электрификации строилась на старых резервах, прежде всего старых инженерах. Но этот ресурс на исходе. Осуществление электрификации прямо упирается в вопрос о том, как наши школы готовят новых инженеров, техников и рабочих. Мало того. Развитие электросиловой сети прямиком приводит к вопросу о таком сельском учителе, который умеет раз'яснить детям и родителям значение электропроводов и тем обеспечить их охрану. Сельская школа в свою очередь ставит вопрос о дешевом и прочном учебнике, о бумаге, о карандаше, поднимая снова все еще далекие от разрешения вопросы издательства и полиграфической промышленности. Смычка города с деревней по-новому ставит вопрос о путях сообщения, о шоссе, проселках и мостах.

Повышение качества сельскохозяйственных машин—их прочности, легкости, заменяемости частей—повысит доверие крестьян к внутреннему машиностроению и расширит спрос. Повышение качества зерна, льняного волокна и пр. естественно увеличит об'ем экспорта. Повышение техники газет—более прочная бумага, более четкий шрифт—увеличит число читателей на каждый экземпляр газеты. Улучшение литературно-политического содержания прессы—больше живости, разносторонности, внутренней связи с аудиторией—родит новый набор читателей. Простое повышение качества пищи в общественных столовых ускорит перестройку нынешнего замкнутого семейно-хозяйственного быта. Коренная борьба с некоторыми отрицательными чертами молодежи, прежде всего с распущенностью всех видов, идет через повышение качества личности. А средства к этому: наука, техника, литература—настоящая, не маргариновая,—спорт и пр. Так во всех областях и в разных видах проблема «качества» становится ключом новой культуры.

* * *

Основные задачи социалистической организации общества встают перед нами на новом этапе по новому и, главное, с возросшей конкретностью. Вопрос всех вопросов таков: как избегнуть бюрократизма, мертвящего безразличия, улупающей казенщины. Государственное хозяйство захватывает огромный круг предметов, людей и процессов. Этим оно чрезвычайно удаляет основное руководство от непосредственного исполнения. Социализм хочет победить производственно-торговую конкуренцию, параллелизм, лишние трения, встречные товарные потоки, словом—анархию в хозяйстве, как и во всем жизненно-культурном обиходе, посредством руководства, основанного на плановом учете и предвидении. Но социалистические методы лечения таят в себе свои собственные болезни, которые с полным основанием можно назвать болезнями детства, поскольку не умаляя при этом их злокачественности. Вся трудность состоит в том, чтобы достигнуть сочетания личной активной заинтересованности с общественно-плановым характером хозяйства. На этом пути мы сделали серьезные успехи, прежде всего уже тем одним, что поставили заработную плату в известную, далеко еще несовершенную зависимость от производительности труда. Но мы еще очень далеки от разрешения задачи в целом.

Гнилость бюрократизма в том, что он проходит мимо дела, скользит по касательной к существу. А между тем, никакое время не повелевало так, как наше, в каждом отдельном случае, большом и малом, добираться до материи, до живого, до ядра. Циркуляр, едущий на циркуляре и циркуляром погоняющий, не решает вопроса, хотя без циркуляров и не обойтись. Нужно, чтобы зубчатые колеса заинтересованности и ответственности, личной и коллективной, плотно цеплялись друг за друга. Такой законченной системы сразу создать нельзя,—ее нужно выработать и ее должно вырабатывать изо дня в день. Строительство социалистического хозяйства есть в то же время постоянное общественное творчество. В состав творчества столь широкого масштаба, как наше, входит необходимой частью экспериментирование, т.-е. производство опытов, испытание на деле разных систем контроля, побуждения, материального и морального премирования, кары, взаимной страховки и пр. Не давать рутине оседать и уплотняться. Пробивать в ней повседневно просветы—к более совершенным методам и творческим возможностям. Во всей этой работе опираться на пробужденное стремление масс к лучшей жизни, к материальной обеспеченности, к более высокому духовному уровню, ко всему тому, что укрепляет тело, обогащает сознание, подымает и окрыляет мысль—к культуре.

В отношении крестьянина, как мелкого товаропроизводителя, задача состоит в том, чтобы, опираясь на его собственническую заинтересованность в количестве своей продукции и в ее качестве, вводить его постепенно, через ряд посредствующих ступеней, в систему обобществленного хозяйства.

Основной рычаг к этому—социалистическая промышленность. Ее дальнейшие успехи позволят поставить перед нею задачу: взять сельское хозяйство на буксир. Это—новый этап смычки. В первые годы промышленность почти ничего не давала крестьянину, требуя и получая от него взаймы. Мужицкие авансы шли на растопку фабричного котла. Когда, наконец, колеса завертелись, промышленность на первых порах снабжала кое-как крестьянина, как потребителя, почти не вторгаясь в крестьянское хозяйство. Последнее оставалось и жило силой—или бессилием—прошлого. Смычка несла преимущественно потребительский характер: хлеб рабочему, ситец крестьянину. Но этого ныне уже недостаточно для обеих сторон. Город требует от деревни во все возрастающих массах промышленного сырья. Деревня требует от города орудий, машин, электрической энергии. Промышленность, хоть и медленно, но продвигается к величайшей своей задаче: взять на буксир сельское хозяйство, чтобы вытащить его из тех ужасающих условий, которые Маркс и Энгельс назвали некогда идиотизмом деревенской жизни. Буксир соединяется с баржой канатом. Канат должен быть крепок, чтобы не оборвался. Машинизация сельского хозяйства, внедрение смычки в самый процесс производства означает туго натянутый стальной трос между тяжелой промышленностью и сельским хозяйством.

Каждый трактор есть малый буксир промышленности, которому поручено вытаскивать крестьянское хозяйство из болота чересполосицы и бессмысленной трудовой расточительности. Около 20.000 тракторов должна, по намечающемуся плану, получить деревня в нынешнем хозяйственном году. Это немного, но это уже кое-что. Это значит, отметим тут же,—20.000 трактористов и тысячи ремонтных пунктов с квалифицированными рабочими. Трактор—не только технический, но и культурный буксир. Коммунист на тракторе—лучший руководитель деревни завтрашнего дня. Индустриализация сельского хозяйства создает наиболее естественную базу для внедрения пролетарского руководства в жизнь деревни. «Шефство», осуществляемое через пролетарский корпус трактористов, монтеров, механиков, которых город даст деревне по тщательному отбору, будет куда выше тех нередко искусственных и не всегда удачных форм шефства, к каким город вынужден прибегать ныне.

Но не забудем, что из 20.000 тракторов львиная доля должна быть ввезена из-за границы. Советская промышленность даст в ближайшем году менее 2.000 штук. В этом нет ничего страшного. Наша промышленность должна дать деревне в первую голову более простые машины. Придет черед и для массового производства тракторов. Но все же приведенные числа—около 2.000 своих тракторов и около 18.000 ввозных—измеряют грандиозность стоящих перед нами и еще не разрешенных задач. Буксир ведь должен быть не капиталистический, а наш, советский, с маркой серпа и молота.

Поднять эту гигантскую задачу можно только качественно подняв нашу технику, производственную организацию, административную и культурную работу. Дело идет о новом этапе, который требует более высокой квалификации от всех и во всем. Этого нельзя достигнуть иначе, как сочетав личную заинтересованность и ответственность с организованным общественным контролем. Выделка хороших сапог, плугов и карандашей, как и воспитание пригодных инженеров, техников, квалифицированных рабочих, учителей, командиров, чиновников будут обеспечены лишь в том случае, если будут совершаться под давлением активного общественного контроля, твердого опроса, умелого отбора. Борьба с казенщиной и бюрократической фальшью должна быть заложена во внутреннюю механику отношений. Нужно, чтобы по-настоящему организованный кооперацией потребитель контролировал производственника. Промышленность должна контролировать подготовку техников в специальных учебных заведениях. Крестьянин должен учинять последний и решающий экзамен агроному, воспитанному Тимирязевской академией. Каждая отрасль промышленности выступает как приемщик и потребитель по отношению к другим отраслям. Эту цепь взаимозависимостей надо изучать и извлекать из нее в ней же самой заложенные элементы взаимного контроля. Организовать этот контроль, вооружая его наиболее действительными методами; умерщвляя конкуренцию, укреплять соревнование; побуждая изобретательство, премируя и стимулируя его, вести беспощадную борьбу с секретничеством; воспитывать социалистическую трудовую мораль не голой проповедью и не административными предписаниями, а продуманным сочетанием интересов и, где нужно, их противопоставлением друг другу в узловых пунктах производства и общественного строительства,—таковы наметившиеся методы и пути. Работать на потребителя, а потребитель—это все. Профессиональные союзы являются организациями не только производителей, но и потребителей. В основной своей борьбе за лучшие условия жизни для об'единяемых ими рабочих союз металлистов должен требовать более дешевых тканей, лучшей кожи сапог, лучшей школы, более компетентной медицинской помощи. Только в сочетании и противопоставлении различных организаций в общественных группировок лежит путь действительного, жизненного, не бюрократического контроля.

* * *

Каждый человек может сделать одно и то же дело и лучше, и хуже. Это зависит от многих причин. Одна из них, сейчас еще наиболее действительная, это—личная заинтересованность. Другая, более высокая—внутреннее чувство ответственности. Об этом последнем военные уставы говорят: действовать за глазами начальника так же, как и на его глазах. Внутренняя дисциплина не падает с неба. Она есть кристалл общественного мнения в отдельном сознании. Лучше делает человек тогда, когда знает, что с него спросят лучшей работы, и когда сам склонен спрашивать того же с других. Дело—в общественном мнении, в его критической требовательности, в его бдительном контроле, в его культурной активности.

Частный предприниматель действует личной заинтересованностью и «хозяйским глазом». Личную заинтересованность мы можем и должны организовать гораздо совершеннее, чем частный предприниматель, ибо у нас для этого неизмеримо больше источников и возможностей в смысле повышения лучшего—способного, деятельного, добросовестного. С так называемым хозяйским глазом дело на первых порах труднее. Его-то и должен заменить общественный контроль. Активность, своевременность и гибкость контроля зависят от культурности контролирующих и контролируемых.

Но ведь для поднятия культуры потребуется ряд поколений? Конечно, до социалистической культуры нам далеко. Мы проходим только через приготовительный и потому именно самый тяжкий класс. Дело идет об усвоении простейших сведений, знаний, приемов и навыков. Когда они станут общим достоянием, развитие к социализму пойдет как по рельсам. Как и в хозяйстве, здесь труднее всего период первоначального культурного накопления. Но не нужно думать, что плодов придется дожидаться десятилетиями. Усилия, как и успехи, пойдут концентрическими кругами: от тысяч—к миллионам, от миллионов—к десяткам миллионов.

На наших глазах потребность в лучшем становится тем более острой и всеобщей, чем яснее обнаруживается возможность его достижения. На этом можно строить. Инициатива и пример передового меньшинства могут, как и в других областях, совершать чудеса, если методы меньшинства идут в ногу с опытом массы. Борьба за культуру означает повседневный, упорный, настойчивый, непримиримый отпор бескультурности во всех ее проявлениях: нечистоплотности, неграмотности, нерадивости, неаккуратности, невнимания к делу или к чужой личности. Не просто агитировать за культуру,—голой агитацией не возьмешь,—а в своей собственной хозяйственной и культурно-бытовой сфере вести борьбу за «качество». Ничего не упускать. Ни на что не закрывать глаз. Не попустительствовать. Пред'являть наивысшие в данных условиях требования к себе и к другим. Каждое куриное яичко—на сквозной свет. Каждую сорную травинку—из грядки вон. Чувство личной ответственности и профессиональной чести будет расти параллельно с формированием социалистического общественного мнения, которое есть не пассивная надстройка над хозяйственным базисом, а важнейшее его орудие.

Нам нужна будет в гораздо большей степени, чем до сих пор, культурно-техническая помощь наших европейских и американских друзей. Иностранные делегации, приезжающие, чтобы посмотреть, как мы живем, и противопоставляющие затем у себя на родине правду лжи, совершают огромное политическое дело, укрепляя одновременно международное положение нашего Союза и позиции рабочего класса у себя. Но, на ряду с этими политическими делегациями, нам нужны будут в возрастающем числе «делегации» технического, производственного характера. Пусть приезжают к нам, одиночками или группами, высококвалифицированные рабочие, техники, инженеры, пусть приглядываются к тому, как мы работаем, и пусть помогают нам работать лучше. Такого рода иностранные «интервенции» прекрасно дополнят учебные поездки за границу наших собственных инженеров, техников и рабочих. К стволу и ветвям нашего хозяйства надо прививать одновременно в разных местах черенки передовой технической и производственной культуры. Ствол достаточно прочен уже, чтобы выдержать такую прививку.

Во всех без из'ятия областях перед нами годы напряженных улучшений и суровой выучки. С законным возмущением говорим мы о чересполосице крестьянского хозяйства. Но и в промышленности мы страдаем, в сущности, жесточайшей чересполосицей, унаследованной от капиталистического хозяйства. Мы беспощадно осуждаем архаическое трехполье, которое истощает землю и держит крестьянина в нищете. Но и во многих отраслях нашей промышленности царят методы, которые сродни трехполью. Неоднородность материала или несогласованность частей в наших промышленных изделиях происходит по той же причине, по которой кончающий среднюю школу плохо знает русский язык; по той самой причине, по которой в наших канцеляриях царит подчас волокита, а на лестницах и в коридорах общественных учреждений наткнешься нередко на окурки и плевки. Это все явления разного масштаба, но одного порядка. Мы малокультурны. Нам еще только предстоит провести подавляющее большинство населения через школу простейших навыков, которая давно вошла в обиход передовых капиталистических стран. Тут, как и в других областях, не нужно—по выражению Ленина—«Ни тени фальшивой идеализации». Нам нужно перестроить хозяйство снизу до верху. Нам надо переучиваться, доучиваться, выучиваться. Надо повышать качество оборудования, руководства, исполнения. Надо учиться у капиталистической Европы и Америки. Ни тени фальшивой идеализации! Но и ни тени уныния!

Исторические наши задачи не измеряются календарными годами или юбилейными датами. Девятый советский год будет продолжать работу восьмого. Но в то же время есть основания сказать, что восьмая годовщина совпадает с намечающимся глубоким переломом во всей нашей хозяйственной и культурной деятельности. Восемь лет мы работали наспех и начерно. Конечно, это не сразу переменится: еще слишком многие области дожидаются у нас первого, хотя бы «чернового» удара заступа. Но в то же время в головных отраслях хозяйства и культуры пора уже переходить к работе набело.

Одним энтузиазмом этого достигнуть нельзя. Энтузиазм масс—драгоценная сила, которая показала себя в прошлом, и на которую будет еще великий спрос в будущем. Но то, что нам ныне нужно больше всего, это—выдержка, система, сознательно регулированное упорство. Эти качества не отрицают энтузиазма, наоборот, в сочетании с ним обещают исторические результаты небывалого масштаба.

Два года остается до первого советского десятилетия. Они должны стать годами дальнейшего крутого под'ема. Экономический, если не военный, нажим наших врагов будет возрастать. Ответом на него—на ряду с ростом революционного движения на Западе—может явиться только высокий темп нашего хозяйственного и культурного под'ема. Вопрос темпа есть вопрос нашей обороны, нашего самоутверждения, нашей победы.

Крепите фундамент нового строя. Рис. Д. Моор.

Г. Крумин.

Рост социалистических элементов в нашем хозяйстве.

В статье «О кооперации» Владимир Ильич писал: «Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации»...

«Перегнули палку»... Нам кажется, что это место из статьи Владимира Ильича лишний раз подчеркивает, что в 1923 году—налицо известное изменение постановки вопроса,—в связи с изменениями, происшедшими в жизни,—по сравнению с предыдущим периодом нэпа.

Изменение это заключается в том, что в 1921 г. кооперация по-Ильичу являлась видом «государственного капитализма», в 1923 же году—куском социализма. И упрощением было бы ставить вопрос исключительно в логическую плоскость, напирать исключительно на логическое выведение взглядов о кооперации в один период из формулировок другого периода. Это значило бы отвлекаться от отличительных черт каждого, более или менее значительного, определенного, жизненного поворота. Конечно, в основном линия по отношению к кооперации у Ленина одна и та же. Даже в условиях 1918 г., при соглашении с буржуазными кооператорами, Ленин писал: «Советы могут (и должны) теперь измерять свои успехи в деле социалистического строительства, между прочим, мерами чрезвычайно ясными, простыми, практическими: в каком именно числе общин (коммун или селений, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитие кооперативов к тому, чтобы охватывать все население». И в 1921 г. Ленин отмечал то наиболее для нас ценное, что имеется в кооперации,—массовый характер ее организации. Но гвоздь в том, что в зависимости от основных условий каждого периода кооперация обращается к нам то своими капиталистическими, то социалистическими сторонами. Эту двойственность в развитии кооперации, также и в условиях нынешнего периода, упускать из виду нельзя. Про опасности «перерождения» забывать нельзя. И если кооперация в наших условиях становится куском социализма, то нельзя забывать про условия, которые делают ее социалистической, нельзя забывать про остатки капитализма, которые в ближайший период будут постоянно подновляться и с которыми предстоит серьезная борьба.

Что изменилось с 1921 г. по 1923 г.? Безусловно, то, что в 1921 г. социалистической крупной промышленности почти не было, к 1923-же году она, перестроившись, испытавши новые методы работы и формы организации, начинала быстро подниматься. Если в 1921 г. приходилось думать насчет того, как бы, уцепившись за «наличную, мелкую, отсталую промышленность или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему рядовому крестьянину (а это—массовик, представитель массы, носитель стихии) экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности», то к 1923 г. задача начинает ставиться по-иному. Ибо крупная промышленность поднялась, поднимается и начинает выявлять свое организующее социалистическое влияние на все развитие народного хозяйства. «Данная экономическая основа» передвигается в пользу и в сторону крупной промышленности. **Эта передвижка становится еще яснее, еще выпуклее, еще бесспорнее, если иметь в виду дальнейший, буквально бешеный, рост крупной государственной промышленности.** Напомним основные цифры. Валовая продукция цензовой промышленности Союза составляла в 1921 г. 1.160 млн. довоен. руб., т.-е. меньше 20 проц. 1913 г., в 1922—23 хоз. году она составляет уже 1.980 млн. руб., в 1923—24 г.—2.580 млн. руб., в 1924—25 году—3.800 млн. руб.

Владимир Ильич указывал, что мало еще того, чтобы наша страна имела урожай; мало и того, чтобы она имела полнокровную легкую индустрию, дающую средства личного потребления для крестьянского хозяйства. Страна должна еще иметь полнокровную тяжелую индустрию, ибо иначе она погибла, как цивилизованное государство, не говоря уже о ней, как социалистической стране. Не преувеличивая своих достижений, мы можем смело сказать, что советские республики успешно борются за себя, как за цивилизованное, одновременно и социалистическое государство. Металлопромышленность, опрокинутая в 1921 г., растрясенная, разрушенная, почти совсем не давая металла, без которого социализма построить нельзя, за последние годы подымается таким темпом, что в своем росте опережает все остальные отрасли хозяйства. Производство чугуна подымается от 173 тыс. тонн в 1921—22 г., до 300 тыс. тонн в 1922—23 г., до 660 тыс. тонн в 1923—24 г. и 1.303 тыс. тонн—в 1924—25 г.

Забвение или умаление того факта, что социалистическая крупная промышленность стала виднейшей народно-хозяйственной величиной, непонимание того обстоятельства, что социалистическая крупная промышленность начинает играть крупную организующую роль в развитии всего хозяйства, одним словом, непонимание происшедшей передвижки «данной экономической основы» в сторону крупной промышленности может и неизбежно должно привести к ложным выводам, к неправильной постановке вопроса.

То же, что мы констатируем для крупной промышленности, можно и должно констатировать в отношении ко всему государственному хозяйству, в отношении ко всем командным высотам, превратившимся из ничего в 1921 г. в реальную, полнокровную, действительно направляющую хозяйственную силу. Нет нужды приводить цифровое и иное подтверждение сказанному. Всякому припомнятся тысячи примеров, как только он задумается над эволюцией национализированного советского транспорта, советского кредита, превращающегося на наших глазах в громаднейшую силу, направляющую все хозяйственное развитие и направляющую все соки на благо социалистического строительства, советской национализированной внешней торговли, через посредство которой в громадной степени ускоряется реконструкция всего хозяйства, ускоряется подведение новой социалистической технической базы, наконец, национализация всей земли, выявляющей чем дальше, тем больше, всю свою силу важного рычага перевода сельскохозяйственного развития в русло социализма.

Забвение или умаление этих основных «событий» или «изменений» последних лет приводило бы к искажению перспектив социалистического строительства. Советские республики вплотную подошли к тому, что закладывают с достаточным успехом основные камни социалистического фундамента.

Но вместе с признанием этих бесспорных успехов социализма не должно быть ни малейших преувеличений, увлечений, недооценки всех предстоящих трудностей борьбы с постоянно вырастающим на основе мелкого хозяйства, и в деревне и в городе, капитализмом. Не должно быть ни малейшей недооценки всей трудности перевода многомиллионного мелкого крестьянского хозяйства на социалистические пути развития. Работая всеми рычагами на «некапиталистическое развитие» деревни, следует одновременно не упускать из виду неизбежного в предстоящий период капиталистического ее развития.

Про предстоящие трудности борьбы за социализм весьма кстати к 8-й годовщине Октября напомнили два факта. Это, во-первых, развязывание производительных сил в деревне, устранение остатков военного коммунизма, допущение в известных пределах наемного труда, аренды и т. д. Оставляя в стороне другие, чрезвычайно важные и существенные для нас стороны этих мероприятий, необходимо отметить, что они обозначают известное усиление кулачества, чрезвычайно сложный, а не простой рост крестьянской общественности на основе хозяйственного под'ема деревни, а также временно усиливающейся социальной дифференциации. Пути «некапиталистического развития» деревни, обозначающего втягивание хозяйства основной середняцкой массы в товарооборот с социалистической крупной промышленностью, через посредство государственной оптовой торговли и крестьянской кооперации разных видов,—эти пути пролегают таким образом, что на предстоящий период должны с неизбежностью давать также усиление капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Борьба противоречивых тенденций будет окрашивать жизнь деревни на весь предстоящий период. Полнокровные социалистические командные высоты—вот гарантия победы социалистических тенденций.

Второй факт, который хотелось бы напомнить,—это известное поражение планового начала в начальный период нового хозяйственного года. Нельзя иначе, как поражением, назвать тот факт, что развитие важнейшего рынка в стране—хлебного—привело к положению, когда экспорт сделался невозможным, перетабельным. И для прошлого хозяйственного года следует признать одну большую победу стихии, выразившуюся в полном разрыве между осенними и весенними хлебными ценами. Что такой разрыв является весьма и весьма питательной почвой для капиталистического развития в деревне,—не нуждается как будто в доказательствах.

Это поражение в нынешнем году об'ясняется в первую голову тем, что государственное хозяйство все еще слабо знает стихию как с количественной, так и качественной стороны, что оно еще не в состоянии своевременно учитывать действия этой стихии, не умеет еще в достаточной мере согласованно действовать и воздействовать на стихию всеми социалистическими рычагами.

Эти хотя бы два главных «события» последнего времени должны быть полностью учтены во всей работе партии и советов, чтобы не ошибиться насчет переживаемой ступени развития, чтобы не преувеличить свои достижения на пути к социализму.

Советский Союз входит в полосу развития, которая будет характеризоваться быстрым темпом роста производительных сил. Положительная сторона основных завоеваний Октября—уничтожение средневековья, власти помещиков и капиталистов и т. д., начинает ныне сказываться в быстром развертывании и продвижении вперед всех сторон хозяйства и общественно-политической жизни. Идя ленинским путем, на основе смычки рабочих и крестьян, партия и советы добились опережающего роста социалистических начал в нашей экономике и укрепления рычагов, командных высот социализма. Опираясь на эти достижения, на всю ту силу и энергию, какие во все возрастающей мере выявляют освобожденные рабочие и крестьянские массы, партия и советы добьются в дальнейшем увеличения и усиления перевеса социалистических элементов над элементами капиталистическими и обеспечат победу социализма.

Г. Сокольников.

Пути нашего хозяйственного развития.

В день восьмой годовщины Октябрьского переворота своевременно остановиться на хозяйственно-финансовых перспективах, открытых перед нашей страной переходом власти в руки пролетариата.

В 25—26 году развитие народного хозяйства Советского Союза подводит его к хозяйственному уровню довоенной царской России. Но царская Россия в хозяйственном и культурном отношении была, как известно, одной из самых отсталых стран Европы. Ее сельское хозяйство носило средневековый характер, ее урожаи не давали и трети того, что они могли давать. Столь же низка была производительность труда и в промышленности в силу крайней отсталости ее оборудования и низкого культурного уровня рабочей массы. Общее состояние народного хозяйства царской России характеризуется тем фактом, что стоимость всего национального имущества оценивалась в России в 5 раз ниже, чем в С.-А. Соединенных Штатах.

Отсюда видно, как низка та начальная точка, с которой мы начинаем наш под'ем, и как велики те задачи, которые стоят перед Советским Союзом в момент, когда его хозяйственные достижения начинают приближаться к довоенному уровню.

Вместе с тем перспективы нашего развития поистине безграничны. Они опираются на неисчислимые естественные богатства, сосредоточенные на территории стран Союза в таком разнообразии и в таком счастливом сочетании, которое открывает возможность разностороннего быстрого развития, а также на громадные ресурсы живой человеческой силы 130-миллионного населения Союза.

Для того, чтобы мобилизовать эти ресурсы живой силы и направить их на использование естественных богатств нашей страны, нам нужны две вещи—организация и некоторый резерв средств для авансирования производственных процессов. Мы уже стоим на пути разрешения первой из этих проблем—проблемы организации, нащупали основные методы организации промышленного, торгового и т. д. хозяйства, созданного на началах общественной, а не частной собственности. Мы нащупали также правильные методы обеспечения сожительства мелкого частного хозяйства с крупным—государственным, постепенного вовлечения мелкого частного хозяйства в русло крупного общественного хозяйства. Более остро стоит проблема изыскания средств, которые должны быть авансированы для того, чтобы естественные богатства Союза могли вступить в производственный оборот.

Политический и культурный под'ем, который переживают трудовые массы нашей страны с октября 1917 года, является залогом того, что наш хозяйственный под'ем сможет на протяжении ближайших десятилетий осуществляться действительно энергичным, «американским» темпом.

Откуда же, однако, могут быть получены средства, которые необходимы для осуществления этой программы?

Для ответа на этот вопрос необходимо вкратце остановиться на наших хозяйственных достижениях последних лет. Наилучшим их отражением является картина развития нашего бюджета. В 1922—23 г. он составил 1.300 м. р., в 23—24 г.—1.900 м. р., в 24—25 г.—2.600 м. р. и в 25—26 г.—по проекту, внесенному в СНК, составит 3.800 м. р. Если к последней цифре прибавить свод местных бюджетов, то общий итог в 25—26 г. составит 5 млрд. руб. Развитие денежного хозяйства, на основе которого складывался наш бюджет, характеризуется еще более интенсивным ростом. Весной 1922 г. вся стоимость наших бумажных денег в золоте свелась к 40 м. р., перед концом денежной реформы она составляла 300 м. р., а теперь составляет уже 1.200 м. р. На основе укрепившегося денежного обращения развилась и работа кредитных учреждений, сводный баланс которых летом 25 г. составлял около 4½ млрд. руб. Рост бюджета и развития кредитной системы позволяют рассчитывать, что в 25—26 году удастся выделить на капитальные затраты по нашему народному хозяйству около 2 млрд. руб., из коих примерно ⅓ будет выделена госорганами и кооперацией и ⅔ пойдут через систему бюджета и гос. кредита.

Средства для дальнейшего под'ема, который должен постепенно поставить (конечно, не в пару лет) наше хозяйство на один уровень с наиболее могущественными хозяйствами Запада, мы также должны искать в первую очередь в самом нашем хозяйстве.

Совершенно неизбежно, что в интересах ускорения технического переоборудования нашей промышленности, транспорта и сельского хозяйства мы должны ввозить машины и инвентарь из-за границы. Нужно уяснить себе, что этот ввоз может быть оплачен двумя путями, а именно—или за счет займов, или за счет реализации избытков нашей продукции на внешних рынках. Оба эти пути на практике не исключают один другого, наоборот, они должны один другого обусловливать и подкреплять. Однако, для правильного маневрирования необходимо отдать себе полный отчет в сравнительной выгодности этих путей.

История развития царской России не дает оснований заключать о большой выгодности метода заграничных займов, как основного метода поднятия производительных сил страны. С 1894 по 1913 год царским правительством было заключено за границей займов всех видов на 4.100 м. р.; уплачено же было за тот же срок процентов и погашения 4.610 м. р. (Эти предварительные цифры, естественно, еще нуждаются в проверке). Правда, в известные периоды в Россию притекало больше средств, чем она платила за границу, что и обусловливало некоторый несомненный положительный эффект заемной политики, но все же он не устраняет того факта, что итоговый баланс этих платежей никоим образом не указывает на значительное сальдо в пользу России. За эти же 20 лет экспорт России превысил импорт на 4.650 м. р. Таким образом, через посредство займов заграничный капитал финансово подчинял себе царскую Россию, оказывая ей временную поддержку, но высасывая за это ее соки; реальные же ценности она ввозила из-за границы за счет реализации ценностей своего хозяйства на внешнем рынке.

Это заставляет и нас склоняться к более сдержанной оценке значения внешних займов. Они должны быть использованы в той мере, в какой это окажется возможным и необходимым, но основную ставку в нашей политике финансирования хозяйственного под'ема мы должны ставить на развитие экспорта.

Обстоятельства облегчают нам эту задачу. Значительный под'ем сельского хозяйства не требует предварительного коренного технического переоборудования. Переход к многополью, интенсификация обработки земли сами по себе, без революции с.-х. техники могут удвоить наш урожай. А это мы можем осуществить и своими средствами. Уже и теперь сельское хозяйство поднимается скорее, чем наша промышленность. Эта диспропорция развития, способная в известные моменты вносить осложнения в ход нашей хозяйственной жизни, в основе своей нам выгодна, так как она дает ключ к разрешению проблемы изыскания средств на техническое переоборудование нашей промышленности и того же сельского хозяйства. То обстоятельство, что у нас уничтожен помещичий класс, что у нас из стоимости зерна выпадает абсолютная рента, ставит наше сельское хозяйство в отношение экспорта в исключительно благоприятные условия. Оно дает ему возможность побеждать наших конкурентов на мировом хлебном рынке и обеспечит приток в Союз средств, за счет которых могут быть разрешены задачи технического переоборудования нашего хозяйства. Итак, ключом к ускорению под'ема нашего хозяйства является возможно более быстрый под'ем сельского хозяйства за счет его интенсификации, за счет поднятия в нем производительности труда.

Ликвидация остатков царистской политики застоя и оцепенения в деревне, рост потребностей широких крестьянских масс, впервые приобщающихся к культурной жизни, служит залогом нарастания в самих массах крестьянства стремления улучшить свое хозяйство, поднять его производительность. Это одно из основных условий обеспечения под'ема сельского хозяйства, а через него и возможности развития всего народного хозяйства СССР в новом, все более растущем масштабе.

Е. Преображенский.

Одно из завоеваний Октября.

В числе прочих декретов огромного значения, которые были изданы советской властью после Октябрьского переворота, был декрет об аннулировании государственных или гарантированных государством займов предыдущих правительств. К 8-й годовщине Октябрьской революции будет невредно учесть экономическое значение декрета об аннулировании. Это легче всего сделать, если мы на минуту представим себе, что наша страна платит по всем своим старым долгам, внутренним и внешним.

Возьмем за основу исчислений долгов старых правительств цифры американского профессора Мультона, одного из лучших исследователей этого вопроса за границей. Хотя мы лучше проф. Мультона знаем цифры задолженности старой России, мы берем его данные потому, что если б нам пришлось аннулировать закон об аннулировании долгов, то при уплате фигурировали бы уже не наши цифры, а нам были бы навязаны цифры наших кредиторов.

Мультон исчисляет размеры внешнего долга старой России, вместе с иностранными капиталами, вложенными в промышленные предприятия, в 13.823 миллиона золотых рублей, а годовые платежи процентов и погашений—в размере 640 миллионов. Считая неизбежным ввоз России, если она согласится платить по старой задолженности, Мультон считает правильным принять ежегодные платежи по старым долгам и по новому долгу в 3 миллиарда в размере 880 миллионов ежегодно. Мы считаем, что если б нас заставили платить по всем старым займам, т.-е. если б у нас победила бы контрреволюция, то стране пришлось бы также платить и по внутренним займам нашей старой буржуазии. А эти займы только до войны равнялись около 4½ миллиардам золотых руб. Иными словами, при допущении победы контрреволюции и ликвидации октябрьских завоеваний страна должна была бы платить более 1 миллиарда ежегодно.

Как выглядел бы наш бюджет и наше хозяйство при таком положении?

Что касается бюджета, который теперь при 3½ миллиардах еле удовлетворяет самые необходимые потребности государства и вряд ли может быть сокращен, то пришлось бы ввести новые налоги, которые увеличили бы обложение на душу населения на 7 руб. 50 коп. по сравнению с теперешними налогами. Это значит, что средняя крестьянская семья в 5 душ должна была бы платить **сверх теперешних налогов еще по 37 рублей ежегодно.**

Вот та великолепная перспектива, которая ожидала бы нас, если б наши кредиторы продиктовали нам свою волю.

Что касается нашего хозяйства, то подобные платежи совершенно разорили бы население, они не дали бы никакой возможности улучшать обработку земли, улучшать инвентарь и даже поддерживать его на теперешнем уровне. Кроме того, эти платежи совершенно приостановили бы процесс восстановления промышленности и свели бы страну на уровень отсталой земледельческой колонии иностранного капитала, привозящей промышленные изделия из-за границы и вынужденной вывозить как можно больше сырья и продовольствия, сокращая внутреннее потребление. Страна была бы подвержена частым недородам, поскольку не была бы в состоянии улучшать земледелие. Недоедая собственного хлеба, она была бы вынуждена вывозить его даже в голодные годы, чтобы платить ежегодно кредиторам.

Что все это так, нам станет еще более ясно, если мы рассмотрим вопрос о судьбе нашей внешней торговли при допускаемой ситуации. Для поддержания нашего хозяйства хотя бы на уровне 1925—26 г. нам без уплаты по внешним долгам нужен ввоз и вывоз примерно по 1 миллиарду, тогда как до войны, в 1913 г., мы ввезли на 1.347 миллиона, вывезли на 1.520 миллионов.

Если по внешней задолженности нам придется платить по Мультону 880 млн. ежегодно, то это значит, что на сумму вывоза в 1 миллиард мы можем ввезти только на 120 миллионов, вместо нужных нам уже в этом хозяйственном году 1 миллиарда и вместо 1.374 миллионов в 1913 г. Совершенно очевидно, что при таком торговом балансе не может существовать не только твердая валюта в стране, не имеющей никаких доходов из вложенных за границей капиталов, но и немыслимо сколько-нибудь нормальное функционирование всего хозяйства, особенно промышленности. Для нее невозможен не только ввоз средств производства, в форме машин для промышленности, машин для земледелия, но даже необходимейшего промышленного сырья, как хлопок для текстильной промышленности, шерсть для суконной, каучук для резиновой, толстых подошвенных кож для обувной, красок, цветных металлов и т. д. Достаточно заметить, что при возможном ввозе на 120 млн. рубл. мы не сможем даже ввезти половины количества необходимого нам хлопка и не сможем дать стране мануфактуры по самой голодной норме, не говоря о невозможности поддерживать другие отрасли производства даже на теперешнем уровне, еще не достигшем скромной довоенной цифры. Если же страна не получит кредитов в 3 миллиарда из-за границы и должна будет платить по внешней задолженности по подсчетам Мультона 640 миллионов ежегодно, то положение ее будет еще хуже, п. ч. она не сможет пустить в ход даже теперешнее достаточно изношенное оборудование своей промышленности и вынуждена будет сводить ее на-нет путем постепенного и все более быстрого проедания основного капитала.

Какие же выводы?

Выводы напрашиваются сами собой. Если бы нашу страну заставили платить внешние и внутренние долги, она не только не могла бы развиваться, несмотря на получение новых займов, но пошла бы в хозяйственном отношении назад даже в сравнении с теперешним положением. Но если страна не будет развиваться, она экономически не в состоянии платить, если бы даже возымела самоубийственное желание платить. А это значит, что, провозгласив аннулирование всех долгов старых правительств, Октябрьская революция пошла по линии экономической необходимости и тем открыла путь к постепенному восстановлению хозяйства страны без новых займов, но и без уплаты по займам старой России. Если бы страна была вынуждена платить по всей старой задолженности, она ни при каких условиях, ни при каких режимах не достигла бы того приближения к довоенному уровню и достижения этого уровня, которые нам совершенно обеспечены в нынешнем году.

Если все официальные представители советских республик всегда неуклонно заявляли о том, что СССР не сойдет, не может сойти с позиции декрета об аннулировании, то они лишь формулировали то, что есть. И вместе с тем, начиная с Генуэзской конференции, они постоянно заявляли, что советское правительство на известных условиях готово в каждом отдельном случае притти к соглашению с той или иной страной по долговому вопросу на основе обоюдной выгоды для договаривающихся сторон, т.-е. если соглашение по всей совокупности экономических, финансовых и политических условий будет улучшать, а не ухудшать наше теперешнее положение. Такое соглашение возможно, если буржуазные круги будут смотреть в глаза действительности и отвечать себе на один очень простой вопрос: если мировая война потрясла до основания всю экономику Европы, если одно правительство банкротилось за другим, если миллионы людей разорялись, если все валюты падали, все колоссальные концерны рассыпались и летели в трубу, а все бумаги всех займов обесценивались, *) то неужели долговые обязательства свергнутых правительств России должны представить единственное в мире исключение? Неужели пролетарская революция является самым надежным средством спасти от обесценения старые долговые обязательства и гарантировать держателям 100 за 100?

*) Вот один яркий пример. Французская довоенная рента пала в стоимости, благодаря падению франка, в 4½ раза, и, кроме того, котируется на парижской бирже в 46-процентной номинации. Это значит, что держатели ренты потеряли почти 9 десятых своих сбережений, вложенных в этот заем.

К. Радек.

Седьмое и девятое ноября.

ЛЕНИН И ПОДГОТОВКА К РЕВОЛЮЦИИ.

Начальник немецкого генерального штаба фон-Шлифен написал когда-то статью, в которой рассматривал вопрос о душевных качествах полководца. Историю Октябрьского восстания мы анализировали до сих пор с точки зрения об'ективных условий, сделавших это восстание возможным, с точки зрения организации партии, поведшей пролетариат к восстанию, с точки зрения принципов, которые сделали из большевистской партии руководительницу восстания. Но надо когда-нибудь продумать и разработать вопрос о полководце рабочей революции, о тех душевных качествах, которые должны быть собраны воедино, чтобы дать великую фигуру пролетарского полководца, фигуру, которая будет выступать перед международным пролетариатом до последнего его победоносного боя. Я не могу взяться за эту задачу в газетной статье, но, я думаю, что опыт и без научного аппарата попытаться охватить в нескольких штрихах эту фигуру. Даже такая попытка кое-что выяснит.

Ленин был марксистом. Опошленное название. Каутский тоже был марксистом, он писал всю жизнь марксистские статьи, брошюры, и если бы их собрать воедино, то они заняли бы, по крайней мере, в пять раз больше места, чем 19 томов сочинений нашего учителя, умещающихся на одной полке. Можно сказать иначе: Ленин был истинным марксистом. Но что такое истинный марксизм? Каутский же был даже в лучшей своей эпохе представителем разбавленного водою марксизма. В каком смысле? Немецкий коммунист [illegible] написал очень плохую книгу по истории классовой борьбы и ее отражения в литературе. Но в этой книге есть очень интересная мысль об исторических сочинениях Каутского, которые мы по сегодняшний день читаем, как лучшее, что из него останется. Он обратил внимание, что Каутский занимался всю жизнь сооружением памятников побежденным революциям. Он изучал условия их возникновения и условия гибели, и всякую из его исторических работ мы откладываем с тяжелым чувством. Да, эта революция должна была погибнуть. Отношение Каутского к прошлым революциям полно меланхолии. В его книгах не видна даже глубокая борозда, оставленная жизнью, борьбою целых поколений революционеров. Он не дал нигде большой картины победоносной, хотя бы буржуазной революции. Не показал, какие пласты земли она подняла, какие глубокие следы она после себя оставила. Поскольку же Каутскому приходилось применять марксистский метод для об'яснения борьбы классов, развертывающейся на наших глазах, весь анализ его служил для об'яснения, **почему еще невозможна революция.** Революция вообще витала перед его взором, как идеал в далеком будущем. Между ним и ею не было никакой жизненной связи. Она существовала у него, как выдуманная любовница, игрушка фантазии, «гомункулюс», созданный в научной реторте, а не как живое существо, к которому идешь, для которого трудишься, к которому стремишься. И поэтому, как тот поэт, который годами мечтал о возлюбленной королеве с телом из слоновой кости, и который отвернулся от нее, когда она пришла к нему, вызванная его тоской, его мольбами,—ибо о чем же было мечтать поэту, раз возлюбленная уже явилась? Совершенно также и Каутский испугался, когда ворвалась в его тихий кабинет растрепанная, жестокая революция.

Ленин-юноша в 1894 г. писал свои зеленые тетрадки «Что такое друзья народа». В этих тетрадках он мыслью расчистил путь революции в России и, изучив его, написал: «Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, из среды рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую борьбу рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшийся во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». И вырезав, как на граните, эту программу борьбы, Ленин работал десятки лет в одном направлении. Вся мысль его была сосредоточена **на теоретической и практической подготовке революции.** В борьбе с народничеством он выделял рабочий класс из общей массы народа, как самостоятельную силу, в борьбе с экономизмом он приготовлял его к роли гегемона народной массы, в борьбе с меньшевизмом он связал его с крестьянством. Одновременно воздвигал партию—железный авангард пролетариата. Он указал ей задачу постройки профсоюзов, об'единяющих рабочую массу под руководством их авангарда, он указал на роль советов, как средство, связывающее рабочий класс со всей борющейся народной массой. Ни на один момент не забывая о ближайших задачах, о задачах демократической диктатуры, разрушающей твердыню царизма, он указывал путь к великой завтрашней задаче, к пролетарской диктатуре, разбивающей цепи капитализма. День за днем, шаг за шагом, мысль за мыслью, через все изгибы истории—неуклонный путь к одной цели, **к социалистической революции.** И только потому, что строил окоп за окопом, каждый последующий, выдвинутый дальше предыдущего в стан врагов, он имел ежедневную проверку своей правоты, правоты своей партии, правоты марксизма. Марксизм был для самых лучших западно-европейских марксистов только схемой, непроверенной рабочей гипотезой. Для Ленина он был проверенный, ежедневно проверяемый, безошибочный путь, стальное орудие борьбы. И поэтому, когда империализм разрезал все противоречия капиталистического строя в одну великую симфонию, разрывающуюся шрапнелью, в одну дикую музыку самоуничтожения человечества,—Ленин не ныл, не плакал у могил, не мечтал о днях мира, хотя бы плохенького капиталистического мира, под прикрытием которого снова можно будет начать подготовительную работу пропаганды и агитации, а сказал себе: **вот пришел великий день классовых боев, день, когда загремят орудия пролетариата, когда классовая борьба перейдет в гражданскую войну! Близится день революции, будь готов!**

Будь готов? Не лучше ли ждать? Может ли самый слабый отряд мирового пролетариата, может ли русский пролетариат, находящийся еще под гнетом царизма, не имеющий достаточной подготовки ни на поприще парламента, ни в профессиональных организациях, взять на себя тяжелое бремя революционного почина? Не будет ли он задавлен отсталостью, некультурностью страны, не погибнет ли он в бою, не добившись социализма? Нет,—ответил Ленин,—партия большевиков **должна взять на себя этот великий почин,** ибо в России буржуазия слабее, хуже организована, пролетариат имеет союзника в крестьянстве. Быть-может, мы будем разбиты, но эти условия, более благоприятные для начала революции, накладывают на партию большевиков великое обязательство: разорвать кольцо империалистической войны, пробить брешь, в которую должны броситься рабочие отряды других стран. А если они не подоспеют так скоро, чтобы позволить нам довести дело до конца, если мы не сможем передать более сильным пролетарским отрядам своего знамени, чтобы они донесли его дело до конца,—то и так дело наше не погибнет. Та борозда, которую мы выроем плугом революции, останется. Никто не нашел еще средства, чтобы аннулировать дело действительной народной революции. Пролетарии других стран начнут свою борьбу, используя уже проделанный нами опыт. Их борьба обопрется на наши спины даже, если кости наши будут белеть на полях сражения. Ленин не имел в кармане гарантий победы, но он решил начать борьбу, потому что **был интернационалистом.** Интернационалистами были и они все. Ведь мы встречались с ними на всех международных конгрессах, и нельзя думать, что в продолжение десятков лет они ломали комедию. Но подобно тому, как вера в революцию выковывается только в борьбе за революцию, а не в научном кабинете, в котором часы научной мысли показывают ход истории, приближение стрелки к двенадцатому часу, так и интернационализм рождается и крепнет только в борьбе. **Интернационализм дела** мы противопоставляли во время войны интернационализму чувств и слов, и ни у кого этот интернационализм дела не был делом до такой степени, как у Ленина. Поэтому в бессонные ночи—Ленин страдал бессонницей с самого начала войны—он тысячу раз, думая о революции, продумывал **обязанности интернационалиста.** Во время войны я написал для международного союза молодежи статью или листовку под заглавием: «Что означает отрицание защиты отечества». Ленин критиковал ту или иную постановку вопроса в статье, но очень приветствовал попытку сказать точно и ясно, конкретно, что же вытекает из того, что мы—интернационалисты, что должны мы делать для того, чтобы быть интернационалистами. И он был интернационалистом от головы до ног. Подобно тому, как не было в нем никаких колебаний насчет того, что партия должна подготовлять революцию, так не было у него никаких колебаний насчет того, что интернационализм не состоит в пожелании более сильных отрядов пролетариата, а в использовании всех условий для международного революционного почина.

Решение начать международную социалистическую революцию—это было самое великое решение, которое созрело в мозгу и в сердце современного человека, ибо никто не видел еще социалистической революции, никто не видел еще пролетариата у власти в великой стране. Помню великолепно сентябрь месяц 1917 года. Я был абсолютно убежден в правильности ленинской линии, но я сидел в Стокгольме и должен был черпать свои знания о том, что происходит в России, из десяти буржуазных газет. «Правда» доходила редко и давала недостаточное количество материала для того, чтобы почувствовалось дыхание революционной массы, ее борьба, ее движения. И часто, читая материал о хозяйственном распаде, о состоянии железных дорог в России, о расстройстве продовольственного дела, я чувствовал, как волосы поднимаются на моей голове от страха: «как справимся мы с этими громадными задачами, с которыми не могут справиться лучшие организаторы буржуазии?». Прочтите бессмертное сочинение Ленина: **«Удержат ли большевики государственную власть»,** самый глубокий, самый потрясающий документ социалистической мысли, написанный за день до революции, тогда вы поймете, откуда взялось бесстрашие Ленина. Ленин изучал целые библиотеки, он пропустил через свой мозг все, что дала буржуазия, что дала социалистическая наука. Но не из книг почерпнул Ленин свою веру в народную массу. Он почерпнул ее из своей работы среди молодого петроградского пролетариата, из своих охотничьих скитаний по сибирским тундрам, из своих разговоров с крестьянством, из того творческого труда пролетариата, который он видел за границей, из разговоров с беззаветно храбрыми рабочими-революционерами, у которых он так много умел выпытать и выспросить при встречах с ними. Он имел глубочайшую веру в практический разум даже самой забитой бедноты, в ее геройство, когда она двинется на защиту своих человеческих прав. Полуменьшевистская, полукадетская газета «Дни», издававшаяся в Петрограде еще после Октябрьской революции, поместила статью меньшевика Заславского об этой брошюре Ленина. Заславский, тогда злостный враг большевизма, написал о ней, что она является самой красивой демократической утопией, ибо она полна веры в народные массы. Он не понимал, что он этим говорит о самом себе и о так называемых «демократических социалистах», борющихся против большевистского переворота, против пролетарской диктатуры, якобы во имя демократии. Демократ-меньшевик Заславский, сам того не подозревая, говорил, что они, демократы, враги диктатуры, не верят в творческие силы народной массы, освобожденной от гнета эксплоататоров,—а он, Ленин, верит, что рабочая масса может повести страну к развитию всех лучших душевных качеств, которые богато вознаграждают за отсутствие опыта и науки, этого пути, который буржуазия закрыла перед народными массами. В своей книге «Ренегат Каутский» Ленин всегда говорил о **диктатуре пролетариата как о пролетарской демократии.** Многие думали, что это есть только защитная полемическая формулировка. Это была суть, основа убеждений Ленина, что диктатура пролетариата является спасением, ибо соберет в один мощный кулак все силы народной массы и опустит его железным ударом на череп врага.

Марксист, интернационалист, пролетарский демократ,—вот те три основных силы, которые, об'единенные в целое, создали мировую личность вождя пролетарской революции. Марксизм, интернационализм, пролетарский демократизм,—на этих трех китах он построил победоносную большевистскую партию. С Клементием Ворошиловым мне пришлось, после окончания гражданской войны ехать из Ростова-на-Дону в Москву. Мы смотрели в пасмурный день через окна вагона на станции рабочих поселков, и Ворошилов начал разговор о том, почему мы победили и почему нашим врагам не удалось нас скинуть. То, что он сказал, благодаря своей образности, врезалось мне в память с величайшей силой. **«Мы сумели под царизмом сговориться, а они под нашей диктатурой не сумели сговориться».** Я долго думал об этих словах, как бы рукой ощупывая их, во всей их конкретности. Почему всякий член нашей партии, выросший в великой школе Ленина, даже не имея связи с центральным комитетом, умел в основном, в самых сложных положениях найти тот путь, который указал бы ему Ленин и Центральный Комитет? Потому, что наш сговор состоял в воспитании в этих трех основных идеях. Что они означали? Они означали веру в великую задачу русского рабочего класса и его способность руководить народными массами, веру в его революционный долг перед всем рабочим классом мира. Воспитывая в этих идеях большевистскую партию, Ленин передал ей те качества, которые сделали его вождем мировой революции. Или можно эту мысль повернуть и сказать, что, нащупав эти качества в русском рабочем классе, рожденном в буре и огне, концентрировав их в своей груди титана, Ленин сделался вождем мировой революции.

ЭБЕРТ И ПОДГОТОВКА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

Вещи лучше всего выясняются путем противопоставления. 7 ноября 1917 года под руководством Ленина победил русский пролетариат. 9 ноября 1918 года, вопреки воле руководителей громадного большинства германского пролетариата, вспыхнула германская революция. 10 ноября вождь большинства германских рабочих, вождь германской социал-демократии Эберт, ни одного дня своей жизни не посвятивший подготовке революции, взялся за организацию контрреволюции. Мы, коммунисты, это предсказывали немецким рабочим во время войны, и 11 ноября 1918 года в радиотелеграмме, которую пришлось мне писать,—я был тогда руководителем отдела международной пропаганды ВЦИК,—мы говорили, что Эберт и Шейдеман продадут германских рабочих германскому и иностранному капиталу. Эберт «обиделся» и приказал вольфовскому телеграфному агентству протестовать против этого «вмешательства советского правительства во внутренние дела Германии». «Фрайхайт»—орган независимой социал-демократии—напечатал нашу телеграмму

В. Молотов.

Частичка работы в Октябрьские дни.

(ВМЕСТО ОТЧЕТА).

Военно-Революционный Комитет, руководивший восстанием в Петрограде, был чисто боевой организацией. Ему приходилось наводить порядок, подавляя нападения врагов в городе, вести всестороннюю и неутомимую военную оборону, укрепляя революционные позиции в окрестностях Петрограда от наступающих белогвардейцев, разрушать старые и строить новые органы власти, организуя и вдохновляя развертывание пролетарской революции во всей стране.

В его работе одно из первых мест занимал военный штаб. Опираясь на сравнительно небольшие отряды рабочей Красной Гвардии и на некоторые воинские части, он руководил непосредственной обороной Петрограда. Установление революционного порядка в городе требовало огромного напряжения, быстроты действий и решительности. И эту труднейшую в то время задачу Военно-Революционный Комитет в течение первых недель Октябрьского восстания выполнял с большим успехом.

За эти недели была проведена сложная и большая работа по овладению государственными учреждениями, как известно, не сразу переходившими в наши руки.

Рядом с этой военно-административной работой Военно-Революционный Комитет развернул громадную политическую и революционно-просветительную работу. Это последнее дело приобретало исключительно важное значение в связи с развертыванием петроградского восстания во всероссийское Октябрьское восстание. В Военно-Революционный Комитет приходило бесчисленное количество делегаций из армий, от рабочих, от служащих, от различных политических партий, общественных групп и учреждений, от иностранных миссий и т. п.

Если можно сказать, что уже с первых дней созидательная работа перешла в организовавшийся Совет Народных Комиссаров, то организатором восстания во всей России был и оставался Военно-Революционный Комитет. К нему шла масса и бесчисленное количество представителей этой массы. Здесь они получали ответы по всем основным вопросам революции, здесь они испытующе вглядывались в новую власть, знакомились с ее задачами, распутывали бесконечную клевету и наветы на руководителей восстания, здесь они узнавали действительные факты и меры, проводимые Военно-Революционным Комитетом. Стоит только припомнить, как мало наша партия могла на свои незначительные средства издать литературы до Октябрьского восстания, как мало эта литература проникала в армию, в провинцию, не говоря уже о деревне, каким малым количеством подготовленных сил она могла располагать для защиты своих позиций против бесчисленных врагов и еще более многочисленной враждебной буржуазной и соглашательской прессы,—чтобы понять, какую огромную политико-просветительную работу должен был проделать Военно-Революционный Комитет, в целях разоблачения своих врагов и выяснения своих целей и своей тактики перед непрерывною цепью представителей рабочих, крестьян и солдат, приходивших буквально со всех концов за раз'яснениями в Петроград. Мне кажется, в эти недели через Военно-Революционный Комитет прошли не сотни, а тысячи делегаций и десятки тысяч делегатов, жаждавших точно узнать о ходе революции и о действиях Военно-Революционного Комитета. Искали прежде всего правды о событиях и непосредственного представления о новой власти.

Далеко не всегда приходившие были настроены в пользу переворота и новых руководителей власти. Но почти всегда они уходили с выражением доверия новой власти и обещанием всемерной ее поддержки. Бесконечное количество собраний и бесед провели за это время члены Военно-Революционного Комитета с приходившими к нему делегатами солдат и рабочих, а затем и крестьян, за всевозможными раз'яснениями. Эту громадную политическую работу Военно-Революционный Комитет выполнял в течение нескольких недель, пока не организовались новые государственные аппараты центральной власти, петроградской, а затем и на местах. Этой работой занималось большинство его членов и днем и ночью. Круглые сутки кипела работа. Эта революционно-политическая работа сыграла колоссальную роль в укреплении Октябрьской победы.

Дальше я остановлюсь на одной небольшой частице политической работы Военно-Революционного Комитета, которая мне была близко знакома.

У Военно-Революционного Комитета уже с первых дней был так наз. агитационный отдел, руководство которым, между прочим, было поручено мне, как члену В.-Р. Комитета. Задачи агитационного отдела были тогда очень несложны. Мне вместе с одним-двумя помощниками пришлось главное внимание сосредоточить на посылке рабочих-агитаторов в провинцию, во все концы страны. Если, как сказано выше, в В.-Р. К. приходили громадное количество делегаций и делегатов за раз'яснениями, то, с другой стороны, из среды петроградских рабочих выделился встречный поток рабочих, которые стремились раз'ехаться в различные губернии и районы Республики, вначале в целях раз'яснения массам событий и задач Октябрьского переворота. Насколько помню, без всякого призыва со стороны какой-либо организации рабочие пролетарским инстинктом сами почувствовали огромное значение этого дела. В Военно-Революционный Комитет буквально хлынули сотни рабочих, которые выражали желание отправиться в качестве раз'яснителей и агитаторов в самые разнообразные уголки страны. Они требовали только немножко последней литературы, основной информации о ходе событий и ничтожной материальной поддержки на проезд. Агитационный отдел В.-Р. К. и был назначен, главным образом, для обслуживания и организации этого дела. Нам оставалось производить некоторую проверку желающих ехать в провинцию товарищей и несколько регулировать эти поездки. Не приходится говорить о том, что при этом соблюдались очень небольшие формальности. Достаточно было рекомендательной записки партийной ячейки, фабрично-заводского комитета или профсоюза—и мы удовлетворяли желание товарищей поехать на места. В эти дни не приходилось строго разбираться даже в партийности. Основная цель проверки заключалась в том, чтобы избежать провокационных поездок.

В первые дни поток рабочих, направлявшихся в провинцию, был особенно велик. За день к нам приходило 50—70 человек, спешивших немедленно с литературой и последней информацией от нас уехать на места. Таких товарищей мы снабжали мандатом В.-Р. К. Мандат этот был, впрочем, очень краток: в нем говорилось только о том, что данный товарищ направляется для правильной информации в такое-то место или губернию. Отказывать нам приходилось сравнительно немногим. В большинстве случаев уезжали товарищи туда, где они больше имели личных связей. С собой они увозили небольшую пачку литературы, главным образом последних петроградских газет. Для дачи информации мы устраивали небольшие беседы, а иногда и доклады для групп уезжающих товарищей. События настолько торопили нас всех, что каждый из приходивших с целью отправиться для работы на места налету старался поймать несколько общих указаний в работе, несколько замечаний по поводу оценки тех или иных событий и затем, получивши небольшой лоскуток бумаги со штампом В.-Р. К., немедленно отправлялся с этим мандатом по месту своей работы. Нам оставалось, кроме того, давать им на руки по несколько сот рублей тогдашних (сильно обесцененных в цене) денег и оказывать содействие в отправке по железной дороге.

Наш агитотдел помещался в одной из комнат нижнего этажа Смольного, для удобства—около входа. Через несколько дней нам пришлось отвоевать другую комнату для того, чтобы там организовать небольшой склад газет и брошюр, которыми снабжали уезжавших товарищей. Как памятны до сих пор эти постоянные кружки нетерпеливо ожидавших нашей информации и литературы товарищей, постоянно толпившихся в этих комнатах и наперебой старавшихся поскорее покончить с технической процедурой отправки!

У меня сохранилась копия моего краткого отчета, представленного мною в президиум ВЦИК (если не ошибаюсь, тогдашнему секретарю ВЦИК т. Аванесову) о работе агитотдела В.-Р. К. Вот цифры, которые я беру из этого отчета.

За время с 25 октября по 25 ноября (старого стиля) было отправлено в провинцию 643 ч. Большая часть этих агитаторов были рабочие Петрограда, меньшая—солдаты и матросы. По губерниям, в которые они направлялись, агитаторы распределялись следующим образом: в Тверскую—54, Витебскую—50, Псковскую—42, Новгородскую—39, Петроградскую и Смоленскую—37, Рязанскую — 27, Тульскую—22, Костромскую—20, Тамбовскую—18, Минскую, Саратовскую и Вологодскую—по 15, Орловскую—14, Московскую—13, Виленскую (в теперешней Польше), Самарскую и Вятскую—по 12, в Калужскую и Харьковскую—по 11, Донецкий бассейн, Пермскую и Симбирскую—по 10, Владимирскую и Могилевскую—по 9, Черниговскую и Херсонскую—по 8, Пензенскую, Курскую и Лифляндскую (в теперешней Латвии)—по 7, Нижегородскую и Тобольскую—по 6, Подольскую, Воронежскую и Уфимскую—по 5; Полтавскую и Олонецкую — по 4, Екатеринославскую, Омскую и Семипалатинскую—по 3, в Казанскую, Таврическую, Ставропольскую, Оренбургскую, Томскую, Енисейскую, Бессарабию, отдельно гор. Быхов, на Кавказ—по 2, и, наконец, в Волынскую, Эстляндскую (теперешн. Латвия), Ковенскую (теперешн. Литва) и Алтайскую — по 1. Кроме того, в армию было послано несколько человек. Как видно, распределение по губерниям и областям было очень неравномерное. Это показывает, главным образом, на то, что ехали на места те рабочие, матросы и солдаты, которые были так или иначе связаны жительством с этими губерниями. Нам не приходилось распределять этих агитаторов по нашему желанию. Мы стремились только урегулировать стихийный поток направлявшихся в провинцию рабочих с наибольшей выгодой для революционной работы.

На отправку всех этих агитаторов нам пришлось израсходовать (беру цифры из упомянутого отчета) всего 111.404 руб. 50 к. Сюда входят расходы и на ту часть литературы, которая частично оплачивалась, и на газеты. В.-Р. К. не имел вначале своей кассы; приходилось брать по мере нужды по несколько десятков тысяч, главным образом в президиуме Петроградского Совета, а также в петроградском комитете и в Центральном Комитете нашей партии, а после в самом В.-Р. К.

Какую работу проделали эти агитаторы Военно-Революционного Комитета? Никакому учету это не доступно. Большинство отправившихся товарищей не могли поддерживать какой-либо связи с В.-Р. К. после от'езда из Петрограда. Но некоторые из уезжавших присылали письма и свои отчеты. Только 68 из отправленных товарищей успели зарегистрироваться в В.-Р. К. по возвращении их с мест.

Мы старались при этом собирать их отчеты о проделанной работе. Не знаю, сохранились ли эти интереснейшие отчеты о революционных событиях где-нибудь в наших архивах. Было бы интересно использовать эти написанные в самый разгар восстаний отчеты, в которых, вероятно, есть немало ценных наблюдений о ходе революционных событий того времени. Но, конечно, эти отчеты, написанные наспех тогда еще неопытной рукой простого рабочего, вряд ли могут отразить полную картину работы, которую провели действительно эти несколько сот агитаторов Военно-Революционного Комитета на местах. Не сомневаюсь, однако, что из этих простых агитаторов петроградского пролетариата вышло немало прекрасных работников нашей революции. Недавно на сессии ЦИК мне пришлось говорить с одним из этих рабочих-агитаторов Октябрьского восстания. Я встретился с ним во время заседания, как с одним из членов ЦИК.

Самым ценным и самым существенным в работе этих товарищей было, несомненно, то, что они уходили в самую гущу трудящихся масс. Среди них были, вероятно, отдельные единицы, которые не отвечали назначению. Однако то, что все от'езжавшие товарищи были рекомендованы в дни восстания для посылки на места революционными организациями рабочих и солдатских организаций, партийными комитетами и ячейками, и то, с каким нетерпением, с какой жаждой они забирали пачки нашей литературы и ловили указания о революционных задачах на местах,—не оставляет сомнений в том, что это были энергичнейшие и преданнейшие агитаторы Октябрьской революции. Один Петроград в течение первых решающих недель послал организованным порядком через центральный боевой штаб несколько сот агитаторов-рабочих, матросов и солдат. А сколько уезжали еще непосредственно от местных ячеек и организаций и не только Петрограда? Эта массовая революционно-просветительная агитация сыграла свою роль в закреплении позиций Октябрьского восстания во всей стране.

Здесь мы коснулись только небольшой частички работы Военно-Революционного Комитета. Но эта небольшая частичка, думается, подчеркнет размеры действительно громадной и необыкновенно напряженной работы Военно-Революционного Комитета в целом.

В. Яковлева.

Просвещение в деревне.

Когда полтора года назад XIII с'езд РКП рассматривал вопрос о работе партии в деревне, он вынужден был прежде всего констатировать, что культурно-просветительная работа в деревне за годы нэпа пришла в упадок. По докладу тов. Крупской перед с'ездом прошла чрезвычайно мрачная картина состояния просвещения в деревне, основанная на данных специального обследования, произведенного НКПросом в ряде волостей в январе 1924 года.

Приведем несколько цифр, характерных для зимы 1924 года. Сельский учитель получал 10—12 рублей в месяц, нерегулярно, с задержкой на 3—4 месяца, с переходящей из месяца в месяц задолженностью. Школа, как правило, не отапливалась, частенько не имела мебели; были отмечены случаи, когда учительница сидела на печке, а ученики на полу. Было констатировано полное отсутствие учебных пособий. Широко была распространена так называемая договорная школа, содержавшаяся местным населением по договорам с отделами народного образования. Изба-читальня находилась в жалком состоянии, содержалась всегда за счет населения; отмечались случаи, когда уездные отделы народного образования отпускали в квартал на 161 избу 30 р. и т. д.

С'езд поставил перед партией задачу—напрячь все силы для укрепления дела народного образования в деревне, рассматривая эту задачу, как ударную.

Что же сделано по этому заданию? Имеем ли мы какой-либо сдвиг в деле народного просвещения в деревне, который мог бы быть отмечен к 8-летней годовщине Октября, как реальное достижение в этой области?

Конечно, никто не станет требовать каких-либо огромных продвижений вперед. Никто не станет ожидать, чтобы за один год мрачная картина, обрисованная т. Крупской, могла смениться какой-нибудь культурной идиллией. Один год—слишком небольшой промежуток времени, а страна наша хотя и движется вперед по пути укрепления своего благосостояния, но все же еще располагает крайне скромными ресурсами. Дело же народного просвещения в деревне требует прежде всего больших материальных затрат: на школьные помещения, на оборудование школ, библиотек и изб-читален, на повышение заработной платы почти полмиллионной армии просвещенцев и т. д. И тем не менее сдвиг в области деревенской просветительной работы, определенных, всякому заметных шагов вперед партия в праве требовать от органов народного образования. Вновь повторенное Наркомпросом через год волостное обследование вполне определенно вскрывает этот сдвиг. Прежде всего заработная плата сельского учителя с 10—12 р. в 1924 г. выросла до 26 руб. (в среднем) в марте 1925 г. Задержки жалованья и задолженность учительству хотя и не исчезли совершенно, но остались лишь в губерниях с наиболее слабым бюджетом. Урегулирован вопрос с топливом: школа и изба-читальня топятся регулярно. В школьных помещениях сделан самый неотложный ремонт. Почти исчезла договорная школа. Старый учебник почти исчез из школы и начинает заменяться новым. Последний имеется в школе еще в недостаточном количестве, но уже имеются случаи (Вологодская губерния), где школы обеспечены букварем на 80 проц. Лучше, но все еще плохо, обстоит дело с писчебумажными принадлежностями и учебными пособиями. Хотя забота о писчебумажных принадлежностях в главной своей части попрежнему падает на родителей, но все же части этой потребности с зимы 1925 года стали удовлетворяться за счет местного бюджета. Самая работа школы поднялась и укрепилась: сделаны значительные успехи в хромавшем ранее деле усвоения навыков чтения, письма и счета, проникли в сельскую школу программы ГУС и делает первые шаги комплексный метод преподавания. Все это укрепляет авторитет школы, она постепенно становится в центре внимания сельского населения и ее общественно-политическая роль растет. Выросло и внимание к культурно-просветительной работе в деревне и со стороны органов народного образования и со стороны виков и сельсоветов; возросло число выездов в деревню со стороны уоно; число заслушиваемых виками и сельсоветами докладов и отчетов по народному образованию достигает иногда внушительных цифр. Словом, за один год работы по директивам XIII с'езда партии мы можем констатировать начало действительного обновления сельской школы.

Еще более заметные достижения могут быть констатированы в области политико-просветительной работы. Прежде всего исчезли смехотворные цифры ассигнований прошлого года. В качестве наименьшей цифры обследование отмечает 120—130 руб. в год на избу-читальню, но есть цифры в 400 руб. слишком на одну избу-читальню. Оживилась самая работа избы-читальни, всюду ведется кружковая работа, кое-где краткосрочные курсы по сельскому хозяйству. Самое качество политико-просветительной работы и в особенности качество избачей продолжает, к сожалению, оставаться еще очень слабым. Но безусловно огромным достижением политико-просветительной работы является внедрение в деревню газеты, которая выписывается в значительном количестве не только теми или иными организациями, но и отдельными крестьянами. По данным обследования, одна газета выписывается на 5—8 крестьянских дворов.

Что касается сети культурно-просветительных учреждений в деревне в 1924—25 г., то по сравнению с предшествующим годом мы имеем стабилизацию сети школ 1-й ступени, увеличение в 8 раз сети школ крестьянской молодежи, увеличение сети ликпунктов на 78 проц. и изб-читален на 56 проц. Неграмотность за этот год ликвидирована у миллиона человек. Наконец, с лета 1924 года в деревню впервые проникли дошкольные учреждения в виде детских площадок, организуемых на летнее время. Летом 1924 года эти площадки насчитывались в сущности лишь единицами. Принимались они населением холодно и недоброжелательно, но вскоре завоевывали симпатии, а несколько площадок были по желанию крестьянства реорганизованы в постоянно действующие детские сады. Летом 1925 г. дошкольная работа в деревне развернулась уже более широко; были получены некоторые специальные ассигнования от правительства и намечено было развернуть детские площадки в 25 проц. волостей РСФСР. Правда, полностью это задание выполнить не удалось, но все же цифра детских площадок в деревне в лето 1925 года превышает 1.000. Из этой тысячи площадок некоторая часть снова закреплена в качестве постоянно действующих детских садов.

Из этой тысячи случаев не было ни одного неудачного, кончившегося отказом от организации детской площадки; напротив, во всех случаях население с грустью провожало уезжавших руководителей. Это дает право на лето 1926 года расширить задание до 50 проц. волостей.

Таковы в общих чертах результаты работы одного учебного года.

Новый учебный год начался при гораздо более благоприятных перспективах, ибо государство в 1925—26 году значительно повышает долю своего участия в расходах на массовое просвещение.

Если заработная плата народного учителя повышается и не столь значительно (на 14 проц. или в среднем до 32 р.), то в этом году государство отпускает впервые значительные суммы на ремонт школьных помещений и на учебники, письменные принадлежности и учебные пособия для сельской школы.

Письменные принадлежности будут доставлены в сельскую школу натурой по почте, непосредственно в адреса виков. Посылки составляются из расчета удовлетворения 50 проц. учащихся в наших сельских школах.

Суммы на учебники распределены по губоно из расчета удовлетворения 50 проц. учеников сельской школы 1 экземпляром каждого названия.

В общей сложности на дело снабжения сельской школы государством отпущено 3.969.000 руб.

Поставлен также вопрос об ассигновании 4 миллионов рублей на снабжение книгами сельских библиотек и отпущены значительные суммы на ликвидацию неграмотности и дошкольную работу в деревне.

По предварительным сведениям с мест, сеть сельских школ в наступающем году возрастает на 3—4 проц., политико-просветительных учреждений в деревне процентов на 10, а ликпунктов—на 20 проц.

Но те же предварительные сведения говорят о том, что это расширение сети культурно-просветительных учреждений деревни, производящееся при величайшем напряжении бюджетных возможностей страны, далеко не соответствует росту культурных потребностей деревни, ее все возрастающей тяге к знанию. В ряде мест крестьяне за истекшее лето по собственной инициативе выстроили столько новых школ, что местный бюджет стоит перед существенным затруднением: как их всех включить в бюджетную сеть. Этот вопрос потребует к себе, несомненно, очень большого внимания со стороны советских и партийных организаций, ибо политическое значение его весьма велико.

Вторым вопросом, над которым придется призадуматься партии и органам советской власти, является вопрос о недостаточном обслуживании сельской школой детей бедняцкого и середняцкого населения. Оба волостных обследования, произведенных НКПросом, согласно отмечают неполное обслуживание школой детей бедняков и середняков деревни по причине отсутствия обуви, одежды и возможностей снабжения учебниками и письменными принадлежностями. Если последняя нужда разрешается ныне государством, то вопрос об обуви и одежде стоит попрежнему во всей своей остроте. Вот, например, цифры, характеризующие убыль учеников к концу учебного года по Шанталинской волости, Самарской губернии: бедняцких детей убыло—41,9 проц., середняцких—9,4 проц., зажиточных—7 проц.

Здесь в своеобразной форме встает перед нами тот же вопрос о реальной помощи беднейшей части крестьянства, который партия поставила перед собой, как основной вопрос своей политики по отношению к деревне. Надо искать и найти пути разрешения этого вопроса.

Итак, за истекшие полтора года партия имеет право признать наличие значительного сдвига в области народного просвещения в деревне. Но вместе с тем партия не может скрывать от себя скромных размеров достигнутого по сравнению с тем путем, который еще лежит впереди и отделяет нас от задач, завещанных нам тов. Лениным.

Рушьте фундамент старого.

Рис. Д. МООР.

А. Жаров.

Письмо другу.

Милый друг!
Отгрохотали восемь
Гулких лет, тревожных как набат.
Ты сегодня вспомнишь эту осень
И огонь октябрьских баррикад.
Ты, наверно, вспомнишь в Смольном ночи,
Те, в которые—нельзя уснуть.
Кто из нас
Сегодня не захочет
Оглянуться
На пройденный путь?
Развернулся он широкой лентой
И на ней—во все концы огни.
Вот уже становятся легендой
Те незабываемые дни.
Каждый день тот памятником вылит,
Каждый шаг теперь нам—маяком.
Помнишь—мы тогда с тобою были:
Ты—рабочим,
Я же—моряком...
Помнишь,
Как тогда нас разлучили
Две путевки,
Что вручил губком?..
Мы простились просто, без тревоги,
Разом ноги вдели в стремена.
Перед нами были—две дороги.
Две дороги...
Только цель—одна!
. . . .
Время жарким вихрем пролетело,
Гул фронтов не слышат города.
Но у нас с тобой
Осталось дело,
То, что вместе начали тогда...
Стало все теперь давно знакомым,
То, что и не снилось никогда...
Ты теперь—секретарем губкома,
Я—директор фабрики «Руда».
Пройдено и пережито много.
Пробивались мы сквозь штормы и мели.
Мы с тобой опять на двух дорогах,
Но опять
Одна и та же цель!
Путь далек. Но не свернем обратно,
Цель ясна. Ее нам надо взять!
Стало многое для нас понятным,
То, что раньше
Не могли понять!
Милый друг!
Брани меня не очень,
Знаю, знаю—есть в чем упрекнуть.
Но кто из нас
Сегодня не захочет
Оглянуться на пройденный путь?!..
Ну, прощай! Вот—под окном знамена,
Прежней радостью кипит завод...
Это значит:
Надо неуклонно
Не переставать смотреть вперед!
Милый друг!
Отгрохотали восемь
Гулких лет,
Тревожных, как набат.
Жадно ждет земля другую осень
С заревом октябрьских баррикад!

и заявил, что она доказывает, что мы в Москве плохо осведомлены о ходе германской революции. Теперь есть налицо документы, факты, ужасающие по своему содержанию и своей картинности.

В Мюнхене происходит процесс против контрреволюционного журнала «Süddeutsche Monatshefte», который обвинял социал-демократию, что она ударом кинжала в спину убила императорскую армию. Против этой «клеветы» выступил на суде ряд социал-демократических свидетелей, доказывавших, каким верным слугою империализма была германская социал-демократия во время войны. Эти заявления не принесли ничего нового. Но вдруг в защиту исторической правды предстал перед судом **генерал Гренер, последний военный министр Вильгельма.** Мы имеем перед собой его судебные показания от 29 октября, напечатанные в буржуазной газете «Фоссише Цейтунг». **Никакой драматург, который хотел бы дать международному пролетариату картину предательства социал-демократии, не мог бы выдумать подобной азефовщины, подобной картины мирового предательства дела рабочего класса.** Больше, чем все томы исторических исследований, говорят эти **показания генерала Гренера.**

«10 ноября главному командованию предстояло решить что делать. Я (генерал Гренер) посоветовал маршалу (Гинденбургу) не бороться против революции с оружием в руках, ибо войска не находились в соответствующем настроении. Я предложил ему заключить **союз с социал-демократами большинства** (шейдемановцами). Ведь правые партии совершенно исчезли. Это решение не было приятным маршалу, но он понимал его необходимость и согласился. Нашей целью было, во-первых, вывести войска из атмосферы революции. Ежедневно **с 11 до 1 часа ночи мы из ставки вели переговоры с канцелярией правительства по телефону при помощи особого тайного провода,** который так был устроен, что **никто не мог подслушивать. С 10 ноября нашей ближайшей целью было вырвать власть из рук рабочих и солдатских депутатов.** Поэтому мы решились **ввести в Берлин десять дивизий.** Независимые социал-демократические члены правительства народных комиссаров и,—если я не ошибаюсь,—совет рабочих и солдатских депутатов требовали, чтобы войска вошли без боевых патронов. **Эберт добился, чтобы войскам было разрешено войти с боевыми патронами** (я перебиваю себя, **но я говорю под присягой, я** долго об этом молчал). Мы выработали **конкретную военную программу** для входа в Берлин, **определили, какими дивизиями и в какие дни должно разоружить те или другие части Берлина. Все было подробнейшим образом условлено с Эбертом.** Не хочу говорить о подробностях».

Присяжный поверенный граф **Песталоцца:** «Дело идет о самом важном показании на процессе—полправды хуже, чем отсутствие правды».

Генерал **Гренер: «Совместная цель Эберта и моя—было создание крепкого правительства».**

Присяжный поверенный **Песталоцца:** «О чем условились вы и не живущий больше президент республики Эберт?»

Генерал **Гренер: «Мы условились о твердой программе очищения Берлина.** Войска генерала Леки, которого мне для этой цели рекомендовали, размещены в предместьях Берлина в частных домах. Вход войск в Берлин совершился с сохранением внешнего достоинства, но войска проявили неожиданное стремление вернуться домой, **так что мы не были в состоянии провести нашу программу.** Настало 23 декабря. Мы располагали только остатками 10-й дивизии, около 2 тысяч человек. 23 декабря, в 9 час. вечера, Эберт известил нас **по тайному проводу** из имперской канцелярии в Вильгельмсхое (ставка), что он арестован матросами. Счастливый случай, что он был заперт в своем кабинете. Центральный телефон был занят матросами, **но матросы не знали, очевидно, что он имеет тайный телефон.** Мы обратились к генералу Леки и приказали освободить Эберта. После этого мы имели очень характерный разговор с ним. Войска хотели покончить с матросами. Эберт вмешался и воспротивился этому. Он не хотел пролития крови из-за себя. Я по этому поводу делал ему упреки и сказал: «Господин Эберт, **мы заключили союз,** войска, которые вас освободили, должны иметь возможность расправиться с противником на основе военных и полевых законов. Если вы еще раз вмешаетесь, то нам придется разойтись». Эберт ответил мне, что **он не хочет слабости и мягкосердечия,** он только хотел избежать пролития крови на Вильгельмштрассе (местопребывание правительства). **Я предложил нападение на матросскую дивизию, захватившую императорский дворец и манеж. В половину третьего ночи Эберт дал мне свое согласие.** Перед восходом солнца 24 декабря 1918 года мы начали наступление, но безрезультатно, ибо после обеда фельдфебеля заявили: «Сегодня Рождество. Мы хотим идти домой, к женам и детям». Они заключили перемирие с матросами. Такая вещь возможна только в Германии. После этих опытов мы начали собирать вокруг Берлина **добровольческие войска,** ибо нам нечего было делать с регулярными войсками. Мы выдвинули лозунг «за правительство Эберта и Гаазе». Само собой понятно, что эта вывеска **имела для нас только внешнее и временное значение.** 24 декабря Эберт сказал мне по телефону: «Перед 28 или 29 нельзя ожидать прибытия добровольческих войск; до этого времени посмотрим, как пробьемся». Эберт, который не терял юмора даже в тяжелые минуты, сказал: «Знаете что, я уйду из правительственного здания и на три дня лягу спать. Это мне очень нужно. Я оставлю в государственной канцелярии только дворника. Если Либкнехт захочет взять власть, ему все равно никто не может помешать. Но если нас не будет в помещении правительства,—его удар будет ударом в воздух. Мы поместим правительство в Потсдаме или Цоссен (пригороды Берлина)». Я пригласил его приехать в Кассель (Вильгельмсхое, где находилась ставка, недалеко от Касселя). Он ответил, что ложится спать. Эберт вызвал Носке, и 29 прибыли добровольческие отряды. **Политическая цель, о которой мы условились с Эбертом, это было—выкинуть независимцев из временного правительства и обеспечить созыв учредилки. Я должен сказать, что это было проделано Эбертом с ловкостью, которая оставляет далеко позади все, что сделали все германские канцлеры во время войны,** и что принудило нас иметь громадное почтение перед политическим гением Эберта».

Генерал Гренер не сказал, в чем проявился в дальнейшем гений Эберта. Он состоял в том, что, зная, что берлинские революционные рабочие, имея в своих руках берлинскую полицию и поставив во главе ее недавно умершего нашего товарища, депутата **Эйхгорна,** будут защищать эту единственную реальную позицию, **провел смещение Эйхгорна,** и когда берлинские рабочие отказались подчиниться этому решению, Эберт **ввел войска,** организованные генералом Гренером под вывеской Носке, войска, состоящие из ударных батальонов офицеров и студенчества, и начал обстрел берлинских рабочих. Коммунистической партии, как организованной силы, тогда еще не было. Таким образом, не было никакого руководства, рабочие были разбиты в пух и прах. В Александровской казарме расстреливали их пачками, несмотря на то, что они сдались. Роза Люксембург и Либкнехт были убиты. Вот как проявился гений Эберта. Под защитой автоброневиков в Берлине, залитом кровью, происходили выборы в учредилку. Во всей стране Носке начал организовывать офицерские отряды. Конрад Гениш—министр просвещения—в особом воззвании призывал студентов вступать в эти отряды. В продолжение всего 1919 года они очищали один город за другим от революционных сил, разгоняя везде рабочие и солдатские советы. 15 тысяч трупов легло, по официальным сведениям, на мостовых пролетарских центров Германии. Германская буржуазия была спасена.

Почему же Эберт сделался вождем буржуазной контрреволюции? Он сделался **им из-за отсутствия в германской социал-демократии именно тех качеств, которые сделали большевистскую партию руководительницей мировой революции.**

Ленин и большевистская партия стали на почву революционного марксизма, стали на почву развертывающегося революционного движения и стремились к его победе. Германская социал-демократия, в лице ее руководящего слоя, ее партийной и профессиональной бюрократии, **потеряла всякие революционные перспективы** еще задолго до мировой войны. Узколобый практицизм партийной и профессиональной бюрократии не видел обострения классовых противоречий, которые должны были привести к войне и революции. Он их прямо отрицал. Ведь это было содержание ревизионизма. Социал-демократия была убеждена, что капиталисты не решатся на войну, и ни на один момент не верила в способность пролетариата противодействовать войне революционными средствами. Ведь против революции буржуазия имеет штыки и тюрьмы. Практическая цель партии — не подготовка революции, а **борьба за реформы.** Но реформы в буржуазном строе—никчемные, маленькие уступки буржуазии только части пролетариата, только его верхушке, только его аристократии. Германская социал-демократия, несмотря на свой массовый характер, была, по существу, партией верхних слоев городского пролетариата. Она не проникла к батракам, она не сумела сойти в самые низы народных масс, она ввела культ «организованного рабочего», но не как вождя низших слоев пролетариата, а как привилегированной части пролетариата, смотрящей сверху вниз на черный люд. Это имело последствием полную потерю веры в способность широких народных масс вести победоносную борьбу против капитала. Ленин глубоко верил в творческие силы народных масс. **Вожди германской социал-демократии верили только в творческие силы своего канцелярского делопроизводства.** Партийное руководство у них имело своей задачей не развязывание энергии масс, а связывание ее. Каждый раз, когда эти массы пытались вызвать революционную борьбу, — появлялась немедленно пожарная стража партийной бюрократии, предсказывая все бедствия, которые могут быть последствием революционного движения, гася искры раньше, чем они разгорались в пожар. Отсутствие веры в революционные силы пролетариата должно было привести к полному отмиранию веры в международную солидарность пролетариата. Если всякий отряд пролетариата в отдельности не способен к революционной борьбе, то как же они могут быть способны к ней все вместе, в интернациональном масштабе? А если дело обстоит так, то что же делать «организованным, просвещенным слоям» пролетариата? Им остается только путем союза с просвещенными слоями буржуазии бороться против непросвещенных слоев буржуазии, создающих опасность войны. Но раз война началась и не может повести к революции,—остается только возможность победы или поражения «своей буржуазии». А хозяин, который потерпит банкротство, не сможет предоставлять никаких благ своим людям. Поэтому раз война началась, надо работать на победу хозяина. Война кончилась поражением, поражение означает разоренье. Что же может делать «трезвый, ответственный» рабочий вождь? Он должен всеми силами работать для водворения порядка, спокойствия, ибо без них нет воссоздания страны, воссоздания хозяйства. Безрассудные массы делают революцию. Какая это может быть революция? Разве можно «социализировать» поражение, несчастье, беду? Надо рабочих взять на цепь, отнять у них оружие, как у сумасшедшего бритву. Надо создать твердое правительство. Само собой понятно, что этого нельзя сделать с ведома этих масс. Необходимо тайком связаться с теми, которые умеют усмирять, которые научились усмирять. Рабочие массы, даже социал-демократические, бредят о социализме, о социалистической революции. Они создали сумасбродный совет рабочих и солдатских депутатов, они одели его, умного Эберта, в мундир народного комиссара, назвали старое имперское правительство правительством народных уполномоченных. Ничего, их усмирят. Есть еще ставка, к ней ведет тайный провод. Армия разбежалась,—можно создать добровольческие офицерские отряды. Только спокойствие, только умение,—все придет своим чередом. **Эберт и германская социал-демократия сделались предателями рабочего класса, ибо они не были ни революционными марксистами, ни интернационалистами, ни пролетарскими демократами.**

Понятно, что факт руководства мировой революцией партией большевиков и подготовки контрреволюции вождями германской социал-демократии имел свои глубочайшие причины, заложенные в разной истории двух стран. Партии и их вожди не делаются произвольно ни революционными, ни контрреволюционными. Но если защитники германской социал-демократии делают из этого вывод, что история ответственна за их политику, а не они сами, что это было единственно-возможная политика, то они уподобляются той «исторической школе», которая, по словам Маркса, целовала кнут, потому что он «создан историей». Сами будучи результатом исторического развития к концу XIX столетия, они сделались участниками этого контрреволюционного развития, они душили все революционные тенденции. Не история за них отвечает, а они за историю. Политика реформизма всегда была политикой, носящей в себе все семена предательства. Она расцвела махровым цветом и реализовала это великое историческое предательство рабочего класса именно в тот момент, когда для Германии и германского пролетариата открылся путь революционного развития, когда германский пролетариат мог, совместно с русским, взять в свои руки дело социалистической революции в Европе.

Русский пролетариат празднует 8-ю годовщину своей победы, празднует в бодрости и в глубокой вере в правильность революционного пути. Германский пролетариат, смотря на 7 лет поражений, на пути реформизма, перешедшего в прямую службу контрреволюции, празднует эту годовщину без всяких перспектив на улучшение своего положения, в глубоком унынии и безверии. Только те, кто подняли знамя восстания против германской социал-демократии, кто порвал с ней, кто пошел по стопам русских рабочих, имеют перед собою будущее. **Пусть они изучают не только историю 7-го, но и историю 9 ноября.** Без понимания того, почему Эберт стал организатором контрреволюции, они никогда не смогут организовать и подготовить победу германского пролетариата. Показания генерала Гренера должны войти в черную книгу документов истории рабочего класса, на них должны учиться сотни тысяч рабочих той великой правде, **что социалистическую революцию можно повести в Германии к победе только через борьбу на жизнь и смерть с вождями социал-демократии и всеми, кто не изжил до конца идей, породивших предательство Эберта.** Только по мере своего отхода от социал-демократии рабочие социал-демократы могут совместно с рабочими-коммунистами создать единый фронт пролетариата, который победит буржуазию.

Ленин, в глубоком подполье подготовляющий пролетарскую революцию, Эберт, подготовляющий с генералом Гренером контрреволюцию,—вот картина двух лагерей: лагеря коммунизма и лагеря международной социал-демократии. Пусть эти две картины глубоко врежутся в память международного пролетариата.

А. Бубнов.

Восьмой год.

Восьмой год после великого Октября был для Красной армии годом систематической, напряженной работы над усовершенствованием всех сторон военного дела.

Наша армия создавалась на полях гражданской войны. Сейчас она строится в условиях мира и мирного советского строительства. Красная армия на мирном положении хранит и крепко блюдет свои славные боевые традиции.

В 1924 году армия вплотную подошла к задаче приспособления своей организации к условиям работы в мирной обстановке. В 1925 году армия эту задачу выполнила. Она перешла к нормальному порядку укомплектования, установила основные устои порядка прохождения службы командным и политическим составом, укрепила дисциплину, провела единоначалие, наладила снабжение, укрепила материальное положение, создала военный аппарат, неустанно ведущий работу по подготовке обороны советского государства, и развернула громадную работу по территориально-милиционному строительству.

Система организации вооруженных сил Союза Социалистических Советских Республик установлена. Не прекращая работы по усовершенствованию организационной стороны военного дела, продолжая непрерывно улучшать материальное положение Красной армии, необходимо в настоящее время центр тяжести перенести на боевую подготовку Красной армии и усовершенствование ее техники.

Грамотным, политически сознательным, дисциплинированным, отличным стрелком, настойчивым и активным в повседневной работе, сообразительным и смелым на поле сражения—таковым должен быть солдат Красной армии. Твердым начальником и настоящим товарищем красноармейца должен быть командир Красной армии. Он должен неустанно работать над своей политической подготовкой, отлично знать военное дело, быть способным мужественно, искусно вести свою часть в бой. Комиссар и политработник не должны никогда забывать того, что они являются первыми представителями партии в Красной армии. В то же время они должны в полной мере овладеть всей необходимой им суммой военных знаний. Комиссар должен знать военное дело. Командир и комиссар должны всегда иметь при себе дисциплинарный устав, они должны помнить, что без него нет боеспособной Красной армии.

Партийная организация и комсомол несут в Красной армии ответственные обязанности. Они являются одним из элементов тех «организующих сил», которые строят и крепят Красную армию.

Восьмой год принес нам еще одно достижение,—он, как никогда раньше, укрепил наш Красный флот и спаял его теснейшими узами с нашими красными сухопутными вооруженными силами.

Конец истекшего года принес нам, партии, советскому государству, Красной армии, тяжелую утрату. Умер вождь Красной армии тов. Фрунзе.

В день восьмой годовщины будем помнить об этом. И память о вожде претворим в неустанную работу по укреплению рабоче-крестьянской Красной армии. Пусть это будет нашим октябрьским лозунгом.

Тов. М. В. Фрунзе о Красной армии.

Боевой триумф нашей Красной армии, этой армии рабочих и крестьян, [illegible] характер [illegible] до тех пор, пока в нашей социалистической хозяйственной [illegible] будет сохраняться паразитически-эксплуататорский, кулацкий элемент. Доверяя оружие Республики рабочих и крестьян [illegible], так как это [illegible] великого завоевания Октябрьской революции.

М. Фрунзе.

Н. Крупская.

Помощь и самопомощь в деле политпросветработы.

В своем письме в Швейцеру от 13 ноября 1868 г. Маркс, оценивая деятельность Лассаля, признает его громадные заслуги перед рабочим движением Германии, но отмечает, что, вместе с тем, Лассаль сделал ряд крупных ошибок. Как на одну из таких ошибок, Маркс указывает на то, что центром своей агитации Лассаль сделал государственную помощь рабочим, а не самопомощь рабочих, не рабочую организацию. Маркс указывает, что Лассаль более чем прохладно относился к профсоюзам.

В этом письме речь идет о прусском государстве, ждать от которого помощи было простым самообманом: это государство было враждебно всякому рабочему движению, всякой самодеятельности рабочих.

Об этом Маркс писал еще раньше, 13 февраля 1865 г., Энгельсу: «Прусское государство не может выносить никаких союзов, никаких тред-юнионов. Это несомненно. Наоборот, правительственная помощь нескольким жалким кооперативам—это им как раз по нутру. Расширение чиновничьих носов, контроль за «новыми» деньгами, подкуп наиболее энергичных из рабочих, выхолащивание всего движения. Необходимо отметить, что Лассаль был против движения, организующего союзы».

И через три дня, 18 февраля, возвращаясь в новом письме к Энгельсу к тому же вопросу, Маркс пишет: «Нет никакого сомнения в том, что разочарование в несчастном заблуждении относительно социалистического вмешательства прусского правительства непременно наступит. Логика вещей сделает свое. Но честь рабочей партии требует, чтобы она отказалась от таких иллюзий прежде, чем опыт их разрушит. Рабочий класс—революционен или он—ничто».

Зачем понадобилось приводить эти цитаты? Какое из них можно извлечь нравоучение для данного момента, для работы в обстановке пролетарского государства, которое—ни один человек в этом не может сомневаться—основной целью ставит себе помощь трудящимся массам, которое не боится самодеятельности, самопомощи рабочих.

Из каждой строчки этих цитат веет революционный дух марксизма, тот дух, который диктовал Ленину слова: «Социализм живой—есть создание самих рабочих масс». А повторять эти цитаты надо вновь и вновь, на них должна учиться молодежь, их мы не можем ни на минуту забывать, ими руководиться в нашей практической деятельности, ими вдохновляться в борьбе с нашими собственными, выросшими на почве нашей отсталости и малокультурности бюрократизмом.

Буду говорить о той области, которую ближе других знаю, о культработе.

Надо ликвидировать безграмотность. Но все ли сделано, чтобы зажечь массы желанием ликвидировать свою безграмотность? Очень мало. До сих пор на 8-м году существования советской власти идет нередко разговор о том, что нужно бы применить меры принуждения к нежелающим обучаться грамоте, и откуда раздаются эти голоса?—из среды рабочих очень часто. Крестьяне говорят: «Что нас стариков учить, когда дети наши безграмотными бегают»—и строят собственными силами школы. Вы думаете, эта инициатива, эта самопомощь всегда ценится?

Нет, часто такие выстроенные самими крестьянами школы стоят заколоченными, ибо до сих пор не научились приходить на помощь самопомощи. Школа выстроена другой раз в деревне, которая не входит в намеченную ОНО сеть школ на ближайшие годы,—и живое дело пропадает, и заколоченная школа отбивает охоту у всякого идти по пути самопомощи.

Хорошо пошло дело изб-читален. Почему? Именно потому, что самопомощь тут имеет широкое применение, и на одну волостную избу-читальню, входящую в «твердую» сеть, приходится десятки «мягких» изб-читален, ни в какую сеть не входящих и содержимых на средства самого населения. Однако, и тут губерния губернии рознь и все зависит от того, как органы советской власти умеют приходить на помощь самопомощи.

Возьмем политпросветработу в городских клубах. Клубы часто имеют весьма красивый и торжественный, эффектный вид. В них очень хорошо проходят разные торжественные заседания. У профсоюзов обычно достаточно денег, чтобы нанять декораторов, оркестр и т. п. Но если зайти в клуб в будний день, увидишь, что дело обстоит не так-то благополучно. Самое главное—это отсутствие самодеятельности. Преобладает скитающаяся в ожидании руководителя кружка или лектора, или инструктора молодежь. Взрослых—нет никаких. Газеты выписываются во множестве, но не читаются, библиотека содержит тоже много книг, но книги пылятся в шкафах, кружки преобладают физкультурные, шахматные, радиолюбительские. Ориентации на потребности массы нет, умения расшевелить массу, вовлечь ее в активную, захватывающую работу нет. Нельзя вечно ждать «платных» или прикрепленных работников. Если не будет самопомощи—будет мертвечина, клуб будет не школой коммунизма, а пустым времяпрепровождением.

И в области политпросветработы, как во всех других, на-ряду с развертыванием сети должна идти борьба за качество. То качество политпросветработы хорошо, которое развивает самопомощь, самодеятельность и идет на помощь самопомощи.

Коммунистам надо ни на минуту не забывать, что государство отомрет не в силу того, что ему будет нечего делать, все дела остановятся, а отомрет оно потому, что на место его станет широко, во всех направлениях развернувшаяся самодеятельность трудящихся масс. Задача государства переходного от капитализма к социализму временно помочь самопомощи масс, организовывать почин, инициативу масс, об'единять население по разным профессиям, целям работы, отраслям труда. В этом его основная задача.

«ПОСЛЕДНИЙ ИСТОЧНИК СИЛ ЕСТЬ МАССА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН, ИХ СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ, ИХ ОРГАНИЗОВАННОСТЬ».

ЛЕНИН.

Отто Штейнике

Еще о впечатлениях делегатов.

(Письмо из Берлина).

В этот вечер в двух противоположных концах Берлина состоялись два собрания с одним и тем же порядком дня: на обоих собраниях делегаты, ездившие в Россию, должны были поделиться своими впечатлениями с немецкими рабочими. Одно собрание было созвано немецким профсоюзом работников связи, в который входят: железнодорожники, кондуктора трамваев и омнибусов и пр. Другое собрание, в большом зале возле Силезского вокзала, казалось мне еще более интересным, так как на нем должен был выступить старый рабочий социал-демократ Леман. Это собрание было организовано берлинскими текстильными рабочими. Пригласительные листки, розданные заранее на фабриках, были снабжены подписями завкомов трех крупнейших текстильных фирм. Следует иметь в виду, что союз текстильщиков раскололся; в старом союзе засели и господствуют бюрократы, которые готовы с'есть коммунистов живьем; а за бортом имеется оппозиционная группа, «союз исключенных», или, как его называют, «сапожная мастерская», по имени своего вождя Шумахера (по-немецки—сапожник), бывшего коммуниста, который не подчинился дисциплине компартии и наотрез отказывался сделать что-либо для воссоединения со старым союзом. Это собрание, на котором должен был выступить делегат Леман, обещало потому быть интересным, что «союз исключенных» официально не принимал в нем участия и на собрание поэтому ожидались как раз переволюционно-настроенные рабочие. Действительно, 70 проц. посетителей на ¾ оказались профсоюзно организованными социал-демократами. Собрание происходило в известном в Берлине зале, недалеко от Силезского вокзала, где впервые вступают на берлинскую почву приезжающие из России.

На этом собрании можно было отметить кое-что новое, а именно: горячее

участие верхов социал-демократической партии. И вправду, ведь это нечто неслыханно новое; члены партии без разрешения и даже вопреки воле своих вождей приходят слушать речи, которые им, в сущности говоря, вовсе не подобает слушать. Но что предпринять в таких случаях? Остается только самим пойти на эти «русские» собрания и на месте бороться с «неверными». Социал-демократические верхи посылают теперь на эти собрания самых свирепых большевикоедов, которые принимают участие в дискуссии и выступают против своих же товарищей, докладывающих о России.

67-летнего Лемана, состоящего уже 40 лет в партии и пострадавшего в свое время от исключительного закона против социалистов, больше всего возмутило то, что именно против него выдвинули русского меньшевика Шварца—этого «знатока России». Этот знаток России величественно заседает в «Форвертсе», где он «обрабатывает» русский отдел, в котором обливает грязью страну, где рабочие и крестьяне у власти. Присутствие этого суб'екта раздражает Лемана. Он все больше волнуется и успокаивается лишь тогда, когда собрание полностью знакомится с его биографией и политическим стажем. Да, он честный рабочий и вовсе не намерен позволять, чтобы над ним издевались только за то, что он позволил себе сообщить правду о СССР. «Что там за диктатура?»—спрашивает тов. Леман. И тут же отвечает на это: «Верхи обязаны там руководствоваться решениями низов, и это я там везде наблюдал». На возглас из собрания: «А у нас как?»—Леман отвечает: «Да, мои милые, у нас иначе. У нас низы подчиняются решениям начальствующих лиц. И это у нас называется демократией». Одобрение и смех собрания.

Тов. Леман продолжает говорить. Этот старик не знает пафоса, и нет у него необходимого для таких собраний навыка. Он—простой пролетарий и в сущности он вовсе не умеет говорить. Он так много интересного видел, что поминутно теряет нить и перескакивает с одного вопроса на другой. О чем сейчас говорить? «Ага, знаете, товарищи, мы были на Путиловском заводе...»

Леман описывает посещение Путиловского завода, он вспоминает о великолепном приеме, который был оказан делегатам в Ленинграде. «Да, товарищи, я за свои 67 лет никогда ничего подобного не видал,—как эти массы, о которых уже нельзя сказать, что их пригнали, радовались нам и серьезнейшим образом интересовались, как мы здесь живем».

Особенно подробно докладчик останавливается на вопросе об условиях работы в СССР. Слушатели опускают головы и широко раскрывают глаза. Они как прикованные прислушиваются к каждому слову докладчика. Как мыльные пузыри рассеиваются старые сказки о 12—15, чуть ли не 20-часовом рабочем дне, будто введенном под диктатурой коммунистов.

Леман впадает в юмор и восклицает: «Да, если слушаться моего партийного «товарища» Шварца, то получается, что русские рабочие вовсем не спят и беспрерывно работают... (Все смеются). Товарищи, сверхурочная работа производится только в строительной промышленности, и это там является настоятельной необходимостью. Этого требуют русские рабочие, имеющие свое собственное правительство. При царизме и во время гражданской войны было много разрушено и теперь строятся новые дома и фабрики. Эта сверхурочная работа контролируется профсоюзами и за нее платят по повышенной ставке». Затем тов. Леман сообщает, что женщины в СССР за одинаковую работу получают те же ставки, что и мужчины. (Восклицания). Женщины восторгаются.

Референт вдруг меняет тему и начинает рассказывать о социальном страховании, социальном законодательстве и проч. «Вот, например, беременные женщины,—заявляет он,—получают перед родами 8-недельный отпуск». Сидящие рядом со мной две старые текстильщицы с измученными от работы лицами, одобрительно кивают при этих словах головами и говорят: «Вот что следовало бы и у нас завести!» Референт рассказывает о детских домах: «Мы видели там детей, они далеко не так плохо выглядят, как у нас. Государство бережет там детей. А с'естные припасы там очень дешевы, по сравнению с получаемой зарплатой». Докладчик читает по блок-ноту цены различных с'естных припасов и видно, как многие участники собрания все это записывают в свои книжечки.

Вдруг один восклицает: «А о маргарине ты забыл, что ли?» (Общий смех).

На это Леман отвечает: «Русские рабочие не знают маргарина, они едят только сливочное масло». Это замечание докладчика производит маленькую революцию в головах слушателей. «Как, только сливочное масло? Да мы вовсе забыли о его существовании».

— А я думал, что они умирают с голоду,—восклицает один из публики, который никак не может свыкнуться с

мыслью о том, что рабочие СССР не употребляют маргарина.

Леман уже перескочил на тему о... семечках. «Любовные парочки,—восклицает он,—кушают так, как попугаи, семечки, лущат их везде—и в садах и на улицах». Это лущение и выплевывание семечек Леману определенно не нравится.

Докладчик тем временем переходит к церковным делам. Он лично беседовал с попами. Больше всего нравится присутствующим свободомыслящим его замечание о том, что закон божий в школах не преподается.

Далее Леман любовно описывает жизнь красноармейцев в московском Октябрьском лагере. Аудитория прислушивается с напряженным вниманием. Следуют описания отношения начальствующих лиц к подчиненным во вне служебное время. Его описание условий коллективной жизни красноармейцев и товарищеского отношения между «высшими» и «низшими» производит на слушателей огромное впечатление.

Леман далее рассказывает о простом образе жизни Зиновьева, Бухарина, Троцкого и других. К концу доклада он переходит к вопросам высшей политики, сохраняя при этом свою простую манеру рассуждать. При бурном одобрении собрания он ратует за международное профсоюзное единство, которое он считает основной целью своей поездки в Советский Союз.

Кончил. Все остаются на местах. Хотят еще слушать, что скажут оппоненты и в своем заключительном слове докладчик... Сколько лжи рассеял этот старик, сколько здоровых семян заронил он в души слушателей,—семян, которые дадут пышные всходы на заводах и фабриках. Вот под гром аплодисментов один рабочий восклицает: «Товарищи, мы теперь знаем, что такое диктатура. Диктатура—это когда правительство дает массам то, что им нужно и чего

они требуют. Так именно поступает советское правительство».

Выступает один беспартийный, бывший 3 года в русском плену и чувствующий себя благодаря этому тоже чем-то вроде сопельщика. Он держит в руках пачку контрреволюционных газет и вызывает взрывы смеха, читая несообразные выдумки контрреволюционеров. Беспартийный кончает восторженным «ура» за Советский Союз, и Леман одобрительно кивает головой.

Выступает другой оратор и говорит о серьезности положения в профсоюзе текстильщиков: «Товарищи, позаботьтесь о том, чтобы все исключенные были вновь приняты. Заставьте бюрократов принять обратно оппозицию без всяких условий». (Шумные одобрения).

Четвертый оратор говорит: «После этого доклада я хотел бы лишь одного—чтобы мы поскорее отделались от наших капиталистов».

Леман произносит еще несколько заключительных слов и собрание начинает расходиться. Завтра каждый из них снова станет у своего станка и тот самый соц.-демократ, который вчера еще верил в социал-демократический «Форвертс», завтра усомнится в нем, а послезавтра, быть может, станет сторонником Советского Союза и Октябрьской революции.

Берлин.

Демьян Бедный.

Разгадка.

«Октябрьским» праздникам не все, не все им рады,
Не все любуются на красные парады,—
В то время, как одни
Восторженно встречают эти дни,
Другие предаются плачу,
Пытаясь разрешить мудреную задачу:
«Какие силы нас спасут? Какой герой?
Доколь советскую терпеть мы будем участь?
Когда же рухнет он, проклятый новый строй?
Чем об'яснить его проклятую живучесть?
В чем,—зло шипят они:—разгадка? В чем? Ну, в чем?!»
Шипят, наморщивши прожухлые морщины.
А молодая жизнь играет, бьет ключем,
И «новый строй»—у новой годовщины!

* * *

Да, были времена!..
И поучительна седая старина.
«Душа» народная сегодня ли раскрыта?
От пра-пра-прадедов идет народный сказ,—
В нем—поэтический показ
Простонародного мучительного быта.
Не княжьи грамоты, не летописный свод,
Что мог он записать, неграмотный народ?
С усмешкой горькою и прибаутной грустной
Он душу отводил в побаске, в сказке устной,
С искусством гения зашифровавши в ней
Мечты о красоте грядущих светлых дней.

* * *

Бывало, сколько раз бывало:
Великий государь, боярин или князь
Дремал, под пышное забравшись одеяло,
А дед-баюн, скосясь на дрыхнущее сало,
До полночи пред ним плел сказочную вязь.
Привыкнувший всю жизнь таиться и бояться,
Пред сильными полам поклоном, ложась ничком,
Мужик прикинуться умеет дурачком,
Когда над сильным он захочет посмеяться.
А в сказке был ему простор:
Он в сказке шельмовал царя и царский двор,
Бояре были все прямые остолопы,
С холопами—цари, а пред царем—холопы.
И всех—царя, бояр—дурачил—кто?—сморчек,
Не фряжский принц, не князь Тверской или Смоленский,
А так—парнишка деревенский,
Запечный богатырь, Иванька-Дурачек!

* * *

Нет, сказка не была пустою балагурью.
И «дурь» мужицкая была особой дурью.
Ни змей-горынычей, ни окиянских бурь
Не трепетала эта дурь,
На трудный подвиг шла, на страшные мытарства,
Ныряла в глубину, взлетала в высоту,
Чтоб отхватить себе царевну-красоту
И на придачу—пол-царства.
Жар-птицей бредила, ослепши в темноте,—
Дворцы ей снилися—в бескрайной нищете,—
Сгибаясь под господским гнетом,
Искала для борьбы дубинку-самобой
И, бездорожная, в лазури голубой
Летела птицей в край любой,
Обзаведясь ковром—волшебным самолетом,—
Голодною, сомлев от барского тягла,
На отдых в хижину свою она брела,—
Голодною в тягло впрягалась спозаранку,
Но в сказочных своих мечтах изобрела
Услади, скатерть-самобранку;
В обычай стало ей пить мертвую, когда
Дни мертвые ее из рук вон были худы,
Но песенку про то, что кончится беда,
Что где-то—поискать—живая есть вода,
Ей пели гусли-самогуды,—
Порою клином ей сходилася земля,
Но оттого не став угрюмой нелюдимой,
А сердце сказкою-утехой веселя,
Спасалася она под шапкой невидимкой,
Срывалась с места, «шла вразброд»
И грела кистенем «лихой боярский род»
Под боевую перекличку:
«Сарынь на кичку!»

* * *

Не слышно клекота двуглавого орла.
Истлели когти, клюв, два сломанных крыла.
Русь черносошная доверилась Советам:
Они несут ей всё, чего она ждала
Согласно сказочным заветам.
Жар-птица?! Вот она, гляди:
С гербом советским на груди
Горит несчетными огнями!
Жар-птицей овладеть—все ночи станут днями.
Русь темная была и—поросла быльём:
Все наши города, посады, деревушки,
До самой худенькой избушки и клетушки,
Не брезгуя ничем, ни хлевом, ни жильём,
Мы электричеством зальем!
Сверкай, советская деревня и столица!
Свет электрический—чем не твоя жар-птица?!
Теперь любуйся: вот она перед тобой
Волшебная дубинка-самобой!
Враг знает, больно как дубинка эта бьется,
Что Красной армией зовется!
Вот артиллерия, вот конные полки,
Вот комсомольский цвет—герои-моряки,
Вот несгибные ряды стальной пехоты,—
Над ними в облаках, смотри, вблизи, вдали,
Стальные реют журавли.
То наши чудо-самолеты!
А вон по целине—на поприще иком—
Идет волшебник-агроном,
Целитель пахоти больной, ученый знахарь:
Он знает, за какой землей уход какой,
И знает он, что клад мужицкий под рукой,—
А рядом богатырь, железный самопахарь,
Арабобушке сохе гудит заупокой.
Стихает здесь и там мужичья перебранка.
Трехполье тощее оставив позади,
Дивятся мужики, что их земля, гляди,
Взаправду, скатерть-самобранка!
А вон в избушке Пров, Авдотья, Клим, Панкрат
Умильно слушают волшебный аппарат.
Деревне по-сердцу советские причуды!
Москва по радио ей голос подает,
Про все, что деется на свете, знать дает.
То наши гусли-самогуды!
Иванька-Дурачок, парнишка боевой,
Полцарства добывал, рискуя головой.
Ан вечно—на престол лишь заносил он ногу—
Какой-то заяц роковой
Перебегал ему дорогу!
Но был он выручен другим богатырем:
Рабочий, бившийся без устали с царем,
В час горький подоспел Иванке на подмогу.
— «Эй, пара-простота! Чудак же ты, ей-богу!
Пол-царства ты хотел? Все царство заберем!»
«Всё царство?»—отвечал Иванька:—«тож не худо!»
Вот было чудо!
Это чудо
Зовется «Красным Октябрем»!
Так пролетарская решила всё замашка:
— «Дворцами бредил ты, Иванька?
На, получай дворец, где нежились цари!»
И вот в Ливадии всем мужикам—смотри!—
Рабочий преподнес, а не святой Егорий,
Дворец—крестьянский санаторий!

* * *

Мужицкой «дури»—в том господская беда—
Не разгадали господа.
А сколько делали они лихих попыток,
Чтоб от нее иметь свой даровой прибыток!
За непокорное земное житие
Грозили ей в церквах загробной божьей местью
И на-смерть отравить пыталися ее
Патриотическою лестью.
Порфироносные российские цари
Не раз пыталися ей, жующей сухари,
Внушить великие славянские начала:
— «Христолюбивая! Вперед!
За Русь святую!»—Но молчала
Христолюбивая, воды набравши в рот.
А те, чьи черепа пустые малоёмки,
Твердили, что «душа народная—потемки»
И русский-де народ—«загадочный народ»!
Загадка для господ была неразрешима.
Разгадка не совсем по вкусу им была.
И старина для них казалась нерушима.
Ан вот—вся старина разрушена дотла,
Свершились на-яву чудесные явленья,
И над седым Кремлем—залог осуществленья
Уже не сказочных, а ставших явью, благ—
Горит-полощется советский красный флаг!

А. Зорич.

Черная оспа.

Уезд задыхался в тисках жестокого безденежья. Обстоятельства, поставившие внезапно под угрозу краха скудный исполкомский бюджет, находились вне обычных возможностей делового воздействия и предупреждения.

В сентябре, в дни, когда меньше всего можно было этого ожидать, река Нетечка,—низерная реченка волостного масштаба, отличавшаяся обычно во все времена года свойственным ее наименованию ленивым благоразумием,—вспоенная страшным ливнем в верховьях, разлилась внезапно, вышла из тихих глинистых берегов и стала походить, по авторитетному определению поэта степной исполкомовской газеты, на великий путь из варяг в греки. Вода прорвала плотину национализированных мельниц и строющейся электрической подстанции, затопила низовые крестьянские огороды и подступала к опытным и доходным земотдельским полям. Нужно было одновременно латать дамбы, спасать строения, окапывать участки—и это само по себе способно уже было поколебать с таким трудом созданное и поддерживаемое сметное равновесие.

Одновременно из волостей стали поступать срочные заявки на ссуды под снятый урожай и тревожные вести о первых кулацких попытках за бесценок скупить на сноп необмолоченные бедняцкие хлеба.

На поздней совхозской пшенице появился, множась стремительно, неизвестный и страшный вредитель, опустошавший по ночам неубранные, золотистые нивы: здесь требовались решительные и срочные меры, и был поставлен под вопрос весь огромнейший и бесценный урожай высокосортного экспортного зерна.

В довершение всего в городе три крупнейших и пользовавшихся особым благоволением финотдела торговца—Зискинд, Боярский и Лифшиц—на почве единодушной и выдержанной ненависти к налоговому инспектору и окладному налоговому листу об'единились к началу наступившего квартала в галантерейно-гастрономический трест под фирмою ЗИБОЛИ, являвшей собою освещенное сочетание начальных букв их благозвучных и патриархальных фамилий. Их примеру последовали другие, и образование больших и малых этих торговых антант совершенно неожиданно почти вдвое сократило соответствующую доходную налоговую статью.

Деньги нужны были дозарезу, денег требовали настойчиво и одновременно со всех сторон, и эти требования в первый же день, когда прорвало плотины на реке, вдвое превысили скромную наличность подвергнутых жесточайшей ревизии забронированных ведомственных касс. Уезд походил сейчас на корабль, осевший рифах и пробитый в нескольких местах сразу: катастрофа казалась очевидной и неизбежной, как рок.

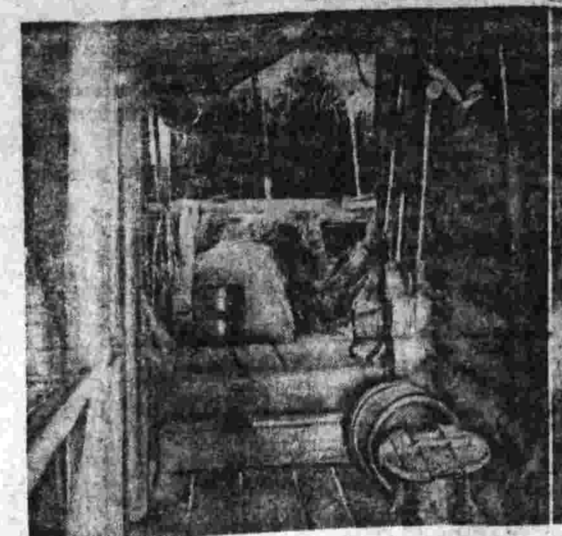
Яков Ильич, предуик, не терял в той панической суете, которая охватила уезд, обычного своего спокойствия и хладнокровия,—он осунулся, побледнел, он точно состарился сразу в тяжкие и напряженные эти, решающие дни.

Предуик партизаном когда-то бывшего Зернова, прошел целиком весь славный и страшный мозырский поход, помнил многие ночи тыловых приднепровских рейдов, незабываемые ночи на льдах Сиваша и Перекопа; голова его была бела, как снег, и часто ныло мучительно простреленное и посеченное в одиннадцати местах крепко, по-мужичьи сложенное тело.

Испытанный партиец, суровый боец и фронтовик, когда замолчали пушки,—он со страстностью, неизвестной многими и свойственной только цельным, железным людям революционного Октября, отдался делу, которое суховато квалифицировалось во многих докладах и инструкциях, как «мирное строительство», и в котором он угадывал и чувствовал живую частицу недоизменной, но кипящей и увлекающей борьбы. Эта борьба, в буднях которой начинали тонуться вокруг и недоумевать мучительно десятки и сотни принужденных торговать рафинадом и клеймить весы на базарах людей,—революционеров, бойцов,—ему казалась полной величайшего, героического смысла и до краев насыщенной пафосом, еще большим того, какой звучал в грохоте советских пушек на Перекопе. Он любил говорить,—и он так чувствовал,—что лишний удойный стакан молока у мужичьей коровы более приближает страну к социализму, нежели тысяча и одна ночь беспредметных разговоров о чудесном прыжке в грядущее царство освобождения. Над ним посмеивались в городке, называли его молочным социалистом; крестьяне любили его за это удивительное уменье практического применения величайших идей к грошевым деревенским масштабам.

Уезд считался в губернии образцовым, и сюда частенько заглядывали посмотреть и поучиться работники со стороны,—ибо все здесь пригнано и слажено было както особенно крепко, и лежала на всем печать неустанной, любовной и кропотливой хозяйственной внимательности. Тут нельзя было встретить школу с окнами, забитыми тесом, просвещенцы никогда не едали дикорастущих огуй-плешин и одуванчиков, и прописи святейшего синода безоговорочно изгнаны были из употребления; в больницы не заставляли носить для перевязок собственные портянки и не лечили, в виду отсутствия медика-

Советская деревня к восьмой годовщине Октября.

Провели электричество.

Трактор пришел.

Изба-читальня.

Вечерние курсы для комсомольцев.

Воззвание Исполкома Коминтерна.

РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ, ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА.

7 ноября мы празднуем юбилей 2-х революций, совершенных рабочими и крестьянами России,—8-ю годовщину Октября и двадцатую годовщину 1905 года.

Пролетариат России своей борьбой открыл новую эру в истории международного рабочего движения. В 1905 году в процессе революционной борьбы он впервые попытался создать зачатки диктатуры — советы, впервые попытался связаться с крестьянством для свержения самодержавия и создания союза пролетариата и трудового крестьянства, легшего в основу победы пролетарской диктатуры в 1917 г. Русский пролетариат показал пролетариям всего мира, каким острым и метким оружием является всеобщая стачка, показал, что вооруженная борьба пролетариата не отошла в область преданий. Со свойственной ему прозорливостью Ленин еще в период революции и вслед за нею извлек все теоретические и практические выводы из опыта этой революции. Прочная цепь развития ведет от революции 1905 года к революции 1917 года, осуществившей полностью те идеи, которые наметились уже в 1905 г.

Двенадцать лет спустя после революции 1905 года русский пролетариат, руководимый Лениным, одержал решительную победу. В союзе с крестьянством он свергает власть помещиков и капиталистов, национализирует землю, социализирует фабрики, заводы и банки и устанавливает власть трудящихся в лице советов.

В качестве авангарда всемирного пролетариата русский рабочий класс в октябре 1917 года приступил к социалистическому строительству. На это дерзновенное и великое начинание международная буржуазия ответила блокадой и открытой войной, а верхушки западного рабочего движения, маловерные вожди и сытые бюрократы профсоюзов и социалистических партий—ядовитым глумлением и злостной клеветой. В течение ряда лет русский пролетариат переносил муки голода, тягчайших жертв и лишений, чтобы в неослабной борьбе и работе доказать международному пролетариату необходимость и возможность социалистического строительства и зрелость пролетариата для роли руководителя общества.

Рабочие и работницы, трудящиеся всего мира! В эти годы героических усилий рабочего класса СССР вы с напряженным вниманием следили за борьбой своих братьев и сестер. Легендарные победы Красной армии вселяли в вас бодрость и веру, голод в Поволжье вы принимали к сердцу, как собственное несчастье, хозяйственное возрождение СССР окрыляло ваши сердца новой надеждой. Тысячи буржуазных и реформистских газет сеяли ложь и клевету про СССР, обливали грязью испытанный авангард российского пролетариата—партию большевиков. Десятки социал-демократических «теоретиков» и «практиков»—все эти Бауэры, Каутские, Макдональды и Вандервельде изобличали преступный «утопизм» большевиков и предсказывали неминуемый крах советской власти в России. И, несмотря на это, миллионы эксплоатируемых и порабощенных всего мира крепко верили в победу российского пролетариата.

8-я годовщина Октября — воистину праздник для всемирного пролетариата. Она замыкает собой первый период борьбы за социализм. В 8-ю годовщину Октября пролетарии СССР могут смело сказать рабочим, трудящимся всех стран: «Братья, сестры! За восемь лет нашего пребывания у власти мы не только отразили контрреволюционный напор, мы сделали и достигли гораздо большего. Мы достигли крупных успехов в деле хозяйственного возрождения нашей страны. Мы твердо направили наше народное хозяйство в русло социализма. 99 проц. крупной промышленности и транспорта социализировано. Внешняя торговля монополизирована государством. Кооперация охватывает 30 миллионов населения. У нас твердая денежная система, а наше производство вскоре достигнет довоенного уровня. Миллионы трудящихся вовлечены в работу советов и общественных организаций. Женщины идут в ногу с мужчинами, пользуясь в одном лишь СССР действительным равноправием во всех областях социальной жизни. Все это свидетельствует о коренной революции. Молодежь и даже дети широким потоком вливаются в массовые организации комсомола и пионеров, чтобы, учась и работая, помогать строительству и обеспечить его будущее. Национальным меньшинствам, даже мельчайшим осколкам народностей в СССР предоставлено право свободного самоопределения. Тем самым для них расчищен путь дальнейшего развития с соблюдением своих национальных особенностей. На основе восстанавливающегося и крепнущего народного хозяйства воздвигается социальная надстройка, проникнутая духом коммунизма. Начинается расцвет новой, высшей культуры, являющейся уже не привилегией отдельных групп, но неот'емлемым достоянием широких трудовых масс. Установленная нами в дни Красного Октября диктатура есть живое воплощение творческой воли миллионов. Строительство новой жизни трудящимися Советского Союза пробуждает угнетенные и эксплоатируемые народы Востока, освещает им путь борьбы, вселяя в них надежду и жажду свободы. СССР—символ и прообраз освобождения всего человечества».

Делегации, посланные вами в СССР,—рабочие и работницы, учителя и учительницы Англии, Франции, Бельгии, Германии, Чехо-Словакии, Швеции, Норвегии,—убедились в том, что СССР является подлинной страной рабочей диктатуры, страной, неуклонно идущей к социализму.

Вот почему международный капитал, и в первую голову английский, стремится создать «священный союз» для уничтожения СССР. Международная буржуазия преисполнена смертельной ненавистью к СССР. Почему? Возрождение СССР наполняет сердца угнетенных и эксплоатируемых всего мира боевой решимостью и уверенностью в победе над их верховными поработителями.

Существование СССР укрепляет энергию борющегося многомиллионного китайского народа, восставшего против иностранных империалистов и отечественных милитаристов.

Соседство Союза ССР укрепляет позицию национальных правительств в странах Ближнего Востока, борющихся за национальную независимость.

СССР ведет решительную борьбу за мир. Существование СССР затрудняет возможность нового отравления масс ядом шовинизма.

Английский империализм, стремящийся сплотить в антисоветский союз все силы мировой реакции, ведет планомерную подготовку борьбы против СССР. Крупным звеном этой подготовки является гарантийный договор. Истинная цель этого договора состоит в уничтожении сотрудничества народов Германии и СССР, в создании враждебного кольца вокруг СССР и в создании единого сплоченного фронта для грядущей войны с СССР.

Гарантийный договор, это—ответ международного империализма на растущую мощь СССР. Но направлен он не только против СССР. Он заострен и против международного пролетариата. Гарантийный договор укрепляет реакционные силы Германии, усиливает британский империализм изнутри и вовне, сопровождается усиленным террором как в странах белой диктатуры—в Венгрии, Италии, Болгарии и Румынии, так и в странах «благословенной демократии». Гарантийный договор призван развязать руки антантовским империалистам в Центральной Европе, дать им возможность обрушиться со всей яростью на восставшие народы Азии и Северной Африки.

Гарантийный договор преподносится массам, как символ мира. На самом деле он прокладывает и будет прокладывать путь к новым войнам, новому нажиму на рабочий класс.

Пролетарии, не дайте вновь сбить себя с толку лживыми речами о мире и демократии. Помните кровавые уроки войны. Помните уроки Версальского мира. Помните о голодной заработной плате и непомерно длинном рабочем дне. Если вам дорог мир, если вы хотите дать отпор наступлению хищников капитала, если вы хотите дать отпор наглеющему фашизму, боритесь за уничтожение гарантийного договора, создавайте единый международный рабочий фронт.

Пусть же годовщина Октября об'единит всех честных революционных рабочих и работниц под лозунгами:

Единый фронт пролетариев и трудящихся.

Борьба против гарантийного договора, борьба за мир.

Защита Советского Союза.

Защита революционного Востока, защита всех колониальных и полуколониальных народов.

Борьба против белого террора и фашизма.

Да здравствует Союз Социалистических Советских Республик!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Отвод.

Петр Азлов—самый старожил на Шигре. Еще при старом хозяине Жозеф Аркадьиче за старостью был приставлен к воротам сторожем. Сидел на тумбе и принимал от подводчиков билетики вот уж десятый год.

Тогда же при хозяине и караулку ему отвели,—раньше была кладовка для нефти. Караулка в одно окошко, стол да скамейка,—старику немного и надо. Ничего, не жаловался бы Азлов, сказал бы не одна малость.

Мастер ли пожалел трубки, или что другое не по плану, только из салотопки вывели в простенок меж караулкой и фабрикой отвод для пару, и оттого вышла старику одна неприятность. Свищет желтый вонючий пар из трубки, как из-под земли, прямо в стену караулки, насквозь пробивает. Потеет стена, синие пятна идут снутри и дух оттого густой и вредный.

Сидел опять на тумбе, принимая билетики. Рабочие к нему так привыкли, кажись, сойди с тумбы, не признали бы своих ворот. И он знал всех наперечет, с первых дней, и стариков и молодых. Бывало, как засипит тугой шигровский гудок и повалят в ворота рабочие, он без счета видит, кто сегодня на работу не вышел, и знает, отчего не вышел: тот запил, а тот бабу берет, на свадьбе гуляет. Любят все Петра Азлова, старик тихий, не доносчик, коли что случается. И каждый, проскакивая в калитку, посмотрит старику под сивые, напущенные брови и скажет по-доброму:

— Азлов, прощай!

И поутру опять:

— Азлов, здорово!

Всем бы жизнь старику, можно было бы тут и кости сложить, кабы пар вот куда отвели. Валит вонючими клубами, каплет из трубки ржавая темная вода, вечная в простенке жижа и зимой, и летом. А тут еще перестраивали главный корпус, забыли на грех уборную рабочим сделать. И отпускали мастера всех до ветру бегать на пустырь, тем самым простенком, через вонючий пар. Кому охота по грязи-то, да пока проберешься на пустырь, весь пропахнешь липким, вредным духом. И все отставались за углом, в простенке. А неприятность опять же выходила Петру Азлову. Ни в караулку, ни по двору пройти, насквозь загажено все. И чем дальше—хуже.

Хотел взять ребят уговором, да и вышло: на хозяина сваливают, пускай строит два поля. Стало быть, терпи опять за всех Петр Азлов.

Терпел старик. Только покряхтывал укоризненно, спугивая иной раз за углом молодых работниц. Да стал смотреть на всех осуждающе и, будто бы огорчаясь даже при встрече, черточки такие от носа к губам потянулись, кривые и грустные. Думали—от старости это у старика, привыкли.

А тут революция пошла, всем уж не до старика стало. Хозяин сбежал, лошадь и дрожки куда-то к рукам прибрали, а в ворота однажды в'ехал серый пыльный автомобилишко с товарищами. Пыхтел долго, пролезая в узкие ворота, и обдавал старика синей едкой гарью. Не сказали Азлову «здорово» приехавшие, и посмотрел он вслед им с осуждением: с доброй ли приехали-то?

Оказалось, не с доброй: пошли на фабрике беспорядки. День работают, да два нет, топить нечем, возят плесневелые дрова, шипит, а не горят, воды полная топка. Рабочие побежали с Шигры на ближний военный завод,—то один пропадет, то другой. Едва шевелилась фабрика. Гудок будто простудой схватило, всю осип. Про отвод-то уж и говорить нечего, варили в салотопке поганую тюленью ворвань, пыхало в простенке таской гнилью—чистая отрава. Да что уж про то говорить, когда фабрика вот замрет, иди куда за ворота.

Все больше темнел старик, доброго-то ничего не видать и не будет видно, кроме смерти ждать нечего. С осуждением смотрел из нагольного тулупа крупный азловский нос, висли все ниже сивые брови—глаз нету. Вот-те и товарищи! Доказали!

И как влезал в ворота серый автомобилишко, поворачивался к нему задом Петр Азлов, нагибался низко, будто собирая по двору разные жестяные обрезки.

Не верил Петр Азлов, что будет когда еще время хорошее. И раз даже, когда подводчики с черными глыбами угля завернули к воротам, выскочил он из караулки и закричал сердито:

— Не суды!

А вышло-таки—на Шигру. Так и оплыл старик, задосадовал даже на себя за промашку.

И пошло с тех пор лучше и лучше. И хоть смотрел попрежнему из тулупа осуждающий стариков нос, видел все же Азлов—о порядке стараются люди, худа нельзя сказать. Запыхтела фабрика, подвинтили гудок—загудел по-бывалошному, прибежали опять с военного завода все беглецы на работу проситься. Заглядывали, как прежде, на старика в калитке:

— Азлов, здорово!

Одно слово—пошли дела. Не поворачивался больше Петр Азлов задом к серому автомобилю.

А раз пропустил в ворота сразу два. Приехали центровики на большое собрание. Пошел и Азлов, что уже скажут.

Было на собрании много народу, присел старик на приступку у самой двери. Хоть и беспонятно говорят центровики, а слушал все же. И вышло вдруг так, будто кто крепкого тумака старику поддал.

Крикнул центровик из-за стола:

— Нет ли отводу?

Так и подскочил Петр Азлов с приступка,—сердце захватило,—надо правду сказать центровику. А мастер Васильев, видать, человек без совести, и Микишка из учеников, тоже молодой, да ранний, и другие, не приметил только старик кто,—враз тут же запокрикивали:

— Нету, нету, нету!

Не вспомнясь, закричал напротив Петр Азлов:

— Врут! Как нету, коли есть!

Так и омертвело все собрание—вот так старик, вот так Азлов. Обернулись к нему все, закивали, зашумели. Из-за стола колокольчиком названивают, кричат: тише.

И когда угомонилось все, сказал центровик Петру Азлову:

— Ну, говори все, как есть.

И вспомнил тут Петр Азлов про свою старую обиду. Как же отвода нет, когда еще при хозяине Жозеф Аркадьиче сделали отвод из салотопки в простенок, стена потеет, от вони и так житья нет, а тут рабочим отхожую не выстроили, только одни разговоры идут, девки молодые и те за углом присаживаются,—при товарищах этого не должно быть.

Первый в жизни раз заговорил Петр Азлов, горло от обиды схватило крепкой рукой, осип совсем, как шигровский гудок в сырой туман, сам себя не помнил, не слышал.

Как грохнет вдруг собрание, будто потолок валится, закаталось, заскакало все вокруг, не поймешь что к чему. Видел только Петр Азлов, как положил центровик стриженую красную голову на стол и качался то вправо, то влево.

Обиделся старик, смотрел сурово сквозь нависшие брови: может что не так сказал, так немного и учен, а нынче всем свобода, слушай и неученого.

И как стихло мало-мало —сказал Петру Азлову веселый центровик:

— Слово твое не пропало, дед, в протоколы запишут.

И вышел Петр Азлов из собрания, поглядел боком и на мастера Васильева, и на Микишку,—не стало, мол, по-вашему, с'ели?

И верно ведь, в скорости вышло дело. Через день, другой выслали из конторы промышленника заставить трубу в простенке, чтобы расхлыбало вонючий пар по-над крышей, по ветру. И на дворе плотники сколотили сарайчик в два отделения, а в простенке-то набил досточку парнишка из завкома: «Здесь не мочиться».

Первый гордо прошел в просветленный простенок Петр Азлов. Вышел на пустырь, поглядел вокруг: хорошо, свободно, снежок уже и ветер пахнет. Дохнул полевого свежего духу. Над крышей ветер рвал белые клочья пару, разносил по пустырю, звякал жестяной флюгаркой на стене. Доволен был старик, долго смотрел на веселую флюгарку. Караулка уже теперь просохнет.

В роде хозяина выхаживал Петр Азлов по двору. Вишь, и достотку навесили, имеют сочувствие товарищи.

На утро вышел старик пораньше к воротам автомобиль встретить. Над воротами ребята-ученики звезду большую прилаживали к празднику. И слушал одобрительно старик звонкие голоса, веселые от молодого снегу, от морозца, щипавшего щеки. Выходит, хороши дела.

А тут и автомобиль подошел, запыхтел в воротах и крикнули с автомобиля, весело смеясь:

— Азлов, здорово!

Скинул старик во след треух и, точно вспомнил что-то, побежал в караулку. Вышел с ведерком к автомобилю, поплескал и вытер тряпкой пыль, засевшую с лета в кожаной гармошке верха. Потом достал из тулупа черный пузырек, присел и стал мазать гармошку кисточкой.

— Ты чего?—выскочил из конторы шоффер.

— А вот к празднику карету подновляю. Ишь, накопил грязи-то!

В пузырьке был лак, мазал им когда-то Петр Азлов дрожки старому хозяину Жозеф Аркадьичу.

А. ЗУЕВ.

ментов, мятными каплями брюшной тиф; в густой сети кооперативов не было ни одного торговавшего зонтиками и английскими трубками «Донкиль», но ходовые деревенские товары поражали в них своей относительной дешевизной; собственный крохотный заводишко в широкий и долгосрочный кредит отпускал деревням огнестойкую черепицу, а деревни кредитовали исполком при стройке читален на особых, договорных началах; третий год разворачивался в уезде широкий план местной электрификации, и в шести деревнях горели уже на улицах диковинные полудужки; мосты и дороги были прочными, пожарные обозы в деревнях проверялись ежемесячно, лесорубки и утайки сводились к неизбежному, узаконенному минимуму,—и одиннадцать волостей, поправ прадедовские клятья, пахали на восьми, заново вырезанных, полях.

Люди, которые приезжали сюда и видели все это, бывали обычно поражены, и в догадках о путях, какими достигнуто было это относительное, но резко бросавшееся в глаза благополучие, начинали допытываться завистливо о дотациях, субвенциях и особенных каких-то местных доходах. И все отказывались верить, что это создано было в условиях обычного, среднего уездного бюджета.

Это было достигнуто Яковом Ильичом и людьми, которые работали с ним и горели в работе так же, как горел он, благодаря той исключительной страстности и сочетанной с нею деловой и холодной, скаредной расчетливости и тонкому знанию и пониманию хозяйства деревни и ее бытия,—какое свойственно было этому подвижному, маленькому человеку в потертом люстриновом пиджачке и неизменной суконной панаме со шнурком, бившим его по лицу.

Как некий советский хозяйственный Фигаро, Яков Ильич был одновременно и тут, и там, зная уезд, как собственную комнатушку и всегда точно и во-время бывал осведомлен обо всем, что творилось на огромнейшей его территории, в поперечнике имевшей четыреста верст. Если утром видели его на мельницах,—и вспотевший, и весь перепачканный в муке, он осматривал с механиком промолы, валики, подвески и жернова,—то вечером он был уже на пункте, за тридцать четыре версты, ощупывая педантично ведра, стойла, кормушки, и скребницей и платком проверял, чисты ли гладкие, лоснящиеся крупы огромных и тяжелых, полукровных заводских жеребцов. Его видели на дальних и заброшенных крестьянских осьмушках как палкой, с вершковыми зарубками, он промерял мелкую и жидкую запашку сохи или, изловив собственноручно курицу или гуску в крестьянском дворе, щупал внимательно и бережно птичий зоб и задок, расспрашивал: много ли несется, и об'яснял терпеливо, во всех возможных подробностях, [illegible]

реным зерном; на глазах у изумленной бабы он сам, бывало, выдаивал корову, или промывал свиную кормушку или искусно замешивал и даже тугую резку для лошадей. Он говорил при этом весело, клетчатым платком отирая вспотевшее, красное лицо:

— Ну, хозяйка, бабочка, красавица,—ты так чисти, а я через месяц посмотрю.

И он действительно заезжал через месяц, и через месяц оказывалось неизменно, что скотина вошла в тело, удой повысился, и извлеченная из ужасающей грязи свинья очистилась чрезвычайно быстро от многих губительных лишаев и паразитов. Бабы провожали его с поклонами и настойчиво совали в кузов плетеной таратайки каравай или кусочек сала в тряпице.

Неожиданно, но всегда к месту, всегда во-время, он появлялся на сходах в самых глухих и отдаленных местах, не раз видели его в тихой беседе со стариками на бревнах у плетеных сарайчиков, со звучным названием пожарных депо, и на посиделках слышался часто в хоре его уверенный и веселый голос.

И даже здесь, на бревнах со стариками и на посиделках, где парни играли на гармонике и пели про тюрьму—«над тюрьмою крыша красна, там сидит Иван напрасно»,—даже здесь, совершенно незаметно и необычайно ловко он сводил разговоры на всецело владевшие, видимо, его сознанием вопросы луговой мелиорации, кормов, удоя и урожайности,—и неизменно приводил эти разговоры к результатам, которых добивался.

И всюду, где бы ни появлялся неугомонный этот и беспокойный человек,—таинственными иероглифами отмечал он что-то в необ'ятной своей кожаной записной тетради, с изумительной настойчивостью вникал везде в детали и мелочи огромного, подчиненного ему дела, смотрел, выслушивал, проверял, об'яснял, просил, приказывал, кого-то увольнял, и кого-то отыскивал и назначал вновь, весь кипел, весь горел, казалось, и этим своим огнем зажигая каждого, кто встречался на трудном и нескончаемом его пути.

То, что было создано здесь,—это создано было его волей, его умением, его руками, неисчерпаемой и неустанной его творящей энергией.

И все зашаталось вдруг, и готово было расстроиться и рухнуть на глазах.

Он смотрел на полую воду, бившую с гулом сквозь прорванные плотины: это уносилось золото сквозь плотины, на илистом дне хоронились здесь, под осокою и кувшинками, годами взлелеянные мечты об электрической лампе в крестьянской носкотине; он об'езжал совхозские поля, где на черных прогалинах умирал из'еденный, точно скошенный, колос внесезонных хлебов,—здесь погибали деревенские детские ясли, учебники, библиотеки и [illegible]

он в десятый раз перечитывал заявки на ссуды из волостей, и цепкая и беспощадная, тянущаяся к крестьянскому горлу, рука с удивительной отчетливостью рисовалась ему меж прыгающих чернильных строк. От злости, обиды и раздражения он готов был, в тягостном ощущении бессилия, грызть собственные пальцы или лечь и разрыдаться на прогалине, на пшенице, убитой проклятым червем.

Все, что можно было собрать в ведомственных кассах,—все это было собрано дочиста, все, что можно было из'ять, разбронировать, одолжить,—все это было из'ято, разбронировано и одолжено. И вопрос упирался все-таки в семь тысяч недостающих рублей: легче было, кажется, вспять повернуть разлившуюся Неточку, чем раздобыть сейчас эти деньги в уезде.

За четыре дня, первичая, Яков Ильич отправил в губернию шесть телеграмм; на пятые сутки из губернии лаконично ответили, что денег там тоже нет, и уисполкому надлежит выходить из положения собственными мерами.

Оставалось только ликвидировать свиной завод. Этот свиной завод, не раз уже воспетый лирически местными и столичными журналистами,—был главнейшим предметом хозяйственной гордости Якова Ильича. Некогда в популярном изложении трудов ученого английского свиновода он вычитал, что от одной порядочной свиньи за десять лет может произойти до сорока миллионов приплода. Эти сведения были затем проверены им по многим иным источникам, и когда оказалось, что профессорские данные совпадают, в известной мере, с реальными возможностями и практикой уездного хозяйства,—в старых шулах полуразрушенного кирпичного завода четыре года тому назад десятком привезенных сюда южных йоркширов положено было основание экспериментальной этой свиной фабрикации. В силу самых разнообразных обстоятельств четыре истекшие года не совсем оправдали блестящие утверждения ученого англичанина, но свиньи в изобилии множились все-таки вполне благополучно,—и к этому катастрофическому кварталу ликвидацией завода можно было бы за одни сутки заткнуть без остатка все бреши и пробоины, обнаруженные внезапно и одновременно в хозяйском корпусе израненного уездного корабля.

По этому делу в исполком приглашен был рыжебородый и басистый, огромнейшего веса мужчина, по фамилии—Дуня. Глава местных скотобойцев, организатор и покровитель живой неркии в уезде тож,—высоконравственные свои идеалы и христианские верования Дуня успешно и счастливо совмещал с диким кабальным ростовщичеством, со стойкостью и изворотливостью беспощадного смертного хищника. Он был [illegible]

жении хозяйственных дел в уезде и предложил несуразную цену в тридцать копеек за пуд живого веса. Десятипудовые кабаны должны были идти по три рубля от штуки.

— Уезд загубить хочешь, задавить нас желаешь этими гривенниками?—еле сдерживаясь, спросил Яков Ильич.

— Зачем?—сказал Дуня, посменваясь глазами,—зачем губить? Это цена настоящая, у меня по этой цене в двадцатом году четыреста голов реквизировали. Ну, нитак, накину, чтоб не расходиться...

— Вон отсюда, мерзавец рыжий!—закричал Яков Ильич, весь красный, дрожащий, и затопал ногами.

— Прощенья просим,—сказал Дуня кротко и вышел, в дверях показав огромный, раздвоенный, как у тяжеловоза, зад.

Яков Ильич поехал в губернию. Ему, жившему целиком той жизнью, теми интересами, тем делом, которое поставлено было сейчас под угрозу катастрофического разрушения, казалось, что в поддержке отказали ему по недоразумению, и что повторить этот отказ, когда он лично доложит обо всем председателю,—в губернии не смогут. В конце концов, эти семь тысяч нужны ему только взаймы, на месяц, на срок, в который можно будет, минуя Дуню, ликвидировать свиней на стороне.

Предгубисполкома, новый в этих местах человек, принял Якова Ильича чрезвычайно любезно и предупредительно, но в деньгах категорически отказал. Он подробно об'яснял, почему именно не может дать денег, быстро писал карандашиком, складывал, множил и вычитал на листочке различные цифры,—и по этим цифрам, по итогам их, получалось, как будто бы действительно так, что денег в губернии тоже нет ни гроша; но Якову Ильичу, не раз проделывавшему у себя с представителями ведомств такие же карандашные операции, было ясно, что деньги есть, но председатель не хочет их дать в расчете, что уезд, напрягшись, разрубит гордиев узел самостоятельно.

— Выверитесь, —действительно сказал председатель,—как нибудь обойдетесь. А в долг я тоже не даю: в моей практике еще не было случая, чтобы уезд вернул такую долговую ссуду...

Яков Ильич вышел от него совершенно убитым и тотчас же телеграфировал в уезд, чтобы свиней продавали Дуне по сорока копеек за пуд. Телеграфист сочувственно глядел на человека, дрожащей рукой заполнявшего бланк; он подразумевал несчастье и был крайне изумлен затем и даже обижен холодным текстом о продажной цене на свиней. Яков Ильич действительно походил на человека, которого постигло несчастье: у него было такое ощущение, что собственной рукой он подписывает смертный приговор близкому и любимому существу. Эти свиньи, которые и вечер[illegible]

за бесценок пойдут с молотка, через четыре года должны были, по его расчетам, составить капитал, на одни проценты с которого можно было совершенно реорганизовать хозяйство уезда; дома, в портфельчике, лежали уже десятки черновых планов, десятки набросанных чертежей, схем и смет и предположений; он так привык к мысли об этом близком хозяйственном превращении, что мирился с настоящим только потому, что оно представлялось временным.

Все гибло теперь, эти планы рушились, как карточный домик, как детская баба из песка.

Расстроенный и обессиленный, сразу потухший и точно сгорбившийся под тяжестью нежданной беды, Яков Ильич возвращался домой. В проселках, перед городом, он сдержал и перевел лошадь на редкий дорожный шаг: не хотелось и было неприятно возвращаться сейчас домой, куда он спешил обычно с радостным чувством человека, хозяина, которого ожидает дорогое и близкое дело.

Ему захотелось курить и под сиденьем у кучера он достал табак и обрывки старых книжных листков; машинально он прочел на клочке пожелтевшие, стершиеся строки,—и в глазах и на лице у него промелькнуло вдруг странное, тревожное и вопрошающее выражение. Он не закурил, но жадно и долго перечитывал на бумажном обрывке таинственные эти слова, улыбался, хмурился, шершавым пальцем тер в раздумьи морщинку у переносья и что-то тихонько, рассуждающе бормотал.

Потом он наглухо застегнул люстриновый свой, потертый пиджачок и стремительно поднял кнут: у него был вид человека, принявшего решение.

Пегая кобылка, ходившая всегда покойно в предуиковой таратайке, никогда не видала такой безрассудной, бешеной гонки, как в этот вечер, на старте в двадцать одну версту от конюшни на финише; стоя в таратайке на прямых и крепких, привычных ногах, Яков Ильич гнал ее в карьер, стегая непрестанно кнутом и кнутовищем, рискуя поминутно колесами и осями так, точно за таратайкой гнались черти из перелеска.

На вспаренной и взмыленной лошади под'езжая диким этим аллюром к заводским загонам, где считали уже, сортировали и взвешивали для Дуни свиней, Яков Ильич еще за полуверсту, сигнализируя сорванной с головы суконной своей панамой на шнурке, неистовно закричал:

— Стой! Стой! Остановить!

И он продолжал кричать так, пока дрожки, пройдя настежные ворота, не врезались на всем ходу в гущу перепуганных свиней и изумленных, [illegible]

Спрятнув, Яков Ильич отрывисто сказал:

— Гоните назад, продажи не будет.

Вихляя толстым, раздвоенным задом, моргая белесыми, хитрыми глазками, к нему подходил Дуня.

— Яков Ильич, как же?—сказал Дуня обеспокоенно, просяще и угрожающе:—я жалиться буду, мы договор писали...

— Жалуйтесь!—сухо и сдержанно ответил Яков Ильич.

Встревоженных и повизгивающих свиней стали загонять в шулы; Дуня смотрел на них алчно и жадно, с видом торгаша, у которого ускользает под носом неожиданная и крупная добыча. Он догнал предуика в воротах и прикрикнуще сказал:

— Ну, я набавлю, Яков Ильич: полтинник даю!

В состоянии полнейшего ажиотажа Яков Ильич сложил искусно и поднес к красному и мясистому его носу фигурный кукиш из четырех переплетенных, черных от земли, пальцев.

... Телеграмма о появлении черной оспы в уезде получена была в губисполкоме ночью; особого внимания на это сообщение не обратили, и телеграмму, в порядке обычного течения бумаг, утром передали в губздрав. На следующий день прибыла, однако, вторая, потом третья и четвертая телеграммы и подробные сообщения о необычайном и катастрофическом росте вспыхнувшей эпидемии. Из этих телеграмм и сводок явствовало, с безусловностью, что вспышка принимает в уезде размеры и формы, в каких поразила она Архангельскую губернию в 1855 году; смертность достигала 65 процентов, зараза распространялась с чудовищной быстротой, и болезнь косила уже десятками гибнувших в страшных мучениях, покрытых черной высыпью, кровоточащих, охрипших и заживо гниющих людей; эпидемия, охватив в неделю четыре волости, и никак не сдерживаемая, грозила выйти очень скоро за пределы требовавшего срочной поддержки, полуобреченного уезда. Когда в губернии учли и поняли серьезность надвигавшейся жуткой опасности, на место с нарочным срочно высланы были деньги, с предложением образовать боевую эпидемическую тройку и принять решительные меры к организации карантинов, пунктов помощи, погребения умерших и изоляции пораженных волостей...

Через месяц, 6 ноября, Яков Ильич, предуик, труском, на пегой кобылке, приехал для доклада в губернский центр. Он остановился у банка, где внес на текущий губисполкомовский счет [illegible]

с половиною тысяч рублей. Затем он прошел в губком, дождался очереди к секретарю и, положив на краешек секретарского стола свой партийный билет, квитанцию из банка и об'яснительную записку из шести ундервудных листках,—сказал взволнованно, обрывая слова и облизывая языком высохшие, вздрагивающие губы:

— Ну вот... судите теперь.

— Что вы, что с вами?—изумленно спросил секретарь:—за что судить?!

— За оспу. Я выдумал оспу,—сказал Яков Ильич, и у него мучительно задрожал подбородок...

Контрольная комиссия заседала после праздников, через три дня. Яков Ильич, ссылаясь на поданную секретарю докладную записку с подробным изложением причин его поступка и обстоятельств дела, в личных об'яснениях на заседании был чрезвычайно сух и лаконичен. Волнение мешало ему говорить, во рту стало сухо и горько, к горлу подкатывались и сжимали его, захватывая дыхание, короткие нервные спазмы. То, что месяц тому назад казалось ему простым хозяйственным трюком,—теперь, когда свиньи выгодно были проданы кожсерапному тресту в Москву, и дыры заплатаны и в уезде восстановлено равновесие, не оставлявшее уже прежней возможности несчастья и разорения, его поступок представлялся ему теперь тягчайшим и непоправимым нарушением его революционного, партийного долга, тягчайшим уроном делу, которому он служил. Он бродил по городу, который был украшен праздничными знаменами и цветами, и залит торжественным светом, и не чувствовал уже себя, как человек за бортом, участником радости, которую сам созидал и создал в боях на Мозыре и за чистотой свиных кормушек в уезде; он готов был сейчас к самому худшему, к тому, что должно было перевернуть его жизнь, искалечить и убить его существо,—он был готов к исключению из партии. И сколько ни думал он в истекшие короткие дни и длинные, томительные ночи об этой страшной возможности, как ни старался подготовить себя к исходу, который казался ему теперь неизбежным,—он понимал, что примириться с исключением не сможет, что ему, безупречно проведшему в рядах партии труднейшие, славные и героические дни, сжившемуся, сроднившемуся, спаянному с ней неразрывной железной спайкой, не станет жизни, не станет смысла жизни вне ее рядов.

На заседании он говорил мало и путано, больше о свиньях, о Дуниной подлости, о погибшей пшенице и о станции, все-таки восстановленной, все-таки пущенной к этим праздничным и судным для него дням. Потом он [illegible]

годах своих в партии,—но поперхнулся, осекся и умолк. Ему показалось неудобным и невозможным говорить сейчас об этом, чтобы слова его не были сочтены попыткой загладить непоправимую и тяжкую, как он понимал, его вину.

Неизвестно, о чем говорили на заседании в его отсутствии. В странном напряжении ожидая конца за дверьми, Яков Ильич слышал сначала, как кто-то монотонно читал его длинную об'яснительную записку; потом ему почудился приглушенный, осторожный смех. Он подумал, что галлюцинирует, и почему-то осторожно ощупал живот: но живот несомненно был на месте, а разноголосый смех был слышен вполне отчетливо. Якову Ильичу стало обидно и тяжело, что люди забавляются веселыми пустяками, когда здесь так мучительно колотится сердце у человека, чья участь решается по ту сторону запертых дверей.

Через десять минут, в которые, как бывает это часто в моменты большой и смертельной опасности, в сознании Якова Ильича повторилась вся его прошлая жизнь,—его пригласили на заседание. Секретарь контрольной комиссии, веселый, тучный и заикающийся человек, прекрасный товарищ и старый, прошедший долгую и суровую школу каторги, ссылки и подполья революционер,—строго сказал:

— Товарищ, вам об'является выговор.

Яков Ильич вздохнул прерывисто и обессиленно опустился на стул. У секретаря зажглись в глазах и запрыгали живые, веселые огоньки.

— Контрольная комиссия,—продолжал он,—выражает надежду, что в уезде у вас никогда не будет впредь оспы...

На секунду он запнулся, сощурился

... или же других... эпидемий!

... Еще через две недели из столицы пришел срочнейший запрос о формах и течении осенней вспышки, о принятых мерах и необходимости поддержки из центра. Губерния ответила уклончиво, что вспышка ликвидирована собственными средствами.

Копии отношений пересланы были Якову Ильичу в уезд, и он сунул их в портфельчик, где лежала на дне смятой и позабытой таинственная бумажка, найденная в таратайке два месяца тому назад, в день, когда принято было в перелеске решение. На обрывке старого справочного листка, какие оплачивал кучер на курево в хозяйственном исполкомовском складе, значилось:

«Черная оспа (variola vera)—болезнь, свирепствовавшая в России в половине прошлого столетия, страшна своими язвой...»

[illegible]

Новые рабочие делегации едут в СССР.

ДЕЛЕГАТЫ ГЕРМАНСКОЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ЕДУТ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ.

БЕРЛИН, 29 октября. В Штуттгарте состоялся конгресс рабочей молодежи, на котором был избран делегат для поездки в СССР.

В Галле на многочисленном конгрессе рабочей молодежи округа Галле-Мерзебург состоялись выборы делегации в СССР. Присутствовало 170 делегатов, в большинстве беспартийные. Выборам предшествовали доклады о положении рабочей молодежи в СССР и Германии. (ТАСС).

ДЕЛЕГАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В СССР.

ПАРИЖ, 5 ноября. (ТАСС). На провинциальном с'езде в Париже [illegible] рабочих-подростков [illegible] выступил с речью, в которой, дав картину жалкого положения рабочих подростков царской России, [illegible] огромные изменения в положении рабочей молодежи, внесенные революцией. Делегатка из СССР Надя сопоставила в своей речи положение рабочих-подростков до и после революции. Советские делегаты [illegible] С'езд избрал делегацию для поездки в СССР в целях изучения на месте условий жизни в Советском Союзе.

ДЕЛЕГАЦИЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ГОЛЛАНДИИ.

БЕРЛИН, 29 октября. Президиум голландского коммунистического союза молодежи [illegible] признал необходимым избрать делегацию из молодых членов организации, участвующих в политическом движении, а также в профессиональном движении, спортивных и иных организаций, для поездки будущей весной в СССР с целью ознакомления на месте с существующим там положением. Президиум голландского коммунистического союза молодежи [illegible] к привлечению этих организаций к участию в предполагаемой поездке и начать пропаганду в пользу поездки. (ТАСС).

Лицемерная резолюция II Интернационала о Локарно.

ВЫНУЖДЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ОБ ОПАСНОСТИ ЛОКАРНО ДЛЯ СССР.

ЛОНДОН, 6 ноября. (ТАСС). Исполком II Интернационала принял резолюцию, определяющую отношение II Интернационала к решениям, принятым в Локарно. Подтверждая вначале убеждение, что проведение в жизнь положений женевского протокола (о третейском разбирательстве в случаях международных конфликтов), явилось бы лучшим обеспечением мира, и, выразив сожаление, что протокол этот не осуществлен вследствие сопротивления со стороны консервативного правительства Англии, резолюция далее гласит: «Несмотря на свое несовершенство, договоры, заключенные в Локарно, все же представляют частичный успех в борьбе рабочего класса против методов насилия. Успех этот является результатом политики рабочего правительства в Англии, победы французского левого блока, успехом бельгийской рабочей партии и «политики выполнения» (т.-е. выполнения версальского договора) германских социалистов».

Далее исполком II Интернационала призывает рабочий класс продолжать борьбу за следующие цели: 1) полную эвакуацию Рейнской области в кратчайший срок и за существенное изменение оккупационного режима в Саарской области; 2) созыв, вслед за ратификацией локарнских соглашений, общей конференции по разоружению, согласно постановлению Лиги Наций; 3) заключение обязательных арбитражных договоров для всех других государств; 4) исполком призывает рабочий класс быть настороже и следить, чтобы локарнское соглашение не выродилось в союз против группы других государств, особенно против Советского Союза.

Затем исполком напоминает рабочему классу, что, хотя локарнские соглашения и не содержат параграфа, направленного против Советского Союза, в прошлом нередко оказывалось, что договоры, заключенные для одной цели, бывали нередко использованы для другой цели. Поэтому, если бы была сделана попытка изолировать СССР, исполком призывает рабочих противодействовать ей всеми силами и способствовать заключению мирного соглашения между государствами Западной и Средней Европы и Советским Союзом.

Отметив противодействие (?) социалистических партий в деле изоляции СССР, исполком находит, что советское правительство создает в этом отношении одно из наиболее крупных препятствий своей политикой самоизоляции (!) и отказом вступить в Лигу Наций.

Наконец, исполком II Интернационала напоминает рабочим всех стран, что правительства всегда готовы считать договоры клочками бумаги, если этого потребуют интересы капитала. Поэтому соглашения, подписанные в Локарно, смогут оказаться действительным орудием мира только в том случае, если рабочий класс будет достаточно бдителен и силен, чтобы обеспечить проведение их в жизнь.

ФИНАНСИРОВАНИЕ АВСТРО-СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ.

ВЕНА, 5 ноября. (ТАСС). На заседании Австрийского Национального банка генеральный директор сообщил о решении усилить финансирование австро-советской экспортной торговли. Со стороны статутов банка нет препятствий к учету советских векселей в австрийской валюте сроком на 3 месяца. Что касается векселей в иностранной валюте или же на срок, превышающий 3 месяца, то Национальный банк, не имея возможности учитывать эти векселя, будет, однако, принимать их в залог, при чем выдаваемые под них авансы не будут превышать 75 проц. вексельной суммы.

Покушение на Муссолини—повод для фашистского наступления.

ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМЫХ В ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ МУССОЛИНИ.

РИМ, 5 ноября. (ТАСС). Бывший депутат социалист Занибони, арестованный в связи с раскрытием покушения на жизнь Муссолини, представлял в палате город Мантую, был участником войны, имеет чин полковника резерва, награжден золотой медалью за храбрость. Как сотрудник Маттеоти, он после его убийства приложил много усилий к раскрытию участников этого убийства. Он неоднократно заявлял, что вдохновителем убийства Маттеоти является Муссолини. В последнее время Занибони жил во Франции, откуда приехал на-днях в Рим, где остановился в гостинице «Драгони», как говорят, под чужим именем. На улицу Занибони выходил в форме полковника, но, по слухам, был опознан владельцем гостиницы, который и предупредил полицию. Последняя начала следить за Занибони, при чем установила его связь с социалистами-унитариями, масонами, а также с заграницей. После этого он был арестован.

Второй арестованный, генерал Луиджи Капелло, очень популярен в военных кругах. Он был участником битвы при Пьяве, где под общим начальством генерала Кадорна командовал бригадой. Капелло пользуется репутацией энергичного человека и ярого масона. После войны он принимал участие в создании первых фашистских организаций. В результате выступления фашистской партии против масонов, Капелло вышел из нее и уехал во Францию. Он был арестован при переезде границы.

ФАШИСТСКАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ В РИМЕ.

РИМ, 6 ноября. (ТАСС). По призыву ЦК фашистской партии перед дворцом КИДЖИ (здание министерства иностранн. дел) состоялась манифестация. Муссолини обратился к манифестантам с речью, в которой призывал их к порядку, дисциплине и доверию к правительству. Редакции оппозиционных газет охранялись войсками. Группы манифестантов обходили газетчиков и отбирали у них оппозиционные газеты, которые тут же рвали и сжигали. Улицы засыпаны клочками бумаги. О других инцидентах пока неизвестно.

МУССОЛИНИ УГРОЖАЕТ ОППОЗИЦИИ.

В Риме Муссолини обратился с большой речью к манифестантам, в которой призывал их к спокойствию, но в то же время заявил о намерении правительства принять энергичные меры по отношению к противникам фашистского режима. «Мы устраним какие бы то ни было препятствия,—заявил в своей речи Муссолини.—Правительство приняло уже сегодня необходимые меры и примет еще другие. Правительство принимает меры к исцелению всех кругов населения от антинациональной заразы».

Примеч. ред. К сообщениям из Рима, основанным в значительной степени на заявлениях из фашистских источников, следует относиться с большой осторожностью. Весьма подозрительным является сообщение, что к «покушению» якобы причастны социалисты-унитарии (реформисты). Естественно возникает подозрение, не замешана ли здесь фашистская охранка.

Французские социалисты поддерживают Пенлеве.

ИГРА В ОППОЗИЦИЮ КОНЧИЛАСЬ.

ПАРИЖ, 5 ноября. (ТАСС). На заседании социалистической фракции палаты депутатов социалисты Реноде́ль, Бонкур, Ориоль и Мутэ взяли обратно свои заявления об отставке в качестве членов политической комиссии. Свой отказ от отставки они обусловили тем, что социалистическая фракция сохранит связь с другими группами левого блока, как и прежде. Считая необходимым дождаться возвращения генерала Сарайля из Сирии, фракция социалистов постановила голосовать доверие правительству в вопросе об отсрочке интерпелляции о положении в Сирии.

По окончании заседания фракции сторонники сотрудничества с правительством заявили, что в ориентации социалистической фракции наметился значительный сдвиг, который позволяет предвидеть возможность возобновления в ближайшем будущем политики поддержки правительства.

ЗАПРОС О СИРИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПАЛАТЕ. БЛЮМ ЗА ПЕНЛЕВЕ.

ПАРИЖ, 5 ноября. (ТАСС). На сегодняшнем заседании французской палаты депутатов правый депутат Ферри обратился к премьеру Пенлеве с требованием дать об'яснения по поводу событий в Сирии. Помимо того, Ферри обратился в президиум с требованием открыть немедленно дискуссию по его интерпелляции о положении в Сирии.

Пенлеве обратился «ко всем тем, „которые беспристрастно хотят знать правду о событиях», с просьбой дождаться возвращения Сарайля.

Социалист Блюм заявил, что он считает невозможным отказать правительству в просимой им отсрочке. Пенлеве просил, чтобы палата разрешила ему назначить время обсуждения положения в Сирии по своему усмотрению, после того как Сарайль, освобожденный от обязанностей хранить профессиональный секрет, будет заслушан парламентской комиссией, при чем заявил, что это произойдет в кратчайший срок. Палата приняла предложение Пенлеве 400 голосами против 30.

ПОВСТАНЦЫ ПОД ДАМАСКОМ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 5 ноября. (ТАСС). «Журналь д'Ориан» сообщает, что вся область вокруг Дамаска занята повстанцами. Французы отказались от намерения перевести сирийское правительство в Алеппо, опасаясь, что это послужит сигналом для всеобщего восстания.

Борьба Китая за таможенную независимость.

СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЗА ТАМОЖЕННУЮ АВТОНОМИЮ.

ПЕКИН, 5 ноября. (ТАСС). Во вторник в Пекине открылась национальная конференция китайских студентов. На конференции участвуют 30 делегатов. На открытии конференции присутствовало свыше двух тысяч человек, в том числе представители министерства иностранных дел.

Председатель конференции Куопохо подчеркнул, что конференция созвана с целью начать усиленную борьбу за таможенную автономию Китая в связи с происходящей в настоящее время таможенной конференцией.

Представители министерства иностранных дел выступили на конференции с заверениями, что китайская делегация на таможенной конференции будет отстаивать полную автономию. Представители министерства иностранных дел призывали студентов уделить больше внимания работе по широкому осведомлению общественности иностранных государств.

НЕУДАЧА ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ ЧЖАН-ЦЗО-ЛИНОМ И НАРОДНЫМИ АРМИЯМИ.

ПЕКИН, 5 ноября. (ТАСС). По общему мнению, попытки добиться соглашения между Чжан-Цзо-Лином и народными армиями потерпели полную неудачу. Обе стороны (т.-е. Чжан-Цзо-Лин и народные армии) в настоящее время мобилизуют свои силы на случай возможных враждебных действий.

Перевозка грузов по всем железным дорогам фактически приостановилась, а движение пассажирских поездов из Манчжурии равно как и по линии Пекин—Тянь-Цзинь происходит крайне нерегулярно.

Выступая в Пекине на банкете, организованном пекинскими сторонниками Чжан-Цзо-Лина, представитель Чжан-Цзо-Лина во временном сенате Юан-Чин-Кай заявил, что время пустых разговоров о мире прошло. Он настаивал, что Дуан-Ци-Джуй должен назначить карательную экспедицию против «нарушителя мира».

НОВАЯ ЗАБАСТОВКА В ШАНХАЕ.

ПЕКИН, 5 ноября. (ТАСС). Из Шанхая сообщают, что на японских текстильных предприятиях вновь вспыхнули забастовки, в виду невыполнения японской администрацией соглашения, заключенного с рабочими. Нарушение соглашения заключается в том, что администрация повысила размеры выработки, требуемой с каждого рабочего.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРОФСОЮЗОВ В ШАНХАЕ.

ПЕКИН, 5 ноября. (ТАСС). Шанхайская полиция опубликовала ряд приказов, направленных против нелегальной деятельности профсоюзов. Полиция угрожает тяжелым наказанием нарушителям этих приказов. Власть в Шанхае находится сейчас в руках сторонника У-Пей-Фу, генерала Сен-Чжан-Фана.

Официальное извещение о перевороте в Персии.

Персидский посол в Москве Алиголихан Ансари прислал замнаркоминделу СССР тов. Литвинову следующее извещение:

«Имею честь довести до вашего сведения, что в виду возрастающего недовольства персидского народа династией Каджаров, меджилис, с целью предотвратить отчаяние народа, в своем заседании от 31 октября принял постановление о лишении трона царствующей династии и возложил на его высочество Риза-Хана Пехлеви, командующего всеми военными силами Персии, верховную власть, впредь до решения учредительного собрания.

Пользуюсь случаем, м. г., возобновить мои уверения в совершенном к вам уважении.

Чрезвычайный посол Персии
Алиголихан Ансари».

ПРИЗНАНИЕ НОВОГО ПЕРСИДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АНГЛИЕЙ.

ЛОНДОН, 6 ноября. (ТАСС). Английское правительство временно признало новое правительство Персии при условии, что последнее будет соблюдать существующие договоры с Англией и упрочит порядок в стране.

Новые каторжные приговоры в Эстонии.

РЕВЕЛЬ, 5 ноября. (ТАСС). 3 ноября в ревельском военно-окружном суде слушалось дело по обвинению в принадлежности к компартии и в подготовке вооруженного восстания. В качестве подсудимых перед судом предстали Ляндау, Кульд, Рийс, Лицвер, Ланасаар, Лаос, Кец, Уоган, Эьераус, Мекер, Анни, Иогансон, Лаапе, Теддер, Мурд, Вейсерман и Саамер. Четверо приговорены к 4-м годам каторжных работ каждый, четверо—к 4-м годам принудительных работ, трое—к трем годам принудительных работ и пятеро оправданы.

В разных странах.

ПОМИЛОВАНИЕ СКОБЛЕВСКОГО, НЕЙМАНА И ПЕГЕ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (ТАСС). Берлинская вечерняя печать сообщает, что участникам процесса «германской ЧК» Скоблевскому, Нейману и Пеге смертная казнь заменена пожизненным заключением. Орган социал-демократов «Форвертс» замечает по этому поводу: «В настоящее время нельзя сказать, что чему предшествовало, германское ли помилование московскому „акту милости" или наоборот».

УСПЕХИ ОППОЗИЦИИ НА КОММУНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В БОЛГАРИИ.

ВЕНА, 5 ноября. (ТАСС). 1 ноября состоялись коммунальные выборы в 14 городах и 320 сельских общинах Болгарии. Согласно выяснившимся пока результатам, правительство, несмотря на жесточайший террор, получило в сельских общинах 40.000 голосов против 30.000 голосов, поданных за оппозицию. В городах результаты для правительства еще менее благоприятны, так как там правительственная партия получила одинаковое число голосов с оппозицией.

ВОЗДУШНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ТЕГЕРАН—ПАРИЖ.

ПАРИЖ, 5 ноября. (ТАСС). Воздушная экспедиция Париж—Тегеран сегодня в 12 ч. 30 м. вылетела из Парижа.

ШАХМАТИСТ ИЕТС ЕДЕТ В МОСКВУ.

ЛОНДОН, 5 ноября. (ТАСС). Известный английский шахматист Иетс выехал в Москву для участия в международном шахматном турнире.

По Союзным Республикам.

К Октябрьской годовщине.

В Ленинграде.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА.

6 ноября в Большом Академическом театре оперы и балета состоялось торжественное заседание Ленинградского Совета совместно с членами первого петербургского Совета Рабочих Депутатов. Театр снаружи разукрашен лозунгами и флагами.

На заседании выступил с докладом тов. Зиновьев, речь которого по радио передавалась на площадь перед театром и в Большой зал Консерватории, где происходило параллельное заседание кандидатов в члены Ленинградского Совета и представителей различных рабочих организаций.

На торжественном заседании присутствовали иностранные рабочие делегации, находящиеся в Ленинграде.

В АКАДЕМИИ НАУК.

6 ноября в большом конференц-зале Академии Наук состоялось торжественное заседание, посвященное 8-й годовщине Октябрьской революции. Это заседание, организованное секцией научных работников, привлекло большое число научных работников вузов и ленинградских научных учреждений.

Заседание открылось речью непременного секретаря Академии Наук академика Ольденбурга о работе Академии Наук за 8 лет Октябрьской революции. В своей речи академик Ольденбург подчеркнул громадное значение революции в развитии научной работы. Падение работы в первые годы революции сменилось, в связи с общим под'емом страны, быстрым ростом научной мысли. Наиболее полно выявила свою работу Академия Наук за последние 4 года. Особенно это сказалось на работе окраинных республик Союза.

НА 24 ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ.

В институте живых восточных языков в этом году впервые выступают с воспоминаниями студенты института, которые произнесут свои речи на 24 восточных языках, преподаваемых в институте.

На Украине.

В ХАРЬКОВЕ.

ХАРЬКОВ, 6 ноября. Город разукрасился десятками тысяч флагов. Все здания правительственных, советских и общественных учреждений увешаны гирляндами и коврами. Особенно живописна центральная часть города. Во всех учреждениях и на заводах состоялись торжественные собрания, посвященные годовщине. 7 ноября на площадях состоятся районные митинги, откуда празднества будут перенесены на центральную часть города и рабочие кварталы.

8 ноября в Харькове открывается клуб политэмигрантов Западной Украины. В настоящее время в Советской Украине находится несколько десятков тысяч выходцев из Галиции, Прикарпатской Украины и Волыни. Количество этих эмигрантов все растет в связи со свирепствующим в Польше террором. Большинство эмигрантов—крестьяне. Открывающийся 8 ноября клуб должен стать культурно-просветительным центром этих эмигрантов.

В ДОНБАССЕ.

АРТЕМОВСК, 6 ноября. 8-я годовщина Октября в Донбассе носит характер большого производственного праздника. Донбасс окончательно восстанавливает свою мощь и значение всесоюзной кочегарки. Число рабочих в Донбассе уже равно 400 тыс. человек. Еще более быстрым темпом идет восстановление металлопромышленности. Нагрузка многих заводов на 9-й год Октябрьской революции превысит довоенную. Эти производственные успехи в прошлом и огромные задачи, стоящие перед пролетариатом Донбасса в ближайшем будущем, будут отмечены на многочисленных торжественных митингах в дни 7 и 8 ноября.

ПЯТИЛЕТИЕ ВЗЯТИЯ ПЕРЕКОПА.

ОДЕССА, 5 ноября. Октябрьские торжества совпадают с пятилетием взятия Перекопской дивизией Перекопа, а также пятилетием шефства Московского Совета над дивизией. За несколько дней до взятия Перекопа дивизию, находившуюся тогда в Каховке, посетили московские рабочие во главе с т. Каменевым, вручившим дивизии знамя с надписью: «Уничтожь Врангеля». Затем дивизия форсировала Перекоп.

Борьба со спекуляцией и ажиотажем.

100 ПРОЦ. НАКИДКИ НА ИМПОРТНЫЕ ТОВАРЫ.—8 ЛЕТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЗА ПРОДАЖУ 99 ПРОЦ. ТОВАРОВ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ.—ПАДЕНИЕ ЦЕН НА ТОВАРЫ НА ДОНУ.

С мест продолжают поступать сведения о новых случаях ажиотажа и спекуляции промышленными товарами.

Наш киевский корреспондент сообщает, что некоторые киевские кооперативы **при отпуске импортных товаров делали надбавки до 100 проц.** «Росстовар», продавая в лотках свои товары, практиковал систему принудительного ассортимента: кто покупал бумажные ткани, того обязывали покупать и нитки. Одна из кооперативных организаций, продавая на сельской ярмарке мануфактуру, принуждала крестьян покупать дамские чулки.

Наркомвнуторг Украины выяснил, что и **Московский городской банк широко применяет принудительный ассортимент** при продаже мануфактуры. Он продал, например, харьковскому губакторгу на 120 тыс. руб. мануфактуры, но с условием, что губактор должен взять еще на 70 тыс. руб. листового табака. Этот табак губакторгу был совершенно не нужен, и последний продал его в Москву с убытком в 20 тыс. рублей.

Тот же Московский городской банк продал киевскому рабочему кооперативу 3 вагона мануфактуры с «обязательной» нагрузкой в 3 тыс. плюшевых цепей.

О продаже мануфактуры госорганами и кооперацией частным лицам сообщают из Пензы.

За последние два месяца **на частном пензенском рынке мануфактура продавалась по ценам, вдвое превышающим розничные цены кооперативов и госторгов.**

Зубовский кооператив Бедно-Демьяновского уезда, получив в июле и сентябре мануфактуру непосредственно от Всероссийского текстильного синдиката, отпускал товар частным торговцам, которые немедленно продавали его по двойной цене.

Ведется расследование.

На местах уже начата решительная борьба с ажиотажем.

Так, в Витебске закончилось громкое дело сотрудников местного отделения Резинотреста. Они обвиняются в том, что **99 проц. товаров продавали частным торговцам, и только один процент—кооперации.**

Заведующий отделением Макаров и его заместитель Ковалев приговорены к заключению на 8 лет со строгой изоляцией, остальные подсудимые—к заключению на меньшие сроки.

Принятые меры против вакханалии на мануфактурном рынке дали результаты и на Дону.

Тут, в связи с получением 28 вагонов мануфактуры, **на частном рынке наблюдается некоторый переполох.** Отмечается уменьшение ажиотажа. **Цены на отдельные товары упали.** Так, цена на бумазею упала с 2 р. 25 к. за метр до 1 р. 75 к.

Награждение рабочих завода имени Марти орденом Красного Знамени.

ХАРЬКОВ, 5 ноября. ВУЦИК постановил наградить рабочих николаевского судостроительного завода имени Андре Марти орденом Красного Знамени.

На торжество вручения рабочим завода ордена Красного Знамени выехал председатель всеукраинского союза металлистов тов. Горбачев.

Новые залежи железной руды в Донбассе.

ТАГАНРОГ, 5 ноября. Специальная геологическая комиссия обследовала Голодаевский район Таганрогского округа, где населением была обнаружена железная руда. Тщательное изучение подтвердило нахождение здесь руды.

Поступили также сведения о залежах медной руды. Начаты геологические изыскания.

Примечание. Голодаевский район (на севере Таганрогского округа, на р. Миус)—единственный необследованный район в южных отрогах Донецкого кряжа. Здесь имеются залежи каменного угля, железной и марганцовой руд и известняка. Подобное сочетание чрезвычайно важно, так как дает все необходимые материалы для черной металлургии.

Приговор по делу ответственных работников Калмыцкой области.

АСТРАХАНЬ, 5 ноября. Вынесен приговор по делу ответственных работников Калмыцкой области. Сущность этого дела изложена в прошлом номере «Правды».

Суд приговорил бывшего председателя калмыцкого ЦИК Маслова и его заместителя Хотлина к расстрелу. Маслов и Хотлин обратились в ЦИК СССР с ходатайством о помиловании.

Убийство сельского корреспондента.

КИЕВ, 6 ноября. В селе Великие Снетинки, вблизи Белой Церкви, местные сельские кулаки убили сельского корреспондента и заведующего хатой-читальней Сажко. Убийцы арестованы, ведется следствие.

Вручение знамени заводу им. „Правды".

ОДЕССА, 6 ноября. (Наш корр.). Сегодня Химсольтрест в торжественной обстановке вручил рабочим завода красок имени «Правды» знамя по случаю значительных успехов производства, поднятия производительности труда и улучшения качества продукции.

Получив завод в запущенном состоянии, рабочие усовершенствовали оборудование, отремонтировали машины. Вместо 176 пудов красок, выработанных за 11 месяцев предыдущего года, теперь завод выпускает в месяц около тысячи пудов. Продукция имеет обеспеченный сбыт.

Из Ленинграда.

(По телефону от нашего корр-та).

ДЕЛЕГАЦИЯ ДАТСКИХ И ЧЕХО-СЛОВАЦКИХ РАБОЧИХ.

6 ноября делегация датских и чехословацких рабочих посетила ленинградский торговый порт. В порту делегаты осмотрели все новые постройки. Постройка грандиозного холодильника для скоропортящихся грузов произвела на делегатов большое впечатление.

— Мы видим,—говорят делегаты,—что восстановление Ленинграда и его промышленности идет гигантскими шагами. Ленинградский порт вскоре займет подобающее ему место в области международной торговли.

После осмотра порта датские и чехословацкие рабочие осматривали Зимний дворец, Эрмитаж и Петропавловскую крепость.

БОЛЬШОЙ ПОЖАР.

5 ноября, около 12 часов ночи, возник большой пожар в главных мастерских Северо-Западных ж. д. Горело громадное здание тендерного цеха. На пожар прибыло 20 пожарных частей.

В самом начале тушения пожара в середине здания произошел сильный взрыв. Оказалось, что внутри помещения находилось несколько баллонов с сжатым кислородом. В первом часу ночи неожиданно произошел второй взрыв внутри здания. К утру пожар был ликвидирован.

Каменное здание тендерного цеха выгорело полностью. Обгорело семь ремонтируемых тендеров. На здании кочегарки вскрыта крыша, повалена дымовая труба и обгорел навес с дровами. Все оборудование здания, трансмиссии, мотор, станки и инструменты сгорели. Причина пожара не выяснена.

Тов. Ворошилов—наркомвоен.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦИК СССР.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

1) Назначить Народным Комиссаром по военным и морским делам Союза ССР и председателем Революционного Военного Совета Союза ССР тов. Ворошилова, Климентия Ефремовича.

ТОВ. К. Е. ВОРОШИЛОВ.

2) Утвердить первым заместителем Народного Комиссара по военным и морским делам Союза ССР и председателя Революционного Военного Совета Союза ССР тов. Лашевича, Михаила Михайловича.

3) Утвердить вторым заместителем Народного Комиссара по военным и морским делам Союза ССР и председателя Революционного Военного Совета Союза ССР тов. Уншлихта, Иосифа Станиславовича.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
А. ЕНУКИДЗЕ.

Москва, Кремль, 6 ноября 1925 г.

Об увековечении памяти тов. Фрунзе.

Совет Народных Комиссаров РСФСР, в заседании от 4 ноября, поручил Малому Совнаркому в двухнедельный срок разработать и представить на утверждение Совнаркома РСФСР проект мероприятий по увековечению памяти тов. Фрунзе.

Приезд делегации датских профсоюзов.

Вчера из Ленинграда приехала в Москву первая группа (9 человек) членов датской делегации профсоюзов во главе с ее председателем тов. Адамсеном.

К приходу поезда на вокзале собралась группа профессиональных работников центральных и губернских союзных организаций, тепло встретившая гостей.

Председатель делегации тов. Адамсен, беседуя с нашим сотрудником, подчеркнул, что широкие рабочие массы Дании проявляют большой интерес к России. Всего 3 недели тому назад на организованный комитетом датско-русского сближения митинг, на котором выступал наш посол тов. Кобецкий, пришли не только рабочие, но и представители широких кругов датской интеллигенции.

Приглашение ВЦСПС посетить СССР было встречено очень холодно центральным об'единением профсоюзов Дании и, наоборот, низовые профорганизации и рабочие массы с большой радостью приняли приглашение русских рабочих, взяв на себя инициативу по организации делегации. Члены делегации были выбраны на фабриках и заводах различных городов Дании.

В заключение тов. Адамсен просил передать братский привет от делегации московским рабочим.

— Мы бесконечно рады и счастливы,—сказал тов. Адамсен,—что завтра собственными глазами увидим самое большое празднество в Москве, которое является одним из важных моментов во всем международном рабочем движении. От имени всего датского пролетариата мы протягиваем рабочим СССР нашу братскую руку для совместной борьбы за торжество труда во всем мире и благодарим за все то, чему мы научились здесь.

Приезд делегации иностранной молодежи.

Вчера в Москву прибыла делегация немецкой и бельгийской рабочей молодежи, в составе 17 человек. На Виндавском вокзале делегатов встречала трехтысячная масса комсомольцев.

На площади у вокзала состоялся митинг.

Тов. **Бакулин** приветствовал немецкую делегацию от имени московской организации РЛКСМ.

От ЦК комсомола делегатов приветствовал тов. **Сорокин.**

Тов. **Рейнхаль** выступал от имени Исполкома КИМ. Несколько недель тому назад,—сказал он,—к нам приезжала делегация австрийской молодежи. В ближайшее время мы ожидаем также делегатов из Англии и Франции. Мы приветствуем в красной Москве новую делегацию рабочей молодежи Запада. Будем надеяться, что товарищи, вернувшись обратно к себе, подтвердят, что путь, избранный пролетариатом СССР, является верным. По этому пути должен пойти пролетариат всего мира.

Бурными аплодисментами был встречен председатель немецкой делегации тов. **Феликс Кауництейн,** передавший молодежи СССР горячий боевой привет. Немецкая молодежь давно хочет узнать, как живет и работает молодежь в СССР, для того, чтобы по примеру последней, организовать молодежь в Германии. Несмотря на то, что выезд делегатов был чрезвычайно затруднен, они все же пробрались в СССР. Комсомол должен помочь делегации возможно интенсивнее ознакомиться с жизнью и бытом СССР.

Затем выступали член делегации бельгийской молодежи тов. **Леонард** и немецкий комсомолец тов. **Ганс Гниппер.**

После митинга делегаты отправились в дом трудящихся Востока, где им предоставлено общежитие.

Привет пролетариату СССР *).

Октябрьская революция в России послужила первым призывом к освобождению пролетариата всего мира. Она была первым ударом по мировому империализму. Она является маяком для освобождающихся угнетенных масс колониальных и полуколониальных стран.

Октябрьская революция—самая яркая страница в истории человечества.

ХУ-ХАН-МИН.

Главнокомандующий кантонской армией.

Москва.

*) Статья тов. Ху-Хань-Мина о «Китае и Октябрьской революции» не могла по техническим причинам попасть в сегодняшний номер и будет помещена в одном из ближайших номеров. Ред.

蘇俄十月革命八週紀念的感想 胡漢民

蘇俄十月的革命，是二十世紀第一件大事，

是宣告資本帝國主義死刑

Автограф тов. Ху-Хан-Мина.

Октябрьские торжества в Москве.

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПЛЕНУМЫ РАЙКОМОВ И РАЙСОВЕТОВ.

4 и 5 ноября по всем районам Москвы состоялись торжественные заседания пленумов райкомов партии и райсоветов.

В отличие от прошлых лет основным содержанием докладов на этих пленумах было выявление наших хозяйственных достижений к 8-й годовщине Октябрьской революции.

Все докладчики, выступавшие на пленумах, подчеркивали, что годы голодовки и нищеты остались уже позади, а впереди—широкая дорога хозяйственного и культурного роста первой в мире социалистической республики.

И еще одна очередная, важнейшая задача стоит перед нами, задача, которую мы должны иметь в виду в 8-ю годовщину Октябрьской революции: вовлечение в советское строительство еще более широких слоев рабочих и крестьян Советского Союза.

Торжественные пленумы в районах, кроме итогов хозяйственных достижений и выявления важнейших задач в области советского строительства, отметили потери пролетариата за эти восемь лет.

Ленин... Фрунзе... Ногин... Склянский... Хургин... и еще много менее известных, рядовых, но героических борцов революции.

И если колоссальные достижения Советского Союза в области экономического строительства, если достижения в области укрепления смычки между рабочим классом и крестьянством радовали десятки тысяч участников этих торжественных пленумов, то потери пролетариата, гибель его вождей, смерть лучших борцов за социализм вселяли в сердца собравшихся тревогу и грусть.

Пленумы укрепили еще больше надежду рабочего класса на дальнейший рост хозяйства нашего Союза и вместе с тем укрепили и веру рабочего класса в грядущее торжество революции во всем мире; укрепили веру в то, что знамя восстания русского рабочего становится знаменем освободительного движения во всем мире. Мысль эту лучше всех выразил тов. Крыленко на районном пленуме Замоскворечья:

— В период всеобщего лакейства и пресмыкательства советская власть высоко держала свое знамя, и поэтому оно стало знаменем всего рабочего и национально-освободительного движения.

Под руководством Ленина партия повела рабочие массы в октябрьские победоносные бои, под руководством партии рабочий класс идет к торжеству социализма.

СОЮЗ ГЕРМАНСКИХ ФРОНТОВИКОВ—МОСКОВСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

Красный союз германских фронтовиков к 8-й годовщине Октябрьской революции прислал московскому пролетариату знамя этого союза со следующим письмом на имя Московского Совета:

«В 8-ю годовщину вашей победоносной революции красный союз германских фронтовиков шлет московским рабочим знамя красного союза фронтовиков. Примите знамя организации, завоевавшей в бурные дни доверие и любовь широких пролетарских слоев Германии. Шлем его в знак революционной классовой солидарности и верности, связующей германский рабочий класс с русским пролетариатом. Приветствия и надежды миллионов германских рабочих сопутствуют знамени в 8-ю годовщину вашей революции. Разверните торжественно наше знамя у могилы Ленина в доказательство того, что миллионы германских рабочих будут вместе с вами защищать и отстаивать наследие нашего великого мертвеца. В противовес Локарнскому договору заключим свободный союз независимой, социалистической Германии с первым пролетарским государством в мире. Протягиваем через границы наши руки. Классово-сознательный пролетариат победит капитализм и развернет красное знамя победы.

Да здравствует дело Ленина! Да здравствует первое пролетарское государство в мире! Да здравствует международный красный классовый фронт для борьбы с капитализмом! Единым красным фронтом!».

«ОКТЯБРЬ В ЛИТЕРАТУРЕ».

В ознаменование 8-й годовщины Октябрьской революции, в понедельник, 9 ноября, всеросс. союз писателей устраивает в Доме Герцена литературный вечер: «Октябрь в литературе». Участвуют: Н. Асеев, М. Герасимов, Вера Ильина, В. Кириллов; поэты и прозаики: Артем Веселый, С. Буданцев, И. Новиков, А. Сивирский и А. Яковлев. Начало в 9 часов вечера. Вход бесплатный.

ПЕРЕДАЧА ДОМОВ ДЛЯ ЖИЛИЩ РАБОЧИМ.

В дни празднования 8-й годовщины Октябрьской революции из числа строящихся Московским Советом домов значительная их часть будет передана районными советами рабочим строительным кооперативам.

В **Красно-Пресненском районе** предполагается передача рабочим строительным кооперативам 13 домов с 339 квартирами и с 819 комнатами. Дома будут переданы в этом районе кооперативам «Дукстрой», «Трехгорная Мануфактура», «Красный Химик», «Жиркость», «Красный Трамвайщик», «Красный Савеловец», «Красная Пресня», «Милиционер-Строитель», «Работник Просвещения» и др.

В **Рогожско-Симоновском районе** предполагается передать об'единенному Ленинскому кооперативу дом в 12 квартир по Крутическому переулку, дом на 32 квартиры по 2-й Динамовской улице и на 64 квартиры по Воронцовской улице. Кооперативу завода «Русскабель» передается дом в 31 квартиру по Солянскому переулку. Кооперативу железнодорожник. Московско-Курской ж. д. «Красный Курянин» будет передан дом на 48 квартир у заставы Ильича и на 11 квартир по 2-му Рогожскому переулку. Кооперативу «Ленинец» завода «Серп и Молот» передаются 2 дома на 64 квартиры у заставы Ильича и дом в 16 квартир на Андроньевской площади. Дом на 32 квартиры, выстроенный у Абельмановской заставы, будет передан кооперативам «Медсанстрой», «Красный Просвещенец», «ГЗД», «Жиркость» и «Милиционер-Строитель».

В остальных районах Москвы передача домов вследствие незаконченных внутренних работ состоится в промежутке времени от 10 до 15 ноября.

ОТКРЫТИЕ КЛУБА МИЛИЦИИ.

На средства президиума Сокольнического райсовета для работников милиции 3-го района оборудовано новое помещение клуба. Торжественное открытие этого клуба состоится 6 ноября при 24 отделении милиции на Спасско-Садовой улице.

В настоящий номер за недостатком места не вошли статьи т.т. А. П. Смирнова, В. Шмидта, Л. Сосновского, В. Карпинского, Б. Шумяцкого, М. Бронского, Калинского, Ходоровского, Уншлихта и др., которые будут помещены в ближайших номерах «Правды».

ВИД РАБОЧЕГО ПОСЕЛКА В КАНАВИНСКОМ РАЙОНЕ (НИЖНИЙ-НОВГОРОД), ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ КОТОРОГО СОСТОИТСЯ СЕГОДНЯ.

В поисках новой деревни.

«БЁРБАНК» ИЗ ЯРОПОЛЬЦА.

По справедливому замечанию А. Гарда в его «Обновленной земле», имя Лютера Бёрбанка известно всему миру. Буржуазные журналы и газеты сделали имя американского ученого знакомым всему читающему человечеству.

К сожалению, мы очень мало знаем о наших российских «Бёрбанках», которые теперь, всего только на восьмом году пролетарской революции и на третьем году «Праздника урожая», прошли перед нами довольно широкой и многообещающей вереницей.

В частности, кто слышал имя одного из наших *советских* «Бёрбанков»,—имя Петра Наумовича Родионова?

Понятно, что никакой виллы у нашего «Бёрбанка» нет. Он—рядовой житель заброшенной деревеньки Мусино, Ярополецкой вол., Волоколамского у., Московской губ. И ни роз, ни лилий, ни тысячи плодовых деревьев у Родионова нет. Вокруг его незатейливой избенки пока что тот же бурьян, что и вокруг многих и многих миллионов наших крестьянских хат. И не в пример своему американскому коллеге мусинский «Бёрбанк» пока что ездит на поле на *крестьянской* лошадке, еле вытягивающей свои усталые ноги из едва-едва пролазной грязи...

С Родионовым я встретился в старом помещичьем гнезде, в имении, когда-то принадлежавшем жене Пушкина — Н. Н. Гончаровой.

Красными призывными плакатами по случаю «Праздника урожая» разукрашено сейчас это гнездо. Между двух огромных колонн Родионов казался каким-то сморчком. В желтеньком засаленном полушубке, рыжая спутанная бороденка, старая потертая шапка, увесистые сапоги. Вот и весь кажется Родионов.

Он шел с выставки, я—на выставку. Мне захотелось проверить впечатление первого крестьянина от выставки урожая.

Поздоровались.

— Что же,—спрашиваю Родионова, — больше всего тебя заинтересовало на выставке?

— Сельскохозяйственные кружки.

— А что же именно? Как работает сейчас крестьянская молодежь?

— Нет, я сам в кружке, председателем состою.

Разговорились. Действительно, Родионов, послушавшись советов агрономов, организовал кружок. Дело было всего лишь в марте этого, 1925 года, а сейчас в кружке уже 17 человек, в том числе 4 комсомольца.

Признаюсь, у меня вначале не было желания посмотреть на работу кружка, насчитывающего несколько месяцев работы. Но Родионов вернулся на выставку и подвел меня к самому непривлекательному по внешнему виду уголку.

У кружка две десятины земли. С весны кружок приступил к посевной кампании на своем маленьком опытном участке.

Кружок ведет свою работу главным образом с овсом и картошкой. Рядом с экспонатами очень красноречивые диаграммы об урожайности этих двух культур. И выкрашены-то диаграммы, кажется, оставшейся от покраски яиц краской.

Я остановился против диаграммы об урожайности овса. Кружок сеял десять сортов. На диаграмме—постепенно уменьшающиеся столбики. Есть сорт овса, давший **162 пуда с десятины**, это наивысший урожайный сорт. А есть и такой сорт—австралийский, который дал только 44 пуда с десятины. Тут имеются овсы и золотой дождь, и 1018, и шатиловский, и даже шефский—новый, увы, пока что малоурожайный сорт! И есть исключительный овес под названием **«свойский», родионовский овес.** Это он дает при прочих равных условиях **162 пуда с десятины!** Обработка и удобрение всех овсов были одинаковы, все работы шли под ряд. Но ведь не даром же у кружка тут же висит плакат: **«Если хочешь большой урожай собрать, знай, какое зерно в землю бросать».**

«Свойский» овес?—спросит любой селекционер с изумлением. До сих пор были известны 53 разновидности овса, но про «свойский» овес ни в одной ученой книжке не написано. Этот «свойский» овес—родионовский овес.

Предприимчивые американцы развели у себя немало наших сортов овса: херсонский, желанный и другие. Мы не сомневаемся в том, что они в скорости заведут у себя еще ценнейший «свойский» овес Родионова. И надо полагать, что какой-нибудь предприимчивый и переимчивый американец не «постыдится» дать родионовскому овсу какое-либо свое имя, как это было с пшеницей «файф», вывезенной в 1843 г. с Волги и названной так в честь «господина Файф», догадавшегося вывезти хороший сорт русской пшеницы.

Диаграмма урожайности картошки не менее поучительна. Также несколько сортов. Также в порядке уменьшающихся столбиков.

Гордо и высоко поднял голову «эпикуреец». Он **принес с десятины 1.500 пуд.** Перед ним даже «всегда хороший» кажется скромным—он дал только 1.200 пуд. с десятины. И горестно ничтожным выглядит «неизвестный», принесший всего - навсего 670 пуд. с десятины.

Родионов ставит опыт за опытом. На своем поле он ведет опыты с черным и занятым паром. Опыты любопытнейшие, но пока еще они в зачатке. Здесь же на выставке кружка поражают опыты с удобрением под брюкву.

Посеяли брюкву с навозным удобрением и с удобрением золой вместе с навозом. Результаты настолько разительные, что следовало бы издать даже декрет о сбережении золы в качестве удобрения. То, что каждая крестьянка привыкла выбрасывать как ненужное, отчего немало бывает случаев пожара, то, что обычно разносится как негодное ветром по селу, **это повысило урожай брюквы почти вдвое.** По навозу брюква дала с десятины 960 пуд., а **по навозу с золой—1.680 пуд.!**

Вот о чем должны шуметь и писать наши советские газеты! Про золу, про ее удобрительные свойства. Ее надо собирать не только у себя в печах, но и на фабриках, в особенности, где жгут березовые дрова.

Тут же в уголке мусинского с.-х. кружка—три баночки с широколистной густой зеленью озими. Родионов поставил опыты с посевом ржи после вики, по навозному удобрению и по удобрению фосфоритом и костяной мукой. Посев произведен в начале августа. **Кущение поэтому прекрасное:** 5—7 побегов из одного зерна!

Но у мусинцев имеется и другой лозунг: «через машинизацию и электрификацию к победе над природой». Они не только написали этот прекрасный и единственно правильный лозунг, но и пошли к практическим шагам в этой области.

Тут же стоит пароконная молотилка. Родионов с кружком купил ее летом этого года за 322 рубля, в рассрочку, с горем пополам собрав задаток. Мало этого, купили и веялку за 80 рублей.

— Обе машины нам уже ничего не стоят,—радостно говорит Родионов.—**Они себя уже оправдали и окупили полностью.** Можем еще другие машины покупать. Тоже окупим их.

Дальнейшая программа кружка, руководимого мусинским «Бёрбанком», не сложна, но реальна: углубление с.-х. знаний членов кружка, приобретение культурных семян и удобрений, организация машинного кружка, вовлечение в кружок новых членов и расширение запашки кружка за счет свободных земель.

В конце концов что же замечательного в деятельности мусинского «Бёрбанка»?

Сила Родионова в том, что он взял правильный подход к сельскому хозяйству, и не какой-либо фантастический, требующий затраты отсутствующих десятков и сотен рублей, а вполне реальный, доступный крестьянину *сегодня же, при всей его нужде и при современном* техническом оборудовании крестьянского хозяйства. Сила Родионова в том, что он своим хозяйским нутром понял, что как от воробья не родится соловьев, так точно и хороший урожай овса может дать только хорошее семя «свойского» овса.

Сила Родионова в том, что он не один, а в целом коллективе. Он не таит своих достижений. Они являются достоянием всего общества.

В 1903 году на опытной селекционной станции в Канаде *было посеяно всего лишь* одно зернышко пшеницы «маркиз». А в 1918 г. от этого одного только зернышка Америка получила прекрасной пшеницы 450.000.000 пудов! И этот сорт пшеницы «маркиз» так же вывезен американцами из России.

Невелики пока что и опыты Родионова с овсом «свойский». Но если бы мы сегодня же решили завести у себя в СССР лучший овес, обеспечить себя хорошим урожаем, мы через 5—10 лет имели бы *миллиарды пудов этого «свойского»* родионовского овса.

На опытных станциях Америки, в области Великих Равнин, лучшими, обеспечивающими наивысший урожай, твёрдыми яровыми пшеницами считаются кубанка, арнаутка, «дурум», вывезенные из России. Пора же, наконец, нам перестать быть Обломовыми. Пора взяться за «свойские» сорта. Пора выделить и выявить своих «Бёрбанков», в нужде и нищете, под град насмешек со стороны скептиков деревни ищущих путей к покорению сил природы, к обновлению нашей отсталой земли.

Г. ЛЕБЕДЕВ.

Октябрь на белорусских полях.

Будут плакаты, будут знамена, будет греметь музыка, но не этим будет отличаться нынешняя октябрьская годовщина *от прошедших октябрей.*

В прежние годы мы говорили о возможностях, которые открывает Октябрь.

В прежние годы мы рисовали светлое будущее.

В эту годовщину впервые мы уже не говорим только, а осязаем, нащупываем реальные достижения, первые набухающие почки того будущего, которое начинает *становиться настоящим.*

Белоруссия — по преимуществу страна сельского хозяйства, естественно, что победы и поражения на крестьянских полях имеют решающее значение.

И в то время как город подготавливал политическую часть праздника, деревня *готовилась к октябрьским торжествам* сельскохозяйственными выставками.

В Орше сельскохозяйственная выставка открылась недели за две до праздников, в Витебске—за неделю. И та и другая выставки ошеломляют своей неожиданностью.

Вот макет поселка: многополье, сады, огороды, где тыквы в 1½ пуда весом каждая, капуста в пуд кочан, где хлеба снимают по 160 пудов с десятины.

Что это? Досужая фантазия агронома? Сделайте еще несколько шагов, и вы находите ответ:

— У крестьянина Рубанова, здешнего Оршанского округа, урожай в нынешнем году достиг 160 пудов с десятины. Селькор Мачульский *снимает с десятины* 110 пудов ржи, 140 пуд. ячменя, 160 пудов овса.

Это не фантазия. И Рубанов и Мачульский тут же на выставке об'ясняют, как они достигли этих результатов.

Скажете: *это—единицы.*

За две недели оршанскую выставку посетило свыше 40.000 крестьян. Это уже не единицы. Это деревня [illegible] всей массой, всем миром рванулась к новой жизни.

То же *самое* на витебской сельскохозяйственной выставке: можно подумать, что базарный день,—столько подвод наехало. Тысячи, десятки тысяч крестьян едут и едут поучиться хозяйствовать «как в загранице».

Приезжают группами по 20—40 человек,—всем селом. *Оказывается, был* сначала на выставке один селькор, вернулся, рассказал, решили всей деревней ехать.

Витебские крестьяне выставили свои экспонаты: морковь в 5 фунтов весом, кочан капусты, который с трудом подымет *взрослый крепкий* мужик.

Спрашиваешь:—Парниковые?

— Не, на своих крестьянских огородах растили.

Прекрасные сорта льна—мягкого, шелковистого.

А в *отделе животноводства—прекрасные* экземпляры крупного скота, лошадей, свиней, птиц.

Мы не склонны преувеличивать, мы прекрасно знаем, что все это лишь первые ласточки, достижения отдельных хозяев-передовиков. Но вспомните опять и опять про 40.000 крестьян на оршанской выставке, *потолкайтесь среди этих тысяч,* прислушайтесь к деловым, озабоченным вопросам,—у каждого экспоната сотни крестьян—тысячи вопросов:

— Сколько стоит? Где купить можно? Можно ли самому научиться управлять? Можно ли узкие полосы запахивать?

Это у выставленного американского трактора.

А *рядом* те же вопросы у нашей молотилки, сделанной на Витебском заводе. Нотки сомнения:

— Наши-то,—хороши ли? А во что обойдутся?

И тут же прикидывают, высчитывают, примеряют.

Крестьянин зря не будет трепаться по выставкам. А если целыми деревнями двинулись *в круг,—значит и взаправду* Октябрем повеяло на полях, значит, сельскохозяйственная революция из наркомземовских канцелярий и со страниц зубрилинских брошюр шагнула в крестьянские хаты.

И еще:

Вот этот холеный конь, гордо закинувший *шею, нетерпеливо бьющий копытом,*—ну прямо картина!—это не премированный рысак из какой-нибудь великокняжеской конюшни, а крестьянская рабочая лошадь.

А сотни и тысячи крестьян, проходившие мимо этой крестьянской лошади, деловито и с видимым уважением обсуждают ее *лошадиные достоинства* и толкуют о том, что вот и у них в деревне у такого-то такой же конь. Видно, что одобряют.

Вкус к хорошей скотине, к хорошо возделанной земле, к крепкому, богатому, сытому хозяйству, где всего вдосталь,—вкус к хорошей культурной жизни появился у крестьянина.

На *последней сессии белорусского* ЦИК при обсуждении бюджета крестьяне жаловались на культурный голод, крестьяне требовали специальных ассигновок на постройку новых просторных зданий для деревенских школ, для нардомов.

— В городе—тебе театр, кино и электричество горит, а у нас в деревне—прямо могила, а не житье,—жаловался крестьянин—член ЦИК.—Нужно деревню в отношении культуры и света уравнять с городом.

Да, деревня хочет равняться по городу. Деревня *понимает,* что для этого нужно поднять сельское хозяйство, выращивать турнепс, сеять клевер и вику, снимать урожаи по полтораста пудов с десятины.

И уже работает над этим. И уже первые победы одерживает. И уже первые достижения к октябрьским торжествам на *выставки принесли.*

Любовно выращенным огородным овощем и урожаем, снятым с освобожденных полей, празднует белорусская деревня свой октябрьский праздник.

А. АНТОНОВ.

КАЖДОЕ НОВОЕ ВЕРЕТЕНО НА ФАБРИКЕ, КАЖДЫЙ НОВЫЙ СТАНОК НА ЗАВОДЕ УДЕШЕВЛЯЮТ ТОВАРЫ, КРЕПЯТ СМЫЧКУ.

Октябрь земли.

(От нашего северо-кавказского корр-та).

В селе Архангельском, в избе-читальне, заседал не совсем обычный с'езд. Не было официальных докладчиков, не было прений, были лишь вопросы, по которым высказывался каждый участник и высказывался всякий раз *просто,* дельно и *авторитетно...*

А когда исчерпаны были все вопросы, встал один в шапке мерлушковой, в поддевке *овчинной,* почесал за ухом, посмотрел туда-сюда и таинственно изрек:

— Так што, граждане-участники, полвеку дня мы исчерпали, сказать до дна. Все обсказано и раз'яснено... Но коли уж пора расходиться, то разойдемся с одноей мыслию, с одним общим желаньем—не делать *оный* **переворот** не тико промеж себе, но и промежду прочих граждан, которы еще не поняли, с чего приступиться и откеда свою силу взять!.. И поможем им, граждане-участники, поможем всем, которы хочут... а которы не хочут—поймут после... И пущай громыхочет тогда наш **переворот** на всю Росею, на весь земной мир!..

Он кончил, и корявые руки неумело зааплодировали ему, словно выбивая пробки, а стоявший сзади в дверях милиционер с аппетитом зевнул. Ибо знал милиционер, что с переворотом все обстояло *благополучно,* что собрались в избе не эсеры какие-нибудь, а хлеборобы-культурники, собравшись для обмена опытом на свою первую конференцию...

Это было год назад, и об этом мы тогда же писали на страницах «Правды», назвав архангельских культурников «пионерами земли».

Пионерами и были они.

В деревне косной и отсталой, где не было даже пресловутой трехполки, а царствовала хищническая система залежей и перелогов, несколько десятков энергичных хлеборобов, игнорируя насмешки «опчества» и традиции старины, десятки лет назад круто повернули в сторону многополья, апрельских паров, боронования взошедших озимей, полки хлебов, травосеяния и многого другого. Делали они все это в одиночку, каждый сам по себе, своим умом добирались до того, когда, что и как сеять, как и чем кормить скот, каких кур и какие арбузы разводить, и т. д., и т. п.

И как же рад был каждый из них, когда увидел, наконец, на конференции десятки себе подобных, *опыт* которых теперь стал и его опытом, достижения—и его достижениями!..

От этой радости и истек энтузиазм того, в овчинном тулупе:

— И пущай громыхочет на весь земной мир!..

Мир не мир, но весь Терек услыхал тогда же, и с того момента стали возникать,—и очень часто стихийно,—кружки хлеборобов; стали созываться их совещания, конференции, маленькие сходы-с'езды. Власть и партия помогли культурникам выйти из своеобразного подполья, рассказать о своих достижениях и тем самым показать остальным хлеборобам, «с чего приступиться и откеда свою силу взять».

И вот то, чего десятилетиями не могли добиться ученые агрономы, то начали осуществлять инициативно сотни и тысячи агрономов-самоучек, агрономов от сохи, пробужденных к новой советской общественности!..

Деревня, дотоле косная и отсталая, зашевелилась. Деревня, дотоле видевшая в агрономе-специалисте барина-белоручку, который «по книжке сеет, да жалованье жнет», эта деревня, поверив своему брату-мужику, поняла, что надо верить и агроному.

Тысячи заявок на землеустройство с обязательством перейти на многополье говорят о таком доверии. О нем же свидетельствует и нынешнее широкое распространение черного пара и пахоты под зябь, введение в посев технических культур, травосеяния, повышенный интерес к садоводству, огородничеству, пчеловодству, массовая тяга на опытные поля, на всяческие лекции и беседы по всем *отраслям сельского хозяйства,* и многое другое.

Прошедшие недавно по всему краю многочисленные крестьянские выставки воочию показали, насколько велик этот сдвиг, насколько захвачена наша деревня, станица, даже аул этим стремительным порывом—по-новому, по-культурному вести свое хозяйство.

В прошлом году большинство таких выставок *было определенно сказано,* а в большинстве сел *они и вовсе не* состоялись, ибо деревня не шла на них, не давала своих экспонатов, порой же и враждебно шептала, что такие выставки не к добру, что есть в этом какой-то подвох со стороны *власти и т. п.*

В этом году картина совсем иная. Такие выставки, как окружная кубанская, районные *новочеркасская,* моздокская, сочинская и бесконечный ряд других, привлекли не только бесчисленное количество всевозможных экспонатов, но и десятки тысяч хлеборобов, пришедших на эти выставки *поучиться.*

А поучиться *было* чему даже и опытным хозяевам, даже ученым агрономам.

В Моздоке, в Осетии, на Черноморском побережье, на Кубани и в ряде других мест жадно набрасывался казак, крестьянин, горец посмотреть, пощупать, любовно погладить образчики хлопка и канафа, этого общепризнанного «крестника» тов. Сосновского. Хлеборобы щупали новое волокно, интересовались буквально до мелочей способами посева, ухода, обработки, условий сбыта и т. п., выпрашивали *по-детски наивно, чтобы дали им «пробу»,* мусолили карандашные огрызки, записывая что-то на газетном обрывке, а потом, отойдя в сторонку, но все еще не в силах оторвать глаз от диковинных экспонатов,—с чувством, с толком чесали затылки свои и думали крепкую думу.

В неменьшей степени интересовало их и зерно разносортное.

Пшеница, яровая, как и озимая, и доселе составляет фундамент хозяйственного благополучия нашего края. Правда, теперь земля не истощается так хищнически, как в довоенные годы, теперь не 96 процентов всей посевплощади идет под зерно, а много меньше,—но все же зерно интересует деревню не меньше, чем червонцы давешние. И вот тысячи хлеборобов интересовались, где же *можно* разжиться этой «хоссбрюховкой», что не боится засухи, а урожай дает 200 пудов, что это за «большевичка» такая, которая морозов не боится и дает 270—380 пудов... И снова тут шли расспросы, выспрашивание, запись омусоленным огрызком и чесание затылков...

Еще больше привлекал экспонируемый скот. Ощупывали бычков, коров, овец,—несмотря на предупреждающие надписи, старались запомнить форму кормушек, состав корма и прочее. На сочинской выставке все любовались бычком с коровой—помесь с индийским зебу: хлебороб, выставивший эту пару, уверял, что животные эти хорошо работают, высокой молочности и стойки против «язвы» здешних мест—кровавой мочи, почему он и развел их уже с полдюжины.

А экспонаты по садоводству, огородничеству, табаководству, виноделию и т. д., и т. д.! И их жадно пожирали глазами, щупали, расспрашивали.

— И откеда ж ты, миленькая, уродилась такая?—нежно вопила старая казачка над тыквой в 40 кило.—Целый век прожила; помню, как сыны еще делянку распахивать ездили, а экой красавицы—сейчас помереть—и не бачила николи!..

Громадное впечатление на массы произвела и *раздача* премий лучшим хлеборобам, отмеченным на районных, окружных и, наконец, краевом конкурсах. Достижения премированных оглашались тут же, на выставке, и когда [illegible] принимали «дар», то руки у них дрожали, а голоса срывались *от* великого волнения.

По всему краю премированных не одна тысяча, и теперь *об этих* тысячах знает каждая станица, *аул,* хутор. И, зная, уже не смеются, как раньше. Почуяли «переворот». Осязательно убедились, что новый хлебороб есть тот агроном, у которого надо всячески учиться, если хочешь себе добра.

В ближайшем времени мы постараемся дать цифры, которые характеризуют и *этот* «переворот», и эту учебу; сейчас же подчеркнем основное:

— Октябрь земли, Октябрь степной коснулся *своим крылом* доселе *косной,* доселе за старину державшейся деревни. Уже не за горами то время, когда каждое хозяйство, ныне знающее «с чего приступиться», сумеет и «силу свою взять», чтобы стать культурным и интенсивным... И тогда будет написана о Кавказе новая, живая книга, более грандиозная, чем даже та «Обновленная земля», которую всем нам советовал читать наш Ленин.

ТИХ. ХОЛОДНЫЙ.

Мировое профдвижение и Октябрьская революция.

(К восьмой годовщине Октября).

Восемь лет назад война еще была в полном разгаре и рабочее движение — социалистическое и профессиональное — было за очень немногими исключениями целиком и полностью во власти военного патриотизма. Ни профессионального, ни *социалистического* Интернационала не существовало: Циммервальд и Кинталь собрали все, что было честного в мировом рабочем движении, но за исключением России большинство пролетариата было на стороне войны. Уже Февральская революция разбудила в широких массах надежду на мир, но эта надежда быстро увяла... Когда произошла Октябрьская революция, в центре внимания десятков миллионов рабочих снова встал во весь свой рост—**мир или война?** Надо сказать, что Октябрьская революция была встречена неодинаково профсоюзами центральных империй и стран Антанты. И те и другие подошли к этому событию с точки зрения интересов своего отечества. Профессионалисты центральных империй радовались, что один из противников (Россия) выбыл из строя, другие *с яростью* встретили революцию за то, что она отказалась брать на себя царские обязательства. Международный реформизм во всех его разновидностях отнесся к Октябрьской революции, как к авантюре. В *отсталой* капиталистической стране социалистическая революция невозможна,—таков был первый и главный тезис всех врагов революции. Методы диктатуры противоречат интересам рабочего класса,—так гласил второй тезис. Рабочий класс, если и сможет физически раздавить буржуазию, не будет в состоянии без нее организовать народное хозяйство,—таков был третий и самый боевой аргумент против революции. Нужно ли говорить, что все эти [illegible] марксистские предсказания оказались *опровергнутыми* фактами: Октябрьская революция *посмеялась* над предсказаниями социал-демократических пророков.

Первым последствием Октябрьской революции была концентрация всех революционных элементов мирового рабочего движения вокруг Советской России, что не могло не привести *к созданию Коминтерна, а затем Профинтерна.* Вторым последствием было возникновение внутри мирового рабочего движения борьбы за и против Октябрьской революции, за и против демократии и диктатуры. Эта борьба разделила все мировое рабочее движение на два лагеря—сторонников и противников Октябрьской революции и насильственного захвата власти. По этой же линии пошло деление и внутри мирового профессионального движения. Организационными центрами этих двух *политических линий* в профессиональном движении являются—Амстердамский Интернационал и Красный Интернационал профсоюзов. Амстердам возник в июле 1919 года, Профинтерн—в июле 1920. Позиция Амстердама по отношению к Октябрьской революции и ко всем связанным с революцией организациям была всегда отрицательная. Особенно любопытно отношение Амстердамского Интернационала к советским профсоюзам, по инициативе которых был организован Профинтерн.

В 1919 году Амстердамский Интернационал пытался вступить в связь с советскими союзами, приглашая их принять участие в вашингтонской конференции, которая была созвана Лигой Наций для создания своего рабочего отдела под названием—Международное Бюро Труда. Резко отрицательное отношение ВЦСПС к этой затее международного реформизма послужило предлогом для Амстердамского Интернационала начать обстрел советских союзов, обвиняя их в том, что они только формально профсоюзы, а на самом деле они ничего общего с современными профсоюзами не имеют. От отрицания советских профсоюзов Амстердамский Интернационал перешел к предложению покаяться и *стать на испытанный путь европейского* профдвижения, что предполагало разрыв с компартией и советской властью.

Зависимые от своих буржуазных правительств европейские реформисты требовали от советских профсоюзов независимости *от советского правительства;* саботируя политическую и экономическую борьбу рабочих против буржуазии, они требовали от советских профсоюзов борьбы против советского правительства; люди компромисса и гармонии между трудом и капиталом, *они были непримиримыми* по отношению к Октябрьской революции и боролись против установившейся гармонии между советскими профсоюзами и советским государством. Но скоро самые отсталые руководители Амстердама убедились, что *с такой политикой далеко не уедешь,* и они переменили фронт. Политику отрицания они сохранили по отношению к Профинтерну, и советские профсоюзы они готовы «признать», если эти последние будут себя хорошо вести. Но и «признавая» советские профсоюзы, *руководители* Амстердама пытаются вогнать клин между нашими профсоюзами и компартией. По крайней мере некоторые хитроумные меньшевистские лидеры видят в этом смысл вовлечения советских профсоюзов в лоно Амстердама.

Таким образом, годы, прошедшие со времени оформления Амстердама и Профинтерна, были годами борьбы за и против Октябрьской революции, при чем Амстердам сделал себе карьеру на предостережении рабочих от русского примера. «Не идите по стопам русских»,—провозглашал международный реформизм на все лады,—«не идите по стопам русских, ибо это ведет к голоду, холоду, гражданской войне, к распаду народного хозяйства и физическому вымиранию». До тех пор, пока навязанная нам гражданская война свирепствовала и наше народное хозяйство все больше и больше падало, такого рода предостережения встречали сочувственный отклик среди миллионов рабочих. *Боязнь голода* и понижения жизненного уровня отталкивала рабочих от подражания Октябрю. «Авось добьемся своего мирными методами»,—думал средний рабочий, со страхом поглядывая на непонятный и об'ятый пламенем *гражданской войны* Восток. Проповедь умеренности, аккуратности, осторожности и сотрудничества встречала сочувствие. Реформизм формально торжествовал победу. Но это было только формально. Во-первых, уже и в первый *период после Октябрьской революции* выросло левое крыло рабочего движения, что нашло свое отражение в создании Коминтерна и Профинтерна. Во-вторых, реформистская мирная политика привела к победе в целом ряде стран черной реакции. В-*третьих, пребывание у власти* социал-демократических правительств, которые должны были противопоставить свой конструктивный социализм разрушительному большевизму, окончилось крахом. Социал-демократические правительства Германии, Австрии, Швеции, Дании, Бельгии, Англии—все они доказали только одно, что международный реформизм за пределы и рамки капитализма не выходит. В-четвертых, конструктивная политика реформизма привела почти повсеместно к *понижению жизненного* уровня масс, к отмене элементарных завоеваний, и, наконец, в-пятых, в то время как уровень жизни европейского рабочего идет по нисходящей линии, Советская Россия начала быстро итти вверх, а это сразу отозвалось на жизненном уровне трудящихся масс СССР. Опять жизнь внесла существенные поправки в реформистские конструктивные построения—Октябрьская революция снова опровергла все предсказания социал-демократических пророков.

Но *этот двойной процесс* ухудшения материального положения рабочего класса в капиталистических странах, быстрый рост народного хозяйства СССР и повышение жизненного уровня широких трудящихся масс нашей страны породили ряд новых *процессов, которые подрывают* самые основы реформизма. Бесплодность «конструктивного» или реформистского социализма рабочие увидели на практике особенно во время правительства Макдональда,—*с другой стороны, они видят* на практике и действительно *творческий* характер Октябрьской революции. Отсюда два явления, характеризующие нынешнее мировое профдвижение: 1) образование внутри амстердамских профсоюзов левого крыла, выступающего за единство профдвижения и в первую голову за единый фронт с советскими профсоюзами, и 2) тяга членов реформистских союзов и социал-демократических партий в СССР. Эти оба *явления, порожденные одними и теми же* причинами, идут рука об руку. Интерес к СССР есть уже доказательство левизны. Амстердам и II Интернационал оба запрещают своим членам ездить в Советскую Россию. Почему? Потому что они, распространяющие *и по сие время всякого рода* небылицы про СССР, боятся как бы рабочие, вернувшись, не опровергли их меньшевистских фантазий. Но чем сильнее социал-демократия выступает против поездок в СССР, тем тяга увеличивается, *рабочие* все *упорнее* и упорнее спрашивают: «Почему нас пугали несколько лет Октябрьской революцией, а когда мы хотим посмотреть, что происходит, нас отговаривают и даже угрожают исключениями?!»

Последний год видел целое паломничество в СССР: англичане, французы, бельгийцы, чехи, немцы, шведы, норвежцы, датчане—учителя разных стран — «все промелькнули перед нами, все побывали тут». Эти поездки характерны тем, что все они организованы *против воли* Амстердамского Интернационала и что рабочие едут в СССР посмотреть, **как это делается.** Не к Макдональду, не к Шейдеману, не к Вандервельде, не к Стаунингу, где орудуют последователи конструктивного социализма, а в СССР, где действуют «дикие» и «*несговорчивые» большевики.* Вопрос о делегациях стоит сейчас в центре внимания рабочего движения ряда стран, ибо рабочие хотят убедиться, насколько революция—дело выгодное для пролетариата.

Кроме того, за *последний год* мы *были свидетелями попыток* об'единить профессиональное движение всей Азии и создать паназиатский интернационал: с другой стороны—австралийское политическое и профессиональное движение взяло на себя инициативу созыва двух тихоокеанских с'ездов (1-*го мая* 1926 *года* в Сиднее и 1-го ноября 1926 года в Гонолулу) в целях об'единения всех рабочих организаций тихоокеанского побережья. Эти попытки свидетельствуют о пробуждении к международной жизни рабочего движения новых *стран, что должно встретить со стороны* Коминтерна и Профинтерна самое внимательное отношение.

Каково же положение мирового профдвижения накануне восьмой годовщины? *В настоящий момент существуют* следующие международные об'единения:

1. **Международная Федерация профсоюзов** (*Амстердам*). Внутри этого Интернационала существует **левое** крыло, которое стоит за более левую политику, и **крайнее левое** крыло, стоящее на платформе Профинтерна. Оба эти крыла имеют за собою большинство примыкающих к *Амстердамскому Интернационалу* рабочих. Правая верхушка Амстердама является орудием Лиги Наций.
2. **Красный Интернационал Профсоюзов** идейно-политически однородный. Амстердам не имеет никаких сторонников внутри Профинтерна. Во всех вопросах он идет рука об руку с Коминтерном.
3. **Панамериканская Федерация Труда,** *охватывающая часть профессионального движения* Америки под руководством Американской Федерации Труда. Внутри имеется совершенно оформленное крайнее левое крыло (сторонники Профинтерна) и неоформленные левые стремления. Верхушка этой организации—орудие американского империализма.
4. **Международное товарищество рабочих** об'единяет анархистские и анархо-синдикалистские организации и группы. Против единства, за раскол. Ведет борьбу, главным образом, против Коминтерна, *Профинтерна и Советской* России. Имеет во всем мире несколько сот тысяч рабочих.
5. **Международное об'единение христианских профсоюзов** охватывает около 3.000.000 рабочих. Политическая линия ничем не отличается от линии Амстердамского Интернационала.

Наконец в проекте:

6. **Паназиатское об'единение профсоюзов.** Если такое об'единение возникнет, то влияние в нем Профинтерна будет значительнее, потому что профдвижение Китая, Явы, Персии целиком за Профинтерн. В Японии, Турции, Египте и т. д. влияние Профинтерна очень велико.
7. **Тихоокеанское об'единение профсоюзов.** И здесь, если бы такое об'единение возникло, влияние Профинтерна было бы значительным (Австралия, Китай, Ява, Чили, Перу и т. д.).

Этот перечень существующих международных об'единений и международных группировок свидетельствует: 1) о смехотворности претензий Амстердама быть «единственным» Интернационалом; 2) о том, что из всех существующих интернационалов Профинтерн имеет наиболее всеоб'емлющий характер, ибо охватывает часть рабочих не только Европы, но и Азии, Австралии и Америки; 3) о том, что Профинтерн имеет сторонников во всех интернационалах, а ни один интернационал не имеет своих сторонников внутри Профинтерна; 4) о том, что проблема единства мирового профдвижения не только не исчерпывается «вхождением» ВЦСПС в Амстердам, как об этом мечтают некоторые амстердамцы, но что даже **слияние** Амстердама и Профинтерна будет **не завершением,** а только исходным пунктом восстановления единства мирового профдвижения.

Этот же перечень свидетельствует дальше о том, как сложно и многообразно мировое профессиональное движение и какие препятствия (политические, национальные, религиозные и даже расовые) предстоит преодолеть на пути создания действительно единого и действительно всеоб'емлющего Интернационала Профсоюзов. Трудности велики, очень велики, но весь вопрос заключается в следующем: идем ли мы по пути преодоления этих трудностей, приближаемся ли мы к цели или топчемся на месте. Теперь, через восемь лет после Октябрьской революции, *подводя итоги, мы можем сказать,* что международное рабочее движение,—и в этом заслуга нашего Октября,—сделало гигантский шаг вперед на пути к единству на основе классовой борьбы. То, что постепенно нарастало, начиная с 1917 года, *стало* заметно только в последний год. Рост левого крыла, тяга к международному единству профдвижения, тяга в Советскую Россию тесно связаны с хозяйственно-экономическим ростом СССР. А это значит, что чем *более быстрым* темпом *пойдет* развитие СССР, тем более крупную роль в международном профдвижении будут играть советские профсоюзы, тем сильнее и сильнее будет тяга к единству.

Не нужно забывать, что как раз к восьмой годовщине Октября совершенно оформился сдвиг в английском рабочем движении, при чем сдвиг этот настолько силен, что не на шутку перепугал английскую буржуазию. Ведь не случайно движение английского пролетариата влево *пошло по линии* соглашения с профсоюзами СССР, по линии создания англо-русского комитета единства. А сдвиг английского пролетариата влево означает такую перегруппировку сил в мировом профдвижении, что никакие махинации правых амстердамцев не смогут задержать процесса об'единения и концентрации сил.

К восьмой годовщине Октября выступил на революционную арену пролетариат Китая, а его выступление означает, что национально-освободительное движение в *борьбе против мирового империализма* получило непримиримого и последовательного руководителя. Китайские профсоюзы постановили на своем последнем с'езде вступить в Профинтерн, потому что в Профинтерне рабочие Китая видят свою *родную организацию.*

Сдвиг английского пролетариата влево и выступление китайского пролетариата в качестве революционной силы представляют собою после Октябрьской революции два важнейших явления всемирно-исторического характера.

Соотношение сил в мировом профдвижении, несмотря на старые организационные рамки,—в пользу той линии, которую проводит Профинтерн и советские профсоюзы. Тесная связь с советскими профсоюзами и единство мирового профдвижения стоит в порядке дня рабочего движения всех стран. Профинтерн позаботится о том, чтобы эта связь рабочих всех стран с Октябрьской революцией и созданными ею профсоюзами становилась все крепче и крепче, чтобы об'единение профсоюзов в единый интернационал не было формальным, чтобы восстановление единства произошло на основе классовой борьбы. Сколько лет для этого потребуется—неизвестно, но что мировое профдвижение в конце концов об'единится на основе принципов Октябрьской революции, это не подлежит ни малейшему сомнению..

А. ЛОЗОВСКИЙ.

Военно-революционный комитет в Питере в октябре 1917 года.

Главной практической задачей, стоявшей перед нашей партией накануне Октябрьской революции, была военная подготовка свержения временного правительства.

«Восстание есть искусство»,—вслед за Карлом Марксом неоднократно говорил Владимир Ильич.

Необходимо было организовать восстание рабочего класса с должным искусством, обеспечивающим его победу. Для этого прежде всего понадобилось создание специального органа для непосредственного руководства восстанием. 19 октября такой орган был выделен питерским советом в лице военно-революционного комитета. Главной базой, основными кадрами этого революционного штаба послужила военная организация нашей партии, возникшая еще во второй половине марта и тесно связанная с массами рабочих и солдат.

Военно-революционный комитет питерского совета состоял, примерно, из 20 товарищей. Но в виду того, что часть работников всегда находилась в раз'ездах, выполняя какие-либо поручения, на заседаниях обычно присутствовало не свыше 10—15 человек.

Для того, чтобы фактически взять в свои руки управление питерским гарнизоном, военно-революционный комитет 21 октября (3 ноября) назначает во все полки, стоящие в Питере и его окрестностях, своих надежных, испытанных комиссаров.

Таким образом параллельно существующей военной иерархии, подчиненной штабу петроградского военного округа, военно-революционный комитет создает внутри питерского гарнизона свой собственный аппарат, состоящий из комиссаров, опиравшихся на большевистские партийные ячейки. Командирам и комиссарам временного правительства не об'являлась война, они не сменялись и не снимались, а, оставаясь на своих должностях, постепенно оттеснялись комиссарами военно-революционного комитета.

Итак, в целях подготовки вооруженного восстания военно-революционный комитет пускает свои щупальцы в питерском гарнизоне, повсюду назначает своих людей.

Хотя ставленники временного правительства непосредственно не свергались, тем не менее самый факт назначения комиссаров со стороны органа питерского совета был смелым революционным шагом, прямым вызовом временному правительству. Конечно, последнее отдавало себе ясный отчет, что внедрение большевистских комиссаров в полки петроградского гарнизона таит в себе явную подготовку к восстанию. В таком случае, отчего же временное правительство не прибегло к арестам наших представителей?

Оно не могло отважиться на агрессивные действия по той же самой причине, вследствие которой оно вообще в сентябре—октябре 1917 г. уже не могло арестовать в Питере ни одного большевистского работника. Накануне Октябрьской революции мы явочным порядком завоевали себе почти полную свободу слова и резко громили на всех митингах временное правительство, открыто призывая к его свержению.

Но временное правительство тогда уже было настолько ослаблено, что не могло позволить себе роскоши преследования коммунистов, за спиной которых стояли и которых открыто поддерживали широкие рабоче-крестьянские массы, наэлектризованные до крайней степени и готовые воспользоваться любым предлогом, чтобы броситься на ненавистное буржуазное правительство и вступить с ним в вооруженную борьбу. Поэтому, с тревогой и опасением наблюдая за ходом развивающихся событий, временное правительство было вынуждено, скрепя сердце, терпеть антиправительственные действия военно-революционного комитета, ограничиваясь подтягиванием к Питеру казачьего корпуса корниловца Краснова и других контрреволюционных полков.

На фоне этих приготовлений временного правительства назначение с нашей стороны своих военных комиссаров было абсолютно необходимым и прямо-таки неотложным шагом.

Опираясь на организационную силу партийных ячеек, комиссары должны были овладеть аппаратом войсковых частей, обеспечить выполнение директив военно-революционного комитета и воспрепятствовать приведению в исполнение контрреволюционных приказов штаба округа.

Эта задача была не из легких. Комиссару приходилось преодолевать чудовищное сопротивление офицерства, в своем большинстве не питавшего никакой охоты к признанию над собой власти военно-революционного комитета. Кроме того, в некоторых,—особенно гвардейских,—полках давно не переизбиравшиеся полковые и ротные комитеты находились под сильным эсеровски-меньшевистским влиянием. Само собою разумеется, что эти оборонческие элементы предпринимали всевозможные меры для того, чтобы изолировать большевистского комиссара, сделать невозможной его работу, посеять недоверие к нему и создать средостение между ним и солдатской массой.

Однако, к моменту Октябрьской революции настроение солдатской массы было уже в такой степени революционным, что между нею и комиссарами военно-революционного комитета быстро находился общий язык.

В действительности изоляция постигла не наших товарищей, а защищавших временное правительство меньшевистски-эсеровских социал-болтунов и полукорниловских офицеров. Большевистские комиссары, эти маршалы пролетарской революции, фактически вырвали из рук временного правительства управление многочисленным питерским гарнизоном. С этого момента буржуазия окончательно потеряла в Питере военную силу.

В тот же самый день, когда совершилось назначение комиссаров, в Смольном по инициативе военно-революционного комитета состоялось собрание представителей всех воинских частей революционного гарнизона, где было постановлено сплотиться вокруг военно-революционного комитета, как своего руководящего органа.

Так главный штаб революции группировал вокруг себя и консолидировал военные силы.

Вечером 21 октября военно-революционный комитет впервые отправил своих представителей в штаб военного округа с предложением совместной работы. Разумеется, никто не питал иллюзии, что хоть в какой-нибудь мере удастся «сработаться» с этим, по существу, белогвардейским штабом.

Задача военно-революционного комитета состояла в том, чтобы выявить и показать массам политическую позицию этого штаба, разоблачить его антисоветскую сущность и заставить его открыто выявить свое нежелание работать в контакте с советом и революционным гарнизоном Питера.

Решаясь на этот шаг, военно-революционный комитет сознательно форсировал ход событий, ускоряя неизбежную развязку, подготовляя разрыв. Но терять времени было уже нельзя. Поскольку военно-революционный комитет мог рассчитывать на рабочие массы петроградских заводов и на подавляющее большинство полков, дальнейшая проволочка была выгодна лишь нашему врагу, лихорадочно спешившему завершить сосредоточение в окрестностях Питера преданных ему войск.

В ночь на 22 октября происходит разрыв между военно-революционным комитетом и штабом округа. Наши уполномоченные, вернувшиеся из штаба около 3—4 часов утра, сообщили, что штаб отказался признать власть военно-революционного комитета и не пожелал согласовывать свою работу с представителями питерского совета.

Разрыв со штабом явился началом открытого вооруженного конфликта между советом и временным правительством.

Воскресенье 22 октября еще заранее было об'явлено днем петроградского совета. В этот день по всему городу были организованы огромные массовые митинги. Эта кампания была нужна партии для того, чтобы накануне восстания поднять настроение массы и окончательно подготовить ее к наступающим решительным боям. Митинги прошли очень успешно. Единодушное сочувствие масс было на стороне большевиков. Доклады значительной части наших полковых комиссаров также указывали, что солдаты питерского гарнизона настроены целиком в пользу советов и вполне готовы к вооруженному выступлению против правительства Керенского.

Красногвардейцы в 1917 году.

Поэтому военно-революционный комитет стал держать курс на немедленное восстание, которое сперва приурочивалось к 23 октября (5 ноября). Но благодаря недостаточной организованности, неудовлетворительной связи и целому ряду иных непредвиденных обстоятельств, выступление отсрочилось до 25 октября (7 ноября).

Тем временем, 23 октября состоялось собрание полковых представителей, на котором было принято решение, что в виду разрыва штаба с революционным гарнизоном и с петроградским советом распоряжения по гарнизону, не скрепленные подписью военно-революционного комитета, недействительны. Это уже было прямым игнорированием штаба, лишением его права распоряжаться войсками округа.

В тот же день было опубликовано воззвание, обращенное к населению Питера и уведомлявшее его о назначении комиссаров при воинских частях и особо-важных пунктах столицы и ее окрестностей.

«Комиссары, как представители совета, неприкосновенны,—говорилось в этом воззвании. — Противодействие комиссарам есть противодействие совету рабочих и солдатских депутатов». Из этого документа видно, что 23 октября, уже чувствуя за собой силу, военно-революционный комитет начинает говорить языком власть имеющего органа.

24 октября военно-революционный комитет предписывает солдатам воинских частей оставаться в казармах, а полковым и ротным комитетам вести непрерывные заседания.

Тем самым главный штаб революции фактически переводит питерский гарнизон на военное положение.

Это было равносильно боевому приказу, предшествующему всякой серьезной операции.

Наконец, 25 октября, когда все уже подготовлено, военно-революционный комитет выводит вооруженные массы на улицу.

Так военно-революционный комитет, работая под руководством нашей партии, шаг за шагом планомерно осуществлял военную подготовку Октября.

Строго обдуманная последовательность его действий обеспечила достижение в кратчайший срок наибольших результатов. Тщательная подготовка и организованность самого выступления немало содействовали тому обстоятельству, что величайшая в мире пролетарская революция в первый фазе своего развития—на улицах Питера—повлекла за собою лишь небольшое количество жертв.

В заключение необходимо подчеркнуть совершенно исключительную роль тов. Ленина не только в политическом, но и в боевом руководстве событиями Октябрьской революции.

Тов. Ленин тщательно следил за работой военно-революционного комитета, контролируя его деятельность, всячески помогая ему и весьма нередко сам проявлял инициативу, настаивая на более быстрых и решительных действиях, требуя отправки новых и новых формирований на фронт. Состоя членом военно-революционного комитета, тов. Ленин был фактически его вождем. При выслушивании военных докладов об успехах Октябрьской революции, тов. Ленин никогда не довольствовался голословными заявлениями. Он всегда входил в самую сущность дела, вникал в детали, требовал доказательств, изучал положение фронта на карте, проверял слова и дела каждого ответственного военного работника. Когда оперативное руководство военно-революционного комитета было перенесено в Смольный, тов. Ленин потребовал, чтобы в штабе для него был поставлен стол, так как он хотел постоянно быть в курсе военных событий. Несмотря на то, что тов. Ленин был штатским человеком,—что он сам постоянно подчеркивал,—нам, военным работникам, не раз приходилось поражаться, насколько быстро тов. Ленин ориентировался в сложнейшей боевой обстановке и насколько продуманы и полезны были его советы и указания по военным делам.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ.

Москва в Октябре.

ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ.

Бывают минуты, от которых зависит история. Минуты, которые требуют прямого «да» или «нет». В такие минуты проявляется людьми обыкновенного склада минимум нерешительности.

Угол дома Московского Совета выходит и на Тверскую улицу и на Чернышевский переулок. Там, в углу этой большая комната (это под кабинетом тов. Любимова), в глубине ее, направо была телефонная будка.

27 ноября вечером в этой будке у телефона стоял Муралов и говорил с Рябцевым.

А в комнате за большим круглым столом сидели члены Военно-Революционного комитета и некоторые другие видные товарищи: Степанов-Скворцов, М. Н. Покровский, И. Стуков и др.

Все за столом сидели молча, ждали, что скажет Муралов. Муралов вышел из будки. Шинель внакидку, фуражка сдвинута на затылок, лицо усталое.

— Ничего не выходит,—сказал он,—Рябцев ставит ультиматум—через 20 минут распустить Военно-Революционный комитет.

Тов. В. П. Ногин, запинаясь, спросил никого в особенности, а всех:

— А как у нас военная сила?

Ярким электрическим светом горела комната. Темное, огромное окно, ничем не занавешанное, смотрело на площадь, на памятник генерала Скобелева, скачущего на бронзовом коне с бронзовой шпагой. В осенней черноте, что была за окном, мы не видали, как этот «белый генерал» беспрерывно скакал на Совет.

В комнате было накурено, тепловато и, несмотря на то, что было в ней десятка два с половиной людей—в этот миг в ней было так тихо, что было слышно, как капля по капле с крыши в трубу капали последние дождинки пронесшейся днем тучи. Можно было четко сосчитать капли: одна, другая, третья...

В этот миг гробовое молчание было жутким.

Дождевая капель отсчитывала секунды.

— Товарищи,—вдруг в какую-то из секунд громко не сказал, а отрезал—не отрезал, а отрубил Ив. Ив. Скворцов,—товарищи! Толковать тут нечего. Тут, по-моему, надо сказать только одно: всякий, кто боится смерти, да покинет сей дом!

С груди словно груда тяжелых камней сразу скатилась.

Бывают слова, от которых зависит, хоть немного, история.

Бывают слова, которые в очень конкретной форме утверждают великое «да».

Бывают слова, которые устраняют колебание, как нож хирурга срезает фурункул, как ветер срывает парус, как молния разрежает душный предгрозовой воздух.

Ни возражений, ни комментариев не вызвали эти слова.

У меня лично блеснула сразу практическая мысль: надо пройти все комнаты Совета, осмотреть нет ли предателей, надо снять телефоны и поставить свои, полевые, надо поговорить с солдатами, потому что то, что произошло сейчас, это то самое, что мы назвали бы, если бы все тогда сознавали ясно: начало военных действий.

Только что я взялся за ручку двери, чтобы открыть ее, как ее кто-то с противоположной стороны распахнул на меня и предо мной я увидел двух левых эсеров: Т. А. Спасского и прапорщика Манжоса. Спасский держал в руках карандаш, а Манжос—бумажку.

— Вот мы,—сказал Манжос,—нашли, наконец, примирительную резолюцию, которую хотим предложить вам. Позвольте...

— Сюда нельзя,—не пустил я их в комнату.

— Примирительная резолюция...—начал опять Манжос.

— Все равно, уж началось!—перебил я его.

Манжос посмотрел на меня большими глазами, потом на Спасского, Спасский поднял высоко плечи. Долго держал их так, потом опустив, полушопотом сказал:

— Что же теперь делать?

Манжос спрятал примирительную резолюцию в карманы брюк, а Спасский что-то говорил мне вдогонку, но я ушел к винтовой лестнице, чтобы подняться в комнату президиума солдатских депутатов, где большинство были эсеры и меньшевики. В маленькой верхней комнате сидел один только Шубников и с кем-то говорил по телефону.

Я попросил его кончать говорить и покинуть Совет.

— Да?! Так?! Вот оно что,—бросил мне. Потом в телефонную трубку:—здесь большевики приказывают мне кончать разговоры. Прощайте. Я еду в думу *),—и опять мне: — Вы понимаете смысл ваших действий?!

—Понимаю.

Шубников быстрым движением бросил в карман гимнастерки коробку с папиросами, что лежали у него на столе, одел фуражку. Неловким движением руки козырнул мне.

— До свидания!

— Прощайте.

И по винтовой железной лестнице я услышал его бегущие частые, частые шаги.

КЛАССОВЫЕ ГРУППИРОВКИ.

Рябцев исполнил угрозу: открыл военные действия. И в тот же момент он приказал своему помощнику, поручику Ровному (меньшевику), выстукивать по прямому проводу приказания о том, чтобы части, расположенные под Москвой и даже на фронте, пришли бы на помощь правительству Керенского и его агентам в Москве.

Ровный старательно **) вызывал на помощь погибающей власти вооруженную силу. Эта сила в серых шинелях, стуча по асфальтовым вокзалам сапогами, прикладами винтовок, гремя пулеметами, приходила в Москву и искала своих, спрашивала у всякого, кого встречала на своем пути:

— Где солдаты?

И отвечали ей:

— Солдаты? Они все там, у Московского Совета. Шагай туда.

Офицеры, приведшие эти части, убеждали солдат итти к думе, к Рябцеву. Солдаты спрашивали:

— А там солдаты есть?

— Солдаты? Вот вы и будете там. Пока там только одни офицеры.

Солдаты, не раздумывая, уходили к Московскому Совету. А офицеры, покидая свои непослушные части, шли к думе, к Рябцеву, Руднову, Ровному, Шубникову. Офицеры приходили туда, щелкали шпорами, брали под козырек и рапортовали о том, как их полки ушли от них в стан большевиков. Рябцев поручил Ровному принимать эти печальные рапорта. Ровный перепоручил это одному из ад'ютантов Рябцева. На второй день ад'ютант Рябцева на глазах у всех, тут же в думе, приставил свой наган к своему виску, выстрелил и убил себя.

Рябцев дал распоряжение Ровному прекратить вызов солдат с фронта и из-под Москвы.

А потом Рябцев справился об артиллерии. Опять шаркали офицеры сапогами, гремели шпорами, рапортовали. Оказывалось по их рапортам, что пушка одна на Арбатской площади.

— А остальное?—спросил Рябцев.

— Остальное у большевиков.

— Как? Вся Ходынка там?

— Вся Ходынка.

*) Там помещался «Комитет спасения» во главе с эсерами Рябцевым и Рудневым.

**) Заняв штаб на Пречистенке, 7, мы нашли в изобилии телеграфные разговоры поручика Ровного.

Офицеры стройно поворачивались и уходили, получая назначения командовать юнкерами.

Рябцев вспомнил, что есть батарея из 8 орудий на Воробьевых горах.

Разрушенный дом у Никитских ворот.

— Она наша?—спросил он своих разведчиков.

— Не установлено,—был ответ.

Полковник Осеньянц, который, взяв Кремль, был назначен его комендантом, однажды ночью донес, что большевики открыли артиллерийский огонь по «святыням Кремля» со стороны Воробьевых гор.

У Рябцева рухнули все надежды на артиллерию.

Оставались Арбатские Ворота.

Но и там не клеилось: утром после донесения Осеньянца прибежал с Арбата ординарец и донес, что кто-то попортил замок у орудия. У единственного орудия, которое было у юнкеров, у орудия, которое сожгло два дома у Никитских Ворот и в одном доме наш отряд человек в 60.

Дело белых разваливалось.

А. АРОСЕВ.

Подарок.

I.

Двина, как никогда,—бурна,
Ночные ветры—люты..
В Двине холодная вода,
И волны злы и круты.

По берегам глухих пурга
Волчицей завывала
И покрывала берега
Пушистым одеялом.

Не различишь,—закрыла мгла,—
Где лес, а где опушка...
Но отчего вдруг так светла
Лесная деревушка?

Бродяга-ветер удивлен,—
За тыном взвыл в обиде:
Таких лучей не видел он,
Таких—вишь не видел.

Ах, ветер, ветер, не ворчи,
Замолчи хоть немножко:
Сочатся снежные лучи
Из каждого окошка.

Лучам лучины не гореть
И не пылать так ярко.
Уж-ль о белом фонаре
Присниться хибаркам?..

Умчался ветер.
За рекой
Шуршал по сухотравью...
Нет, не приснилось. Сон такой
Стал деревушке явью:

Светец запрятан под шесток,
Полны избушки гамом...
Сегодня ток под потолок
Дает
Динамо.

. . . .

— Знаю,
Машина такая нужна!
— Даешь ее, эту динаму.
Какого еще рожна?

— Лампочки, лампочки, братцы!
Хватит сермяги и тьмы.
— Этак, пожалуй, равняться
Будем с Америкой мы.

— Дело занятно и ново,
Будет наш сон на яву...
— Свет проведем и к коровам,
Лампочки—в каждом хлеву.

— Деньги-то, граждане, деньги?
Дыры ведь в этом и в том...
— Будя, Елпатьевна, веньгать,—
Сделаем
«Хлебный
Заем»...

. . . .

Речка Кехта катится в Двину,
По бокам—лесная глушь да горы,
Речка Кехта видела луну,
Да в узорах северные зори.

По ночам из логова медведь
Выходил на речку к водопою...
— Так зачем топориками петь,
Берега работой беспокоя?

Речка Кехта взбешена и зла,—
Залила с досады луговину.
Ей одна дороженька была:
Сквозь литую, мощную турбину.

Ворвалась и с рокотом глухим
Завертела, закружила быстро...
А наверху—динамо в лоцуям
Высекало бронзовые
Искры...

. . . .

Говорил на митинге Егорка,
Предводитель нашей бедноты:
— Пожили и будет, на задворках,—
Мы не зря ухлопали труды.

Косности и грязи нашей древней
Скажем отныне: «берегись»,—
Руки в руки,
Целою деревней
Дружно перекраиваем жизнь.

Нет такой работы,—без заминки,—
Не в пример потрачено труда
Прежде, чем лучина с керосинкой
Со столов исчезли навсегда.

Вспыхнули зарницы над ярами,—
Вона, как светят фонари!
Ясными, желанными огнями
Вырваны зарницы у зари...

В речи председателя не даром
Пахари увидели зарю...
— Эт-та, вот, ребятушки, подарок
Красному,
Восьмому
Октябрю!

ИВАН МОЛЧАНОВ.

1905—1917—1925.

В 1905 г. в первой русской революции пролетариат потерпел поражение. Мы были разбиты, но не побеждены. Теперь всем ясно, что нельзя было не браться за оружие в 1905 году, что как бы ни были разрознены выступления пролетариата в разных городах, как ни мало мы были подготовлены к этим выступлениям, вооруженное восстание 1905 года сыграло колоссальную воспитательную роль в деле подготовки боевых качеств пролетариата, в деле политического воспитания, в деле изучения роли всех классов и партий в нашей революции. Да, в 1905 году мы были плохо подготовлены, плохо представляли себе организацию восстания, еще не было распространено достаточно ясное представление о вероятном ходе восстания. Все то, над чем так настойчиво работал В. И. Ленин в эти годы, все то, что он так страстно проповедывал изо дня в день, нашло лишь неполное выражение в революции 1905 года. Как негодующе, с какой болью писал тогда Ленин о том, что мы уделяем слишком мало внимания этим боевым задачам, задачам боевой подготовки.

Мы слишком неумело боролись за войска, несмотря на наличие огромной революционной волны разрозненных солдатских и матросских бунтов и восстаний, мы иногда, благодаря своей неумелости, **упускали время** (как, например, упустили время в Москве во время восстания Ростовского гренадерского полка). Ленин в «Уроках восстания» отмечает эти наши недочеты в борьбе за войска, когда наш противник умел нас опережать, пользовался нашей неподготовленностью, нашей медлительностью. **Мы не умели пользоваться настоящим «искусством восстания»**, первое и основное правило которого заключается в том, что, начавши восстание, надо **наступать. Восстание загнивало в рамках обороны**, когда враг имел в своих руках руководящий государственным аппаратом не разрушенный центр, связь между большими городами, мог выиграть время, продвинуть новые и новые военные силы на подкрепление. Разбившись по районам, которые потеряли связь между собою и связь с руководящим центром, без единого плана борьбы, оторванные от других городов, мы не умели тогда использовать оружия даже в тех случаях, когда оно попадало в наши руки, как это было дважды на Пресне, когда захваченные нами орудия без боя, без единого из них выстрела отдавались противнику. **Мы были еще связаны формально единством с меньшевиками**, которые своими колебаниями в дни восстания расхолаживали, деморализовали массы, лишали возможности проявить твердое руководство, вливая настроение колебания в массы. А главное,—**мы не имели организующего центра восстания.** Еще слаб был наш Центральный Комитет, только недавно созданный, еще не успели связаться, как следует, созданные им технические группы (заготовлявшие бомбы, доставлявшие оружие) с центром восстания. А враг имел в своих руках этот организующий центр и мог нас разбивать по частям, по районам. **Еще слабы были наши связи с крестьянством**, недостаточно крестьянство понимало нас, еще не видело в нас главной опоры в своей борьбе против помещичьего, крепостнического порядка.

Мы были разбиты, мы потерпели поражение, но не были побеждены. Тов. Ворошилов рассказывал пишущему эти строки,—к сожалению, об этом факте у нас в литературе до сих пор не рассказано,—что после лондонского с'езда Владимир Ильич устроил в Гельсингфорсе небольшое совещание, на котором присутствовал тов. Ворошилов и другие; на этом совещании—это было уже после разгона второй государственной думы—Ленин ставил исторический прогноз, гениальное предвидение всей дальнейшей нашей работы. Он говорил, что **первая революция кончена, надо 5—10 лет** (да, и в определении сроков Ленин был здесь почти математически точен) **кропотливой, кротовой работы в низах, надо снова готовить силы для новых боев, для новых наступлений.** 5—10 лет для малодушных людей были пугающим сроком; они не верили в то, что через 5—10 лет поднимутся новые волны пролетарской борьбы, гораздо более могучие, чем предыдущий шквал. От революции отхлынули тысячи попутчиков, которым не по плечу была эта подпольная, кротовая работа в низах. Большевистской партии пришлось в самых трудных условиях вести эту работу, учитывая опыт потерпевшей поражение первой революции.

* * *

Для тех, кто стоял в стороне от рабочего класса, кто не вел этой кротовой, кропотливой работы, кто не прислушивался к настроениям рабочего класса за эти годы, кто не жил пролетарской борьбой в годы реакции, в годы нового под'ема революции, в годы империалистической войны,—для тех революция 1917 года была неожиданностью. Если западно-европейские наши товарищи хотят извлечь один из ценнейших уроков этого периода, они должны иметь в виду, что **наша партия, партия большевиков, в дни самой жесточайшей реакции не теряла связи с массами.** Нельзя было вести легально работу,—мы вели ее нелегально. Об этом споров у нас было достаточно с меньшевиками; такие меньшевики есть в любой стране. В то же самое время **мы никогда не теряли ни одной возможности выступить открыто.** Мы никогда не теряли связи с массами, с рабочим движением. Вот почему даже тогда, когда профессиональные союзы преследовались, мы принимали деятельное в них участие; в наиболее важных союзах, как союз металлистов, мы имели преобладающее значение. Для наших западно-европейских товарищей классическим образцом такой массовой работы в трудных полицейских условиях, сочетания легальной и нелегальной деятельности, должна служить история нашей печати, с одной стороны, и участие наше в страховой кампании,—с другой. Там мы должны были несколько сглаживать иногда свой язык, обламывать некоторые острые выражения, в легально издаваемых «Правде», «Рабочей Правде», «Северной Правде», «Вопросах Страхования», «Просвещении» и других органах, которые выходили один за другим при непрерывных конфискациях и постоянных арестах редакций и пр., и пр. **Но мы не прекращали наших нелегальных изданий**, в которых мы высказывали без всяких стеснений все, что нужно было нашим руководящим партийным органам. Теперь, когда просматриваешь в архивах комплекты листовок и воззваний, которые мы распространяли в тысячах и десятках тысяч экземпляров, понимаешь, какую огромную работу мы проделали в этих тягчайших полицейских условиях. Да, и в этом отношении западно-европейским товарищам есть чему поучиться у нашей революции. **Надо уметь поставить политическую агитацию и по всякому важному поводу откликаться хотя бы листовкой, если нет своего печатного органа.** Мы принимали участие во всех формах легальной массовой борьбы рабочих, стремясь к руководству этой борьбой, но мы укрепляли наш нелегальный партийный аппарат. Никакие полицейские преследования—члены нашей партии могут насчитать десятки тысяч лет каторжных работ, тюрьмы и ссылки, наша партия может представить длиннейший синодик погибших за эти годы, убитых, умерших в тюрьме и в ссылке,—никакие преследования не могли помешать нам строить нашу партию: если нельзя было открыто, то в подполье, ибо все мы были уверены в конечном торжестве нашего дела, в победе пролетарской революции.

* * *

В 1917 году, когда социальные противоречия, обострение классовой борьбы достигли крайнего напряжения, задача была в том, чтобы **правильно учесть свои силы и учесть момент для открытого массового выступления.** Ряд выступлений — апрельская манифестация, июльские дни—были лишь нарастающими волнами, которые кой-кому в хотелось, быть-может, превратить в решительный бой; но время для этого боя еще не настало, хотя часы уже явно росли. **Нужно уметь и сдерживаться во-время.** Еще не было завоевано крестьянство, оно еще не было на нашей стороне. На ряде практических кампаний изо дня в день, на повседневных фактах политической жизни мы развили в 1917 году такую агитацию, которая не оставалась бесследной даже для самых глухих людей. «Окопная Правда», «Солдатская Правда» раскрывали глаза солдатским массам изо дня в день, освещали яркими молниями коммунистической мысли то, что смутно пробивалось в сознании под влиянием тяжести империалистической войны, под влиянием угнетения господствующих классов. Армия переходила на нашу сторону: мы научились в 1905 году бороться за армию. Надо было привлечь на свою сторону крестьянство,—мы над этим работали больше всего в 1917 году. И наши смелые революционные лозунги, то, что мы усвоили—необходимость теснейшего союза с крестьянством для победы,—обеспечили нам победу Октября. **Мы учли уроки 1905 года, и в Октябрьской революции 1917 года пролетариат не оказался изолированным; с ним была армия, с ним было крестьянство,** которые поняли, что пролетариат выполняет величайшую историческую миссию, доводит до конца революцию, в которой заинтересовано все крестьянство.

* * *

Все ли коммунистические партии усвоили этот урок? Пусть они продумают опыт этих двух революций с точки зрения классовых сил в своих странах, и они найдут очень много ценного, поучительного для своей тактики в предстоящей борьбе.

Несмотря на то, что после июльских дней партия наша была на полулегальном положении, что вождь нашей партии В. И. Ленин разыскивался временным правительством для предания суду (а вернее, ему была уготована судьба Карла Либкнехта и Розы Люксембург, если бы он попался в руки правительства),—мы сумели за это время создать прочную нелегальную организацию, которая могла бы всюду руководить восстанием. На этот раз первый удар был направлен в самый центр. План восстания в том и заключался, чтобы овладеть организующим центром — правительственным аппаратом в Петрограде. Мы учли уроки 1905 года, организационную нашу слабость в 1905 г., и на этот раз мы создали сильную военную организацию, которая могла в момент восстания связать нас с любой военной частью; знали соотношение сил в этих военных частях, их настроения. Роли переменились. Как в 1905 г. царское правительство сохраняло в своих руках центральную власть,—лишь в провинции кое-где временами власть выпадала из рук царского правительства, в отдельных городах на несколько дней или больше организовалась революционная власть,—так в 1917 году центральная власть оказалась с первого же дня восстания в руках нашей партии, в руках победившего революционного рабочего класса, и только в отдельных пунктах власть принадлежала еще не надолго временному правительству. Таким образом, мы в этот период усвоили «искусство восстания», наступать, когда восстание уже об'явлено, не останавливаясь перед самыми величайшими жертвами,—победить во что бы то ни стало. Таков был язык революции, такова была ее поступь в октябре, такова была ее воля.

8 октября 1917 г. Ленин посылал нам свои классические «советы постороннего», в которых сказалась вся страсть революционера, и хладнокровный стратегический расчет, и беспощадный язык революции, и гениальность пролетарского полководца.

«Комбинировать наши главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценою **каких угодно потерь** были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) жел.-дор. станции, г) мосты в первую голову.

Выделить **самые решительные** элементы (наших «ударников» и **рабочую молодежь**, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и **для участия** их везде во всех важнейших операциях.

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска—такова задача, требующая **искусства и тройной смелости.**

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф, телефон и проче) с лозунгом: **погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.**

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса (смелость, смелость и еще раз смелость).

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы». (Курсив везде В. И. Ленина).

Да не только в Петрограде, но и в Москве, где 8 дней боролись мы с белогвардейщиной, и во все остальные дни революции мы помнили, что мы можем победить только тогда, когда проявим величайшее искусство и тройную смелость, ибо мы понимали, что от каждого нашего успеха зависит успех русской и всемирной революции.

Правда, были в нашей среде колебания отдельных товарищей. Но, когда партия сильна, когда она дисциплинирована, когда она вся проникнута боевым духом ленинизма,—а такой была и остается наша партия,—тогда колебания отдельных товарищей, конечно, наносят вред революции, но они не могут существенно изменить ее ход. А для того, чтобы в других странах колебания отдельных товарищей не могли внести замешательства в решительные дни, надо воспитать партийные массы в таком революционном, ленинском боевом духе, чтобы они в эти решительные дни не колебались.

* * *

Революция 1917 года победила не только потому, что мы учли опыт 1905 года, но и потому, что мы учли опыт всех западно-европейских революций. В самом деле, если меньшевики по шаблону расценивали роль и значение пролетариата в революции по этим западно-европейским образцам,—мы, учтя опыт революций 1848 и 1871 г.г. и последующие классовые битвы во всех странах,—прежде всего были реальными политиками в том смысле, что мы серьезно изучили существующие классовые отношения, резко отличные от тех отношений, какие были в Западной Европе в 1848, 1871 г.г., как отличаются эти отношения от существующих теперь в западно-европейских капиталистических странах. Без конкретного учета этих соотношений, без правильного комбинирования сил, само собою разумеется, мы в 1917 году также потерпели бы поражение. В этом заключается отличительная черта ленинизма: конкретная оценка, правильный учет движущих сил революции, умение находить хотя бы и временных, но верных союзников пролетариата, наметить свою верную классовую линию и славно перерешать борьбы классов.

Накануне революции 1917 года Ленин заканчивает свою замечательную работу «О государстве», где весь опыт западно-европейских общественных отношений, весь опыт западно-европейской классовой борьбы и в особенности борьбы Парижской Коммуны был суммирован так, чтобы мы в своей борьбе не повторили ошибок этих революций. И мы учились не только на революции 1905 г., но не менее учились и на этих классических западно-европейских революциях.

Учли ли этот опыт наши западно-европейские товарищи, учли ли они весь этот богатый опыт революционного движения всех стран и в особенности опыт нашей революции? К сожалению, нет еще. И если мы захотим уяснить себе причину бывших поражений пролетарской революции в других странах, мы должны будем сказать, что не малую роль сыграл в этих поражениях недостаточный учет русского опыта.

Разве венгерские коммунисты, организуя советскую республику, обеспечили за собой союз с крестьянством, без поддержки которого в такой аграрной стране, как Венгрия, не может быть прочной советской власти? С другой стороны, разве Венгерская советская республика не погибла от доверия к соглашателям? Ведь эти соглашатели—социал-демократы, с которыми вступили в союз венгерские коммунисты,—это те самые социал-демократы, которые впоследствии заключали союз с Хорти, которые душили все эти годы пролетарскую революцию, руки которых обагрены пролетарской кровью.

Разве болгарские наши товарищи учли своевременно нашу тактику по отношению к крестьянству? Разве не совершили они крупной ошибки в этом вопросе, которую они исправляют теперь ценою величайших жертв?

Разве саксонский опыт не показал также того, что германские наши товарищи забыли богатый революционный опыт и западно-европейской и русской революции, и занимались игрой в парламентаризм, когда нужно было решительно действовать, теряли время на оборону, когда нужно было наступать. В Гамбурге мы имели образцово-организованное наступление, здесь мы имели очень высокого качества революционеров, план составлен был, разработан и выполнен классически. Но разве гамбургское выступление было согласовано с движением во всей стране?

Не так давно мы имели выступление эстонских товарищей. Жестокой ценой расплатились эстонская компартия и рабочий класс Эстонии за допущенные ошибки. Мы знаем героев восставших товарищей, мы знаем, что положение их было необыкновенно тяжелое. Нельзя не признать, однако, что и в этом выступлении не был учтен достаточно опыт русской революции, не было правильного учета соотношения сил и выбора момента для восстания. Да, это, товарищи, величайшее искусство—выбор момента и учет соотношения сил. Этого не было в эстонском восстании, и это надо считать одной из главных причин поражения в Эстонии.

На наших глазах развертывается огромное революционное движение на Востоке. Конечно, там другое соотношение классовых сил. Но разве не напрашивается невольная аналогия между 1905 годом в нашей стране и 1925 годом в Китае? Китайским революционерам есть кой-чему поучиться у нас. Китайской партии гоминдан, руководящей народной революцией, нужно было для своей победы иметь в виду опыт русской революции не меньше, чем этот опыт нужно иметь в виду и западно-европейским нашим товарищам. Конечно, дело идет не о копировании нашей революции, ибо каждая страна имеет свои особенности, свое особое соотношение классовых сил. Нужно учесть изменения и в военной тактике, появление новых политических организаций (фашисты, например) и большую приспособленность буржуазии, которую она вырабатывает в процессе борьбы. Но основные уроки, которые дают революции 1905—1917 г.г., остаются ценными для пролетариата всех стран.

Пролетарская революция не кончилась. Во многих странах происходят лишь авангардные бои, авангардные стычки; еще идет накопление сил в отдельных странах. В Великобритании, например, и в других странах наши молодые коммунистические партии еще только пробуют свои силы на больших политических кампаниях, встречая на своем пути величайшие препятствия. Пусть же опыт тех величайших трудностей, которые мы прошли, победили и преодолели, пусть поражения и победы двух наших революций послужат уроком и опорой для пролетарского движения всех стран. А мы приложим все свои силы к тому, чтобы на опыте практического строительства советского государства, на опыте действительного построения социалистических форм жизни показать, что даже в условиях величайших трудностей пролетариат может сделать многое для победы коммунизма, если он создаст могучую, дисциплинированную коммунистическую партию, опирающуюся на революционное учение марксизма-ленинизма, на революционную практику мирового пролетарского движения, способную повести пролетариат к победным классовым боям.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

Главлит [illegible]. Центральная газетная типография «Красный Маяк», Милютинский, Тверская, 48.